Т23 1/13

Л. САВЕЛЬЕВ

РАССКАЗЫ О МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

T23
T231

1-й экз. ... фонда

Т23-1/13

Л. САВЕЛЬЕВ

РАССКАЗЫ О МИРОВОЙ ВОЙНЕ

РИСУНКИ И ПЕРЕПЛЕТ
В. ТАМБИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1937 Ленинград

355
С-12

В первом издании эта книга называлась „На земле, на воде, в воздухе".

Для среднего и старшего возраста.

Редактор *С. Фридман.* Художник-редактор *С. Мочалов.* Техн. ред. *Н. Суслейникова.* Корректор *Н. Томин.* Сдано в произв. 26/III 1937 г. Подп. к печати 23/VII 1937 г. Д-7. Лендетиздат № 36. Тираж 25 000 экз. Ленгорлит № 3459. Заказ № 1409. Формат бум. 72×93 1/16. Печ. л. 15. Уч.-а. л. 10,26. Бум. л. 7 1/2. (Тип. зн. в 1 бумажн. л. 65 000).

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с матриц в типографии „Ленинградская Правда", Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ 5423.

Цена 3 р. Переплет 1 р.

449616
1943 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О мировой империалистической войне 1914—1918 годов написано уже немало книг. Романы, повести, дневники и воспоминания участников этой невиданной в истории человечества войны занимают целые отделы в крупнейших библиотеках мира.

На отсутствие книг, освещающих эту грандиозную войну, не может пожаловаться и наш советский читатель. Мы располагаем значительным числом художественных произведений о войне 1914—1918 годов. Эти книги показывают нам страдания и муки народных масс, обманом и силой загнанных в окопы империалистической войны; они рассказывают о том, как пробуждалось сознание трудящихся в ходе войны, как рос их протест против этой братоубийственной войны. В этом значение этих книг для нашего читателя.

Но нам нужны и такие книги, которые освещали бы историю войны, рассказывали бы об отдельных сражениях, знакомили бы с военной техникой и военным искусством.

Половину населения нашей советской страны составляют ровесники Октября. Эта молодежь родилась уже тогда, когда отгремели пушки войны 1914—1918 годов, и она знает о ней лишь по рассказам своих отцов и старших братьев.

Надо показать этим читателям подлинное лицо минувшей войны, раскрыть перед ними тайну рождения этой войны и ее настоящие цели. Надо нарисовать им правдивую

картину всех способов борьбы в этой войне и ознакомить с техническими средствами, которые так широко применялись всеми воюющими государствами.

Книга, предисловием к которой являются настоящие строки, — первая книга о войне 1914—1918 годов, поставившая своей задачей познакомить читателя с сущностью империалистических войн, рассказывая о конкретных эпизодах войны минувшей и о формах подготовки капиталистических стран к войне будущей.

Из этой книги читатель узнает, как рождаются империалистические войны, ради каких целей они ведутся и против кого в первую очередь направлено острие готовящейся сейчас новой империалистической войны.

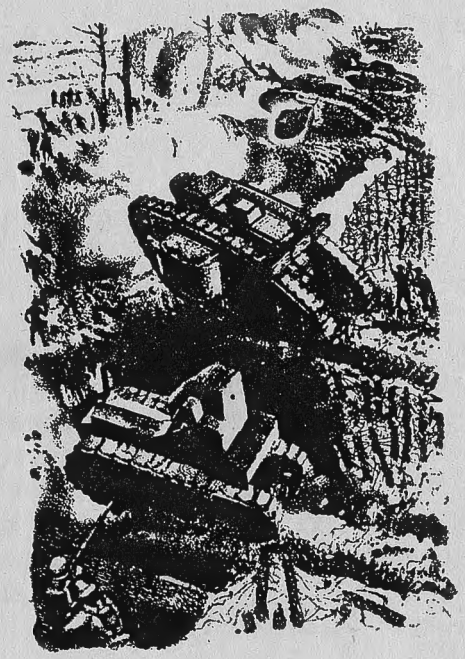
Из этой книги читатель узнает о способах борьбы на суше, на море и в воздухе, которые применялись капиталистическими странами и их армиями в первой мировой империалистической войне и которые будут применяться ими и в будущем.

Знать, как будет действовать враг, какие приемы и средства борьбы будет употреблять он в будущей войне, и быть готовым к этому,— это значит наполовину облегчить себе задачу по разгрому врага, по уничтожению его ценою «малой крови».

Книга поможет читателю представить себе картину будущей войны; она подскажет, что должен делать каждый из нас, чтобы крепить оборону нашей социалистической родины, чтобы быть готовым ответить сокрушительным ударом на удар врага.

Полковник *И. Зубков.*

Военно-политическая ордена Ленина академия РККА имени Толмачева.



Часть первая

ВОЛЧИЙ ЗАКОН

РАССКАЗ О ВЕРДЕНСКОМ СРАЖЕНИИ

Это было двадцать два года назад, во время мировой войны.

Уже много месяцев шла война, много было кровавых сражений, а все еще ни один из противников не добился решающего успеха. С горькой насмешкой вспоминали германские солдаты слова, сказанные Вильгельмом II в первые дни войны. «Солдаты! — воскликнул император и указал на деревья перед своим дворцом: — не успеют пожелтеть и опасть эти листья, как вы уже вернетесь домой с победой!» Не один, а два раза успели с тех пор пожелтеть и опасть листья, смениться новыми, а до победы было все так же далеко.

И вот в конце 1915 года на секретном совещании германского штаба было решено: сосредоточить силы против Верденской крепости, нанести тут противнику решительный удар.

— Если мы и не возьмем Вердена сразу, — сказал на совещании германский главнокомандующий, — то по крайней мере вымотаем из французской армии все ее силы. Мы закружим ее в непрерывных боях, мы размелем ее как на мельнице!

Девять часов продолжался обстрел...

Верден был избран германским командованием недаром. Эта крепость — сильнейшая в мире — прикрывала пути вглубь Франции, пути к столице страны, к Парижу.

21 февраля 1916 года рано утром загрохотали внезапно под Верденом пушки — тысяча двести двадцать пять германских пушек.

Триста тысяч германских солдат стали готовиться к атаке.

Девять часов продолжался обстрел, гул и свист стояли над Верденом. И вдруг все смолкло. Настала тишина. Германские солдаты бросились в атаку.

Верденская мельница завертелась!

Пять дней подряд предпринимали германские войска атаку за атакой. Пять дней подряд сын Вильгельма II, кронпринц, гнал на Верден лучшие германские полки. Один за другим, как волны, шли они на передовые форты крепости, шли на Дуомон и на Во — и разбивались о них.

Десятки раз откатывались назад германские отряды, оставляя на земле убитых. И снова бросались вперед, занимая леса и овраги.

С каждым разом все упорней и упорней становились атаки, и все ближе подходили германские войска к фортам.

Наконец, на пятый день, немцы подошли вплотную к Дуомону.

В этот день с самого утра бушевала сильная метель. Весь Верден заволокло сплошной белой пеленой. Напрасно пыталось французское командование снестись с Дуомоном: сквозь снежную муть световые сигналы не были видны, а телефонные и телеграфные провода были повреждены германскими снарядами.

Целый день ничего не было известно о судьбе Дуомона. Настал вечер. Из Дуомона все еще не было никаких вестей.

А поздно ночью во французский штаб вбежал весь облепленный снегом раненый солдат. Он рассказал, что случилось страшное несчастье: немцы захватили Дуомон.

Перед рассветом французское командование послало сильный отряд на выручку Дуомона.

Но Дуомона отряд этот не достиг. Назад он тоже не вернулся. Он попал на пути под обстрел германских пулеметов и был скошен весь, уничтожен до последнего человека.

На этом кончается первая часть Верденского сражения: германская армия одержала победу — захватила форт Дуомон; теперь ей оставалось взять форт Во.

---

28 февраля к форту Во откуда-то подошла толпа солдат во французской форме. Никто не обратил на них внимания: это было обычным делом — солдаты с передовой линии часто заходили в форт на отдых. Только старый солдат, ламповщик форта, окликнул пришельцев. Но те ему ничего не ответили; один за другим стали они пролезать в форт через брешь в стене, пробитую снарядами. Ламповщик занялся своим делом. И вдруг — или, может быть, это ему только померещилось? — до него долетело немецкое слово. Не поворачивая

головы, ламповщик прислушался. Да, эти солдаты, одетые во французскую форму, переговаривались между собой по-немецки.

Тихонько, чтобы не обратить на себя внимания, встал ламповщик со своего места и подошел к сигнальному посту.

Через минуту по всему форту вспыхнули цветные лампочки, зазвенел тревожно звонок: неприятель в стенах форта!

Переодетых немцев окружили и расстреляли на месте.

Хитрость не удалась. Значит, надо было брать форт силой. Медленно, с боями стали продвигаться германские войска к форту Во, занимая французские окопы метр за метром.

Но германскому кронпринцу не терпелось: он заранее уже получил от Вильгельма II поздравительную телеграмму и хотел теперь как можно скорее ответить на нее взятием Вердена. Четыре раза бросал он свои войска на штурм. И четыре раза французы отбивали штурм. Германская армия поплатилась за торопливость кронпринца тысячами убитых.

Тогда германское командование решило отложить новый штурм до тех пор, пока войска не укрепят хорошенько захваченных ими позиций.

На это ушло два с половиной месяца.

Изо дня в день, под непрерывным обстрелом, прокладывали немцы в земле новые окопы. Казалось, неутомимые муравьи строят здесь огромный муравейник, пробираются по узким ходам и закоулкам, что-то перетаскивая, ворочая, укрепляя.

А пока немцы продвигались под землей к форту Во, французы, не теряя ни минуты, укрепляли форт и складывали в его казематы необходимые припасы.

Изо дня в день переносили французские солдаты в форт Во ручные гранаты, патроны, банки с консервами, бочки

с питьевой водой. Взвалив тюки на спину, пробирались они перелесками и оврагами в форт, прячась от выстрелов. Вот последний овраг; тут отдых перед самой опасной перебежкой. Дальше совершенно голое место, открытая долина;

Даже парижские автобусы были мобилизованы для перевозки войск.

ее надо успеть перебежать в перерыве между германскими выстрелами. Едва прогремит выстрел, солдаты с тюками бросаются вперед. Кто не успеет добежать во-время, тот погиб...

Так готовились оба противника к схватке. Оба, предвидя решительный бой, старались стянуть к Вердену все силы.

Немцам было, конечно, не трудно подвозить всё новые и новые войска: в их руках были железные дороги. Но что было делать французам: обе их железнодорожные линии, ведущие к Вердену, были перерезаны германской армией.

Оставалось только одно средство сообщения — шоссе. В эти дни оно получило новое название: «Священный путь». Ни один пешеход, ни одна конная повозка не смели теперь показаться на этом пути. Бесконечной лентой двигались по шоссе в три ряда грузовики. Каждые пять секунд — грузовик. Даже парижские автобусы были мобилизованы для перевозки войск.

Днем и ночью полторы тысячи рабочих чинили шоссе, чтобы движение ни на минуту не останавливалось.

Обе армии накапливали силы, обе готовились к бою. Первыми закончили подготовку немцы. В начале июня они снова перешли в наступление.

Земля перед фортом Во была уже вся изрезана сетью германских окопов, точно лист, изъеденный гусеницами.

По этим окопам, чуть только рассвело, устремились немцы на приступ и ворвались в Во. К вечеру они захватили почти весь форт. Но французский гарнизон все еще сопротивлялся: он укрылся в самой глубине форта, он ушел в огромные его погреба и укрепился там.

И вот — в форту Во оказалось сразу два гарнизона и два коменданта: германский в верхнем этаже форта, французский — внизу, под землей, прямо под германским. Стоило только французскому солдату высунуться из-под земли, как

сейчас же сверху летела в него ручная граната. Но и немцам трудно было продвигаться вглубь форта по его крутым темным ходам: французы навалили тут мешки с землей и поставили за ними пулеметы.

Прошло три дня; у французов не осталось больше питьевой воды. Форт был окружен со всех сторон. Радио уже давно не действовало, телефонные провода были порваны, оптических сигналов из-за дыма и пыли нельзя было разглядеть.

Как же дать знать своим, что в глубине Во продолжается борьба, что французский гарнизон все еще занимает подвалы форта?

Как известить их, что кучка людей под землей ждет от своей армии помощи?

Утром в укрепление Сувиль, находящееся недалеко от Во, спустился голубь. К ножке его была привязана алюминиевая трубочка, в трубочке — на тонкой бумаге — записка коменданта Во: «Все время держимся. Подвергаемся очень опасной атаке газом, огнем и дымом. Необходима как можно скорее помощь. Это мой последний голубь».

Из Сувиля ответили оптическими сигналами: «Мужайтесь! Скоро мы атакуем!»

С часу на час измученный французский гарнизон ждал обещанной помощи.

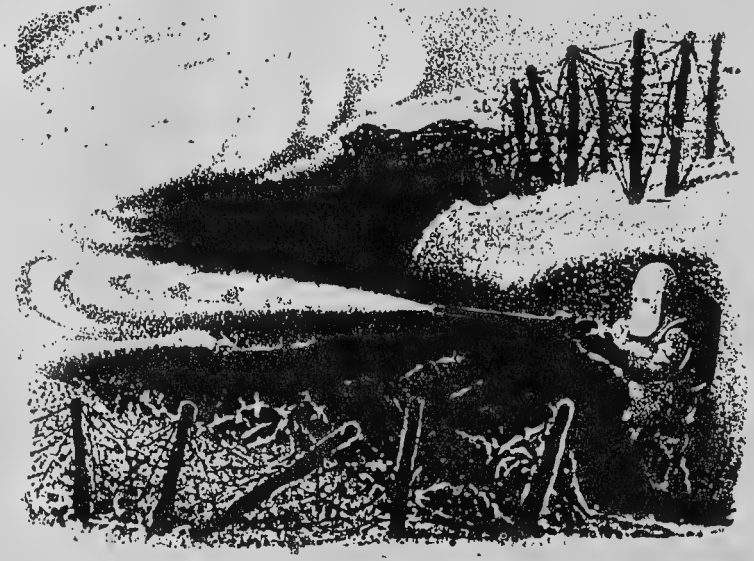
Проходит день. Проходит другой. Атаки все нет.

Французские солдаты в подземельях Во уже два дня сидели без глотка воды. Они лизали бетонные стены подвала — холодные стены, влажные от сырости. Дышать было почти нечем: разрывавшиеся снаряды отравляли воздух.

А германский гарнизон в это время неутомимо работал наверху: он прокладывал себе дорогу вниз, он вгрызался все глубже в форт. Взрыв следовал за взрывом: это немцы разрушали земляные завалы, расчищали путь к погребам.

Но французский гарнизон не сдавался; он все еще надеялся на помощь.

И вот помощь как будто пришла: французская артиллерия начала обстрел Во. Значит, готовится атака. Но французские артиллеристы бьют снарядами слишком малого калибра. Та-



Атака огнем.

кими снарядами не пробить толстых, в шесть метров, стен форта.

Тогда французский комендант воспользовался единственной оставшейся в его руках башней форта, чтобы дать знать артиллеристам об их ошибке.

Но едва только солдат начал подавать из башни световые сигналы, как в щель башни влетел осколок снаряда; этот

осколок разбил оптический прибор. Сигнализировать стало невозможно.

Теперь французскому гарнизону, запертому в подвалах форта, оставалось одно: ждать. Ждать, чем окончится атака

В два часа ночи к югу от форта Во, там, где стояли французские войска, взвился в небо яркий пучок ракет: сигнал к началу атаки. С башни форта при блеске выстрелов видно было, как пытаются французские отряды прорваться к Во, как попадают они под перекрестный обстрел, как прячутся солдаты в воронки, вырытые снарядами. Видно было, как немцы окружают их, расстреливают, берут в плен.

Атака не удалась. Теперь уже нечего ждать помощи. Последняя надежда исчезла.

И все-таки французский гарнизон Во не хотел сдаваться. Он до конца остался на своем посту.

Уже не все подземелье, а только небольшой участок его был в руках французов. Даже для раненых нельзя было раздобыть ни капли воды. Смрад, тяжелый смрад разложения расползался по всем погребам: французам негде было хоронить своих мертвых. Напрасно пытались они выбить в стене углубление, чтобы замуровать в нее мертвецов: стена была крепкая и не поддавалась.

А взрывы гремели все ближе и ближе: это немцы взрывали последние завалы...

В ночь на седьмое июня французский гарнизон попробовал все-таки подать еще раз сигналы разбитым оптическим прибором. Так слабы были эти сигналы, что в Сувиле их не могли уловить. Только два слова удалось расшифровать изо всей передачи, два слова: «...не покидайте...»

Наутро немцы разрушили последний завал и ворвались в погреба; форт Во перешел целиком в руки германской армии.

Так окончилась вторая часть сражения: победили немцы.

Они захватили оба самых сильных форта крепости: Дуомон и Во. До Вердена им осталось совсем немного — всего четыре с половиной километра. Еще усилие, и сама крепость, сам Верден будет взят!

Началась последняя часть Верденского сражения.

Знаете ли вы, как производят в больнице переливание крови из вен одного человека в вены другого? Трубка вставлена одним концом в вену дающего кровь, другим — в вену принимающего. Непрерывной струей течет кровь из человека в человека, и тот, кто отдает ее, постепенно слабеет...

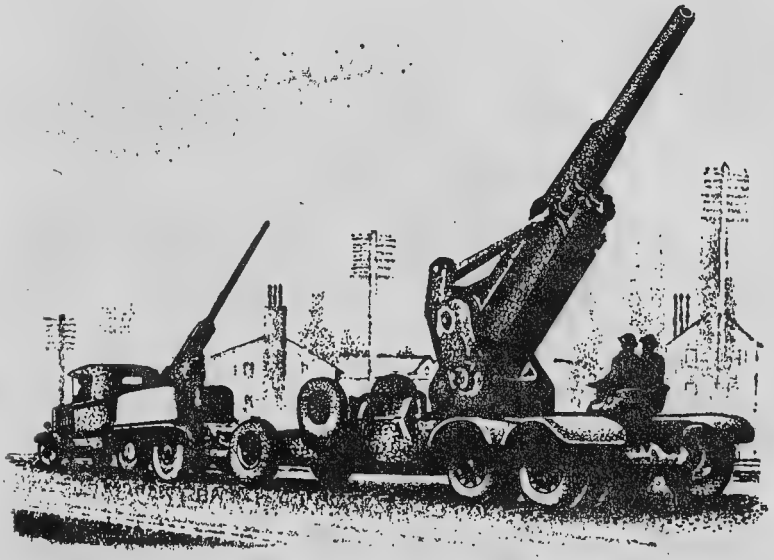
Автомобильное шоссе «Священный путь» напоминает ту же трубку для переливания крови: одним концом воткнута она в сердце Франции, в Париж, другим концом — в Верден.

Бесконечной лентой, непрерывной и однообразной, несутся по шоссе автомобили. Уже за десятки километров от Вердена слышат солдаты странный глухой гул. Это грохот боев. Подобно крыльям мельницы, мелькают германские и французские полки, сменяя друг друга. И все это на одном и том же месте. Десять раз вырывают немцы у противника все тот же небольшой лесок за фортами и десятки раз отдают его снова французам. У германской армии нет уже сил. Она точно надорвалась в боях за Дуомон и Во. Но кронпринц, прозванный своими же солдатами палачом, гонит снова войска в наступление. И вот опять захвачен лесок и опять отдан. Без конца вертится верденская мельница.

Так продолжалось четыре месяца. И наконец пришла развязка.

Решительное наступление французов началось 19 октября: французская тяжелая артиллерия стала стрелять по Дуомону.

Завеса чада не рассеивалась над Дуомоном ни на час. День и ночь стояли над ним сумерки. Форт содрогался до самых глубоких своих погребов, точно от землетрясения. Свечные огарки в коридорах то и дело гасли. Под сводами казематов клубилась облаками цементная пыль, она вползала в коридоры, ложилась на орудия и стены.



Идет моторизованная артиллерия.

Шесть дней подряд тяжелая артиллерия громила Дуомон.

За эти шесть дней земля перед Дуомоном изменилась так, как не могла бы измениться и за тысячу лет. Еще совсем недавно тут были леса, холмы, луга, постройки, целые деревни. Теперь вместо всего этого — совсем голая, черная,

изрытая пустыня. Точь-в-точь такой выглядит луна со своими мертвыми кратерами, если смотреть на нее через телескоп.

А на седьмой день в бой вступили подвезенные французами сверхтяжелые орудия. Так дорого стоили эти орудия, что во всей французской армии их было не больше десятка. Но зато каждое из них обладало чудовищной разрушительной силой. В полдень начали эти орудия стрелять по Дуомону.

Тяжелые мешки с песком, которыми были заткнуты окна форта, вылетели из них при первом же выстреле, как пробки из бутылок. Давлением воздуха сорвало с петель железные двери. От стен начали отскакивать осколки камней. Обломки металла с гулом носились по коридорам и лестницам. Весь форт трещал и крошился.

Первый снаряд попал в лазарет и разорвался там с громовым ударом. Сразу запахло серой, взметнулось зарево. Третий снаряд разрушил казарму, пятый — главный проход форта. Германские солдаты сидели скорчившись по углам казематов. Лица у них были серые от пыли, глаза провалились от бессонницы. При каждом новом ударе они только сильнее стискивали зубы.

Шестой снаряд попал в каземат. Там хранились патроны. Начался пожар.

Напрасно метались люди, стараясь затушить пожар. Воды нехватало. Пустили в ход даже сельтерскую из баллонов. Но ничто не помогало, огонь и дым проникали все дальше в глубь казематов.Пачками, с треском взрывались запасы ружейных патронов.

Всю ночь не утихало пламя, перебрасываясь из одного погреба в другой, всю ночь свирепствовал пожар под землей.

Утром, в густом тумане, двинулось из форта длинное шествие. Люди шли парами. Каждая пара держала носилки, а на носилках лежал раненый. Солдаты спотыкались, сади-

лись на землю, чтобы перевести дух. Их рвало. Они были оглушены взрывами, отравлены газами, обожжены огнем пожара. Так покидал форт германский гарнизон.

Но история Дуомона на этом не кончилась. Уже после того, как форт был покинут гарнизоном, в него забрело десятка два германских солдат; это были люди, отбившиеся от своих частей и заблудившиеся в тумане. Так как всякая связь с армией у них была потеряна, один из них сам объявил себя комендантом и стал готовиться к защите опустевшего форта. Девятнадцать человек расположились у входов, а двадцатый стал посылать по радио просьбы о помощи. Никто ему не отвечал. Последнее его донесение было: «Слабый гарнизон удерживает форт до прибытия подкрепления».

Как погибли эти люди, никому неизвестно.

В тот же день Дуомон был захвачен французскими войсками; вскоре они взяли и форт Во.

На этом заканчивается последняя часть Верденского сражения. Оно продолжалось восемь месяцев. За это время было убито пятьсот тысяч людей...

Такова история Верденского сражения — одного из многих сражений мировой войны.

ГИМНАЗИСТ ПРИНЦИП

Почему бывают войны? Как и почему началась в 1914 году мировая война?

28 июня 1914 года сербский гимназист Гаврила Принцип выстрелил из револьвера в племянника австрийского императора, эрцгерцога Франца-Фердинанда. Пуля пробила эрцгерцогу сонную артерию, он упал мертвым.

Эта пуля — так написано в австрийском учебнике истории — и вызвала мировую войну: австрийцы, возмущенные

убийством, пошли войной на сербов; но за сербов заступились русские; тогда, чтобы помочь австрийцам, германцы объявили войну русским; но на помощь русским пришли французы; а потом в войну вмешались еще англичане, бельгийцы, турки, японцы, итальянцы, американцы и другие народы...

Выходит так, что один выстрел заставил воевать все народы. Семьдесят миллионов людей пошли сражаться из-за австрийского эрцгерцога, которого все равно уже нельзя было воскресить!

Так ли это было на самом деле? Верно ли, что мировую войну вызвал сербский гимназист?

Гаврила Принцип не успел еще родиться, его и на свете не было в то время, когда германский генеральный штаб уже составил план войны с Россией и Францией.

Гаврила Принцип еще не умел говорить, когда Россия и Франция заключили между собой союз на случай будущей войны.

Гаврила Принцип не научился еще стрелять из револьвера, когда Англия тайно обещала Франции поддержку в будущей войне.

И, наконец, арестованный после убийства Гаврила Принцип не успел еще дать показаний на допросе, как в австрийской газете уже было напечатано: «Момент для нас явно благоприятен; если мы и сейчас не решимся на войну, нам придется наверное воевать года через два-три при худших условиях».

Нет, не из-за Гаврилы Принципа разгорелась война, она началась бы и без него. Спустя год, Принципа расстреляли по приказу самого сербского правительства. И никто даже не заметил, что убийца австрийского эрцгерцога перестал существовать, никто из-за этого войны не прекратил.

Выстрел сербского гимназиста послужил всего-навсего

поводом, чтобы начать поскорее военные действия; но не он был причиной мировой войны.

Так зачем же австрийские и германские министры так упорно настаивали на том, что причина войны — этот злополучный выстрел? Зачем уверяли они, что совсем не хотели воевать, что их к этому вынудили? И зачем министры других стран тоже искали для войны разных предлогов, выдуманных оправданий?

Потому, что все они знали: народ против войны.

Ведь, как раз в эти самые дни немецкие рабочие писали в своем воззвании: «Мы против войны, да здравствует братство народов!» И в это же время в Петербурге, в Париже, в Лондоне происходили демонстрации, требовавшие сохранения мира.

Народ не хотел воевать. Для того, чтобы начать войну, нужно было обмануть народ.

Поэтому-то все правительства так тщательно скрывали, что война давно уже ими подготовлена и предрешена; поэтому так искали они поводов для войны.

А когда подходящего повода найти не удавалось, тогда его просто-напросто придумывали.

Первого августа 1914 года германское правительство выпустило сообщение: «Французы бомбардируют немецкий город Нюренберг!» Сейчас же вслед за этим сообщением Германия объявила Франции войну. А через полгода само же германское правительство призналось, что никакой бомбардировки Нюренберга на самом деле не было: произошла будто бы телеграфная ошибка, которая и ввела германских министров в заблуждение. Однако войны с Францией германское правительство не прекратило.

Так в одну неделю почти все великие народы были вовлечены в войну. А за ними настал черед и малых народов.

С самого начала Греция заявила, что она в войну вмешиваться не будет, останется нейтральной. Недолго, однако, позволили ей стоять в стороне от войны.

Уже в январе 1915 года английский министр Грей предложил Греции выступить против Германии и Австрии. В награду за это Грей обещал, в случае победы, отдать Греции турецкий город Смирну. Греция ответила отказом. Тогда Грей предложил вместо Смирны богатый медью и золотом остров Кипр: английскому правительству было очень важно заполучить нового союзника, бросить греческие войска против Турции. Но греческое правительство и на этот раз отказалось: оно отлично знало, что греческий народ не хочет войны, и считало слишком рискованным делом выступить открыто против воли народа.

Тогда, в декабре 1915 года, состоялась встреча трех министров иностранных дел: английского, французского и итальянского. Грей предложил обсудить, что делать с Грецией: она упорно не желает воевать! Министры решили: нужно Грецию уговорить, а чтобы уговоры действовали сильнее — «стеснить на время доставку продовольствия в Грецию».

Начальники английских, французских и итальянских портов получили секретный приказ: впускать, как и прежде, греческие корабли в гавань, но обратно в море их уже не выпускать.

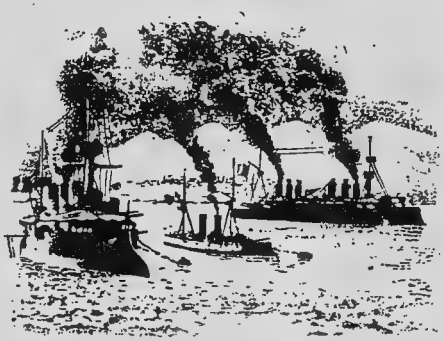
Говоря попросту, Грецию обрекли на голод.

С этого дня начинается упорная борьба: великие державы дружно вталкивают Грецию в войну, а маленькая Греция судорожно уклоняется от войны. Неравная и безнадежная борьба!

В 1916 году трое министров встретились снова и снова обсудили, что им делать с Грецией. Грей опасался, что длительная блокада может истощить вконец греческую армию,

и тогда участие Греции в войне не принесет никакой пользы. Остальные министры согласились с Греем и решили для ускорения событий послать в греческие воды военную эскадру.

Эскадра прибыла второго сентября. Корабли стали на якорь у самой греческой столицы. Генерал Саррайль, командующий десантом, сразу же потребовал, чтобы все железные дороги Греции подчинялись отныне ему. В случае отказа — бомбардировка побережья.



Английские и французские корабли стали на якорь.

На экстренном заседании греческое правительство решило подчиниться этому требованию. Председатель совета министров Греции заявил, что об отпоре нечего и думать. Надо только оттягивать время и, пока будет малейшая возможность, уклоняться от войны.

«Единственная надежда, — сказал председатель совета министров, — это утомить Саррайля уступками».

Но тут он сильно ошибся: генерал Саррайль был не из тех людей, которых можно утомить уступками. Получив в свое ведение железные дороги, он потребовал контроля над почтой. Получив контроль над почтой, он сразу же потребовал контроля над телеграфом. А получив телеграф, он на другой же день потребовал и радио.

Настало время, когда греческое правительство не могло даже посылать телеграммы своим посланникам за границей, не спросив разрешения Саррайля.

Но и этого всего Саррайлю было мало: ведь, ему было поручено во что бы то ни стало втянуть Грецию в войну.

Девятого сентября французский и английский дипломаты гуляли вместе в посольском саду. Вдруг из-за кустов раздались выстрелы. Тотчас же обыскали весь сад, но стрелявший точно провалился сквозь землю. К счастью, никто из дипломатов ранен не был.

Узнав о покушении, возмущенный генерал Саррайль потребовал от греческого правительства, чтобы виновные были найдены во что бы то ни стало. В тот же день он спешно высадил на берег военный отряд, будто бы для охраны дипломатов.

Греческое правительство поняло, к чему клонится дело. Ночью перед домом, где заседало правительство, были спешно вырыты окопы и дом обнесен колючей проволокой.

Русский посланник сообщил в Петроград шифрованной телеграммой обо всех этих событиях. Он добавил, что виновные, конечно, никогда не будут найдены, так как покушение, по его сведениям, подстроено самим генералом Саррайлем.

Между тем, неутомимый генерал Саррайль, не теряя времени, предъявил уже новое требование: весь греческий военный флот, тридцать один корабль, должен быть передан ему. Срок для ответа — двенадцать часов.

Растерянные пришли греческие министры в парламент и один за другим заявили: есть единственный способ избавиться от новых требований, и этот способ — подчиниться воле великих держав, вступить в союзе с ними в войну. Сказав это, все греческие министры подали в отставку. Новое правительство ответило генералу Саррайлю, что оно, «уступая силе, согласно на все». Через несколько дней Греция объявила о своем вступлении в войну.

Но тут, когда правительство уже сдалось, в дело вмешался греческий народ.

Народ, который до сих пор ни за что не хотел воевать, теперь охотно взялся за оружие. Только распорядился он оружием не так, как этого хотели Грей, Саррайль и само греческое правительство.

Народ взялся за оружие, чтобы избежать войны.

В уличном бою 1 декабря 1916 года пылкий генерал Саррайль был разбит наголову восставшими греками и бежал со всеми своими войсками.

Эта победа дала Греции последнюю, недолгую отсрочку. Несмотря на то, что ее правительство уже объявило войну, она в течение нескольких месяцев не приступала к военным действиям.

Но за эти месяцы блокада так усилилась, что люди стали умирать на улицах с голоду. Италия захватила западный угол Греции, Франция — восточный. В середине июля англо-французские войска заняли столицу Греции.

И скоро греческие солдаты уже сражались на разных фронтах рядом с английскими, французскими и итальянскими солдатами.

Так Греция вступила в мировую войну. Стоит ли рассказывать, каким способом были втянуты в войну Китай, Гаити, Либерия, Сиам?

Ни один народ не хотел войны. И все-таки всем им пришлось воевать. Их вовлекли в войну хитростью, обманом и насилием.

ПРЕДВЕСТИЯ ВОЙНЫ

Не выстрел Гаврилы Принципа вызвал войну. Так что же в действительности вызвало войну, что было настоящей ее причиной?

Чтобы найти эту причину, нужно заглянуть в прошлое: нужно вернуться лет на пятьдесят назад.

Полвека назад самым сильным и богатым государством на земле была Англия. В Англии тогда добывалось угля и железа больше, чем в любой другой стране. В подвалах английских банков хранились величайшие запасы золота. Английский военный флот сторожил моря и океаны, чтобы никто не мог напасть на Англию, вырвать из ее рук морскую торговлю, отнять у нее ее колонии.

«Владычица морей» — так называли Англию полвека назад.

Но как раз тогда, полвека назад, впервые стало заметно, что у Англии появился соперник. Этим соперником была Германия.

Германия, правда, была еще намного слабее Англии. Но зато мощь ее росла очень быстро. С каждым годом становилась она все опаснее для Англии.

Вот Германия догнала Англию в выплавке железа. Вот уже перегнала ее. Вот стала нагонять и в добыче угля. Вот понемногу начала забирать в свои руки морскую торговлю. И вот, наконец, накопив силы, Германия начала строить большой военный флот.

«Наше будущее — на море!» сказал Вильгельм II в 1890 году. Слова эти можно было понять только так: Германия строит флот для того, чтобы захватить земли за океаном, отнять современем у Англии ее владения.

Это был открытый вызов, открытая угроза. Это было первое предвестие мировой войны.

Скоро германское правительство перешло от слов к делу. В 1900 году оно нанесло Англии неожиданный удар: оно начало строить новую железную дорогу, прямой путь из Берлина в Багдад.

Английские министры понимали: как только дорога будет

построена, по ней хлынут на Восток германские товары, устремятся в Азию германские купцы и инженеры, а в нужный момент двинутся туда и германские войска. Германское правительство станет хозяином всей Малой Азии.

Это было второе предвестие мировой войны.

Англия не решилась тогда остановить Германию силой. Но именно с того времени английский король Эдуард VII стал чуть ли не ежегодно совершать поездки по Европе. Английские газеты объясняли эти поездки очень просто: «Наш король, — писали они, — по своей натуре турист, он страстный любитель путешествий». Но мы-то знаем теперь: Эдуард VII ездил сговариваться с правительствами всех стран, которым угрожала Германия. В глубокой тайне подыскивал он союзников на случай войны.

Прошло несколько лет, и Германия нанесла своим соперникам, Англии и России, новый удар: Австро-Венгрия — союзница Германии — присоединила к себе земли, заселенные сербами: Боснию и Герцеговину. Этим она расчищала Германии путь на восток.

И в то же самое время германское правительство, придравшись к ничтожному поводу — аресту на французской земле нескольких немцев-дезертиров, — приказало своему послу покинуть Париж.

Это случилось в 1908 году. И это было третье предвестие мировой войны.

О том, как велика была на этот раз опасность войны, можно судить по воспоминаниям лорда Фишера, бывшего морского министра Англии. На секретном совещании лорд Фишер заявил: нет никакого смысла дожидаться нападения Германии, выгоднее ее опередить. Лорд Фишер предложил такой план: внезапно, без объявления войны, окружить в море германский флот и пустить его ко дну.

План этот был тогда отвергнут. Лорд Фишер слишком уж спешил: и в Германии и в Англии не все еще было готово к войне.

В 1908 году удалось сохранить мир.

Но не прошло и трех лет, как Германия нанесла новый удар, на этот раз в Африке.

Издавна Германия целилась на арабские земли в Африке, на Марокко. Но французские войска успели раньше германских проникнуть в Марокко. Этим самым, казалось, вопрос о том, кому будет принадлежать этот кусок Африки, был решен.

Германия, однако, не примирилась с этим: летом 1911 года в одну из марокканских гаваней вошел внезапно германский военный корабль «Пантера» и направил свои орудия на побережье.

Это было четвертое предвестие мировой войны.

Уже французский генеральный штаб принимал спешные меры на случай вторжения во Францию германских войск. Уже английский флот был приведен секретным приказом в боевую готовность. Уже русское правительство решало, вмешается оно в войну или нет.

Казалось, на этот раз мира не сохранить.

В последний момент, однако, германское правительство решило оттянуть войну: соотношение сил показалось ему невыгодным. К тому же Франция уступила Германии кусок земли в Африке; правда, это было не Марокко, заселенное арабами, а полоска Конго, заселенная неграми. Германское правительство как будто удовлетворилось этим на время.

1911 год прошел благополучно, без войны.

Но мир теперь был уже так подорван, что войны можно было ждать в любое время.

В 1912 году соперничество между Германией и Англией достигло такой остроты, как никогда прежде. Все свои силы напрягла Германия, чтобы построить как можно больше

военных кораблей. И вот тогда английское правительство объявило: в ответ на каждый новый германский корабль Англия будет строить по два корабля!

В следующем, 1913 году Вильгельм II известил секретно бельгийского короля Альберта I о том, что война Германии с Францией — дело решенное, ждать ее уже не долго.

А затем настал 1914 год. Вылетела пуля из револьвера Принципа, австрийский эрцгерцог был убит. И этим убийством воспользовались правительства великих держав для того, чтобы начать наконец войну...

Так началась мировая война: совсем не внезапно и не случайно. Ее подготовляли упорно, исподволь, в продолжение десятков лет. Борьба за Азию и Африку, борьба за новые земли, — вот что породило эту войну...

Но кому же в Германии, кому в Англии, во Франции, в России понадобились новые земли? Кто были эти люди, решившиеся во что бы то ни стало вызвать войну? И откуда в руках их оказалась такая власть, что они смогли втолкнуть чуть ли не все государства в войну?

ИСТОРИЯ КОРОЛЯ РАДИЯ

Вот история бельгийского миллионера Ле-Шьена, владельца радиевого рудника в Африке. Чтобы в этой истории все было ясно, нужно начать ее с мировой войны.

Четыре года воевали Англия, Франция и Бельгия с Германией и наконец победили ее. В 1919 году германские земли в Африке перешли к победившим странам. Кусок бывшего германского Конго достался Ле-Шьену. В одном месте этой земли оказалось очень ценное вещество — радий.

Это была важная находка: радий встречается так редко, что за все время его добыто не больше килограмма. А нужда

в нем очень велика: радием лечат больных, страдающих раковыми опухолями, радий почти единственное средство против этой страшной болезни.

Ле-Шьен стал «королем радия».

Но Ле-Шьен был не единственным королем радия на земле. Были еще два других короля радия: один владел рудником в Чехословакии, другой — рудником в Колорадо, в Америке. Больше соперников у Ле-Шьена не было.

Оба старых рудника были бедны радием. Чтобы добыть пылинку его, надо было перерыть и отсеять такую кучу земли, какой не увезти целому поезду.

Каким же окажется новый африканский рудник — богаче или беднее прежних? Этого никто не знал, кроме Ле-Шьена. Но Ле-Шьен никому этого не сообщал.

Хотя на земле было всего только три торговца радием, но земля показалась им тесной: каждый из них хотел получать один всю прибыль от торговли радием, не делясь ею ни с кем. Каждый стремился уничтожить соперников.

И вот началась между ними жестокая борьба. Всеми мерами старался каждый король радия разорить остальных двух и добиться того, чтобы работа на их рудниках прекратилась.

В этой борьбе победил Ле-Шьен. На время он стал единственным королем радия на земле.

И как только Ле-Шьен победил, он установил твердую цифру добычи радия в год и твердую цену за грамм. Он объявил, что будет добывать 60 граммов радия в год, а цена за грамм — сто тысяч рублей. Это значит: за грамм радия — пять пудов золота.

Но в год умирает от рака миллион людей. Чтобы их спасти, недостаточно этих 60 граммов.

Да и не только больным нехватает радия, нехватает его и ученым для опытов.

Профессор Содди, знаменитый исследователь радия, пишет: «Ученые, открывшие радий и способы его добывания и принесшие в дар человечеству все свое с трудом добытое знание, теперь не в состоянии приобретать радий даже в скромных количествах, необходимых для научного исследования».

Много раз Ле-Шьена просили увеличить добычу радия и снизить на него цену. Ле-Шьен отвечал уклончиво: работы, мол, на руднике идут полным ходом; самые сложные, самые усовершенствованные машины перерывают и очищают руду; на эти-то машины и уходят все вырученные за радий деньги. Что поделаешь, руда совсем не богата радием!

В 1929 году в Швеции была объявлена всенародная подписка: нужно было собрать деньги на покупку пяти граммов радия. В том же году Франция купила шесть граммов, а Германия всего четыре.

Нашелся, однако, человек, который не поверил Ле-Шьену. Это был английский врач Хаден-Гест. Он отправился в восточную Африку для того, чтобы своими глазами увидеть, как добывают там радий. Но когда Хаден-Гест добрался наконец до цели, оказалось, что все долгое путешествие он совершил напрасно: в рудник его не пустили. Как крепость, был окружен рудник колючей проволокой, у ворот стояли часовые, и ни один посторонний человек не мог проникнуть за ограду.

Но Хаден-Гест был упрям; он не поехал назад, а сговорился с возчиком, который доставлял в рудник воду, чтобы тот тайком провез его за колючую проволоку.

Что же увидел непрошеный гость, проникнув во владения Ле-Шьена?

Десяток негров-рабочих ковыряли землю лопатами. Ни одной машины, ни одного усовершенствованного приспособления для быстрой очистки руды! Рудник мог бы давать гораздо больше радия, если бы был лучше оборудован. Руда здесь

оказалась в пятьдесят раз богаче радием, чем в других рудниках.

Ле-Шьен нарочно добывал так мало радия, чтобы человечество нуждалось в каждой крупинке его, чтобы за грамм можно было брать сто тысяч рублей.

Такова история короля радия.

Зачем рассказано здесь о Ле-Шьене, о его мошеннических махинациях? Разве имеет это какое-нибудь отношение к войне?

В том-то и дело, что Ле-Шьена никак нельзя назвать просто мошенником: он действовал согласно законам своей страны, он их ничем не нарушил. Ведь, радиевая руда была его собственностью, и, значит, он мог ею распоряжаться, как ему угодно.

Впрочем, если бы даже он и погрешил против закона, и тогда бы, конечно, никто не посмел привлечь его к ответственности. И вот почему: Ле-Шьен был одним из директоров «Всеобщей бельгийской компании».

Этой «компании» принадлежит больше половины всех запасов каменного угля и железной руды Бельгии. В ее руках — железоделательные, стекольные, химические заводы, доменные печи и судостроительные верфи. Это — в самой Бельгии. А кроме того, она еще владеет: железными дорогами в Южной Америке, угольными шахтами в Китае, электростанциями в Малой Азии и, наконец, медными рудниками, алмазными россыпями и золотыми приисками в Африке.

Вот как могущественна эта «компания»! Директора ее являются настоящими хозяевами всей Бельгии, настоящими правителями этой страны.

Так обстоят дела не в одной только Бельгии: Германией — вычислил один экономист еще перед мировой вой-

ной — правят триста человек; Англией — около ста человек; Соединенными Штатами — восемьдесят человек, восемьдесят самых богатых банкиров, торговцев и фабрикантов.

Всеми капиталистическими государствами правят на деле не те люди, что заседают в парламенте или в совете министров, а те, что владеют железными дорогами, электростанциями, заводами, рудниками.

Огромна власть этих людей: они предписывают свою волю президентам и министрам. Они решают судьбы государств. Они — настоящие властелины земли.

ПРИЧИНА ВОЙН

История Ле-Шьена начинается с войны. Не будь войны, Ле-Шьен не получил бы земли в восточной Африке, не стал бы королем радия. Но история эта не кончается вместе с войной. Пушки умолкли; борьба на фронтах прекратилась; но Ле-Шьен продолжал бороться. Именно в годы мира расправляется он со своими соперниками в Колорадо и в Чехословакии. Правда, эта борьба решается не оружием, а другими, менее заметными средствами. Она становится невидимой, как река, ушедшая под землю. Но в любую минуту подземные воды могут снова прорваться наружу. В любую минуту могут снова загреметь пушки.

Конечно, мировая война велась не из-за радия. Он нужен только врачам да ученым. Но радий, ведь, это только одно из веществ, перечисленных в таблице Менделеева. История радия — только одна из девяноста двух очень похожих друг на друга историй.

Таблица Менделеева — точный инвентарный список вселенной, перепись основных химических элементов, из которых состоит все на свете.

Жаль только, что в таблице не указано, кому принадлежат все эти вещества. Это следовало бы сделать.

Вот тринадцатая клетка таблицы — алюминий. Половина всего алюминия в мире принадлежит банкиру Мелону. Девятнадцатая клетка таблицы — калий. Калий весь поделен между французскими и германскими капиталистами. Тридцатая — цинк. Третью всего мирового запаса цинка владеет один человек, по фамилии Гарриман. Пятидесятая — олово. Оно в руках английских торговцев. Восьмидесятая — ртуть. Есть несколько королей ртути — испанских и итальянских. Восемьдесят восьмая — радий. О нем мы уже говорили.

В каждой клетке, под каждым химическим элементом можно написать фамилии тех людей, которые за него борются, можно нарисовать флаги, с которыми они идут в бой. Девяносто две клетки в таблице Менделеева, это девяносто два великих научных открытия; и в то же время это — девяносто два возможных повода к будущей войне.

Но, ведь, в таблице Менделеева указаны только основные химические элементы. А есть еще великое множество других веществ, которые могут тоже послужить поводом к войне. Уголь, нефть, резина, хлопок — из-за всего этого может вспыхнуть кровопролитная война.

История всех властелинов земли, всех капиталистов, похожа на историю Ле-Шьена: это история не прекращающейся ни на минуту борьбы — явной и тайной. Тайная борьба называется — «миром». Но этот мир и рождает всё новые войны.

Властелинам любой страны мало тех богатств, которыми они уже владеют. Во что бы то ни стало стремятся они расширить свою власть, избавиться от всех соперников.

Понятно, почему домогаются они этого так упорно. Ведь, все они живут чужим трудом: чтобы создать себе богатство,

они обрекли население своей собственной страны на бедность. И вот, у себя дома им теперь уже не продать всего, что производят их фабрики и заводы, не получить той прибыли, какой они хотят.

Поэтому и стараются они любым способом пробиться в чужие страны — для того, чтобы и там заставить работать на себя новые миллионы людей и оттуда выкачивать богатства.

Ради этого и устремляются они на другие материки, в Азию и Африку.

Африка в 1867 году: черным отмечены колонии европейских держав.

Африка в 1937 году: черным отмечены колонии европейских держав.

Властелинам каждой страны нужны новые земли. Где же их взять, эти земли?

Ведь, земной шар давно уже открыт весь и весь поделен его властелинами до конца, без остатка. Создать новые материки они, понятно, не могут. Остается одно — захватывать чужие земли.

— Мы или расширимся, или взорвемся, — говорит Муссолини.

— Нам нужны колонии, — заявляет германский министр Шахт.

— Чтобы завоевать Китай, мы сначала должны завоевать

Манчжурию и Монголию, — говорит японский министр Танака, — а завоевав Китай, мы завоюем весь мир!

— Человек человеку — волк! — коротко говорит английский министр Болдуин.

Мы думаем, что английский министр прав только на половину. Он был бы вполне прав, если бы заменил в своем изречении слово «человек» словом «капиталист».

Капиталист капиталисту и в самом деле — волк.

«Таков уж закон эксплуататоров, — говорит товарищ Сталин, — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб, значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч, значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться».

Волчий закон — закон войны.

ТОПОР И РОЗГА

СССР — пока единственная страна, вырвавшаяся из-под власти капитализма, освободившаяся от его волчьего закона. Нам война не нужна; но окружены мы странами, все еще живущими по волчьему закону.

Мы окружены капиталистическими — в том числе фашистскими — государствами.

Фашист — откуда пошло это слово?

В древнем Риме две тысячи лет назад высшие чиновники держали при себе стражников-телохранителей. Стражники были обязаны расталкивать толпу, следить, чтобы их господам воздавали почести, расправляться с непокорными. Их оружием была связка розог со спрятанным среди прутьев топором — «фасцис».

От этого слова «фасцис» и ведут свое название фашисты.

Фашист — верный сторож капитализма. Топором и роз-

Наши пограничники.

гой смиряет он непокорных, защищает властелинов земли, прокладывает дорогу войне.

Что нужно сделать, чтобы подготовить войну? Для этого мало вооружиться; для этого нужно еще обмануть народ, разжечь в нем ненависть к другим народам.

«Нет на свете никого, кто мог бы равняться с немцем!» — так говорят германские фашисты. Фашистские профессора тщательно измеряют лоб, нос и подбородок немца и утверждают, что такой лоб, нос и подбородок доказывают принадлежность к высшей расе. Германская раса должна властвовать над всеми!

А в это же время на другой стороне земли японские фашисты повторяют почти то же самое. Только вместо «немец» они, конечно, говорят «японец».

Человек — это германец. Человек — это японец. Все остальные — полулюди, они должны подчиниться высшим расам; а так как они не согласятся на это добровольно, то надо подчинить их силой, надо завоевать их земли, не останавливаясь ни перед чем.

— Правительство, — заявляют германские фашисты, — должно опираться на всеобщее стремление к войне!

— Даже трехлетних детей надо приучить любить войну! — пишут японские фашистские газеты.

В японских школах учат географии по карте, на которой Япония обозначена тремя кругами: в первом круге сама Япония и Манчжурия; во втором еще кусок Китая, Монгольская народная республика и часть СССР; в третьем — весь Китай, Австралия, Индонезия, Индокитай.

В Германии вышла недавно книга профессора Банзе. В этой книге рассказано о том, какие новые способы истребления можно применить в будущей войне. Фашистский профессор рекомендует сбрасывать в тылу у противника с самолетов ампулы с бактериями тифа, столбняка, менингита; он советует зара-

жать холерными бактериями колодцы и реки, спускать на парашютах мышей, зараженных чумой...

Так стараются фашисты натравить одни народы на другие; так, захватив в свои руки власть, готовят они новую захватническую — империалистическую — войну.

«Мы обращаем взор к землям на востоке, мы переходим к политике завоевания новых земель. Но когда мы говорим о новых землях в Европе, мы имеем в виду в первую очередь Россию».

Так пишет Гитлер.

«Овладение нами Манчжурией и Монголией — в конечном счете второстепенная задача; в японской политике на материке должен быть взят более далекий прицел».

Так говорит генерал Араки; а в других своих речах он разъясняет, что он подразумевает под словами «далекий прицел»: это — прицел на СССР.

Советский Союз предложил Японии заключить пакт о ненападении. Это значит — мы предложили ей разрешать все споры мирным путем и не нападать друг на друга. Но японское правительство отказалось подписать этот пакт.

Советский Союз предложил подобный пакт и Германии. Но и германское фашистское правительство тоже отказалось подписать пакт.

Так германское и японское правительства сами показали, что они хотят не мира, а войны; так они сами изобличили себя.

Война как можно скорее, война прежде всего против СССР — вот план фашистов!

Опыт 1914 года показал, что война, начатая двумя великими державами, неизбежно втягивает и другие страны; готовя нападение на СССР, фашисты готовят тем самым новую мировую войну...

Да, все капиталистические государства не могут и не хотят отказаться от войны. Но не всем им война нужна сейчас, в ближайшее время. Больше всех торопятся японские и германские капиталисты, потому что они позже других начали захватывать земли, опоздали к дележу добычи и теперь хотят войной наверстать упущенное.

Все капиталистические государства живут по одному закону — закону волка. Но, ведь, и волк, когда он сыт, осторожен; голодный волк бросается на людей; а всех опаснее взбесившийся волк!

ВОЙНА МОЖЕТ БЫТЬ ЗАВТРА

Сейчас, когда я пишу эту книгу, на большей части земли еще мир. Но разве этот мир — настоящий мир?

Возьмите в руки часы. Видите, как быстро прыгает по маленькому кругу секундная стрелка? Каждый раз, когда она перескакивает на одно деление, — знайте, что в капиталистических странах на вооружение истрачена тысяча рублей. «Тик» отбивают часы — тысяча рублей. «Тик» — еще тысяча рублей. Без конца прыгает секундная стрелка, и без конца текут все новые тысячи — на войну.

Это сейчас, во время мира.

Во время мира запрещено в Италии употреблять сталь на постройку домов: сталь нужна для орудий и снарядов.

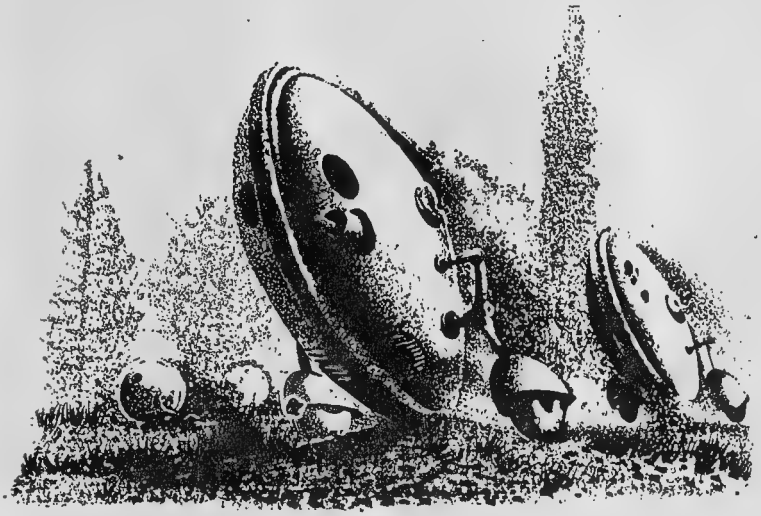
Во время мира выходят все японские корабли каждую осень на маневры, чтобы среди океана разыграть воображаемую битву с американским флотом.

Во время мира согнанных со всей Германии безработных заставляют рыть в дремучих лесах огромные, тянущиеся на километры пещеры — подземные аэродромы.

Половину всех своих денег тратят сейчас капиталистиче-

ские правительства на вооружение: вдвое больше, чем двадцать лет назад. Что же будет еще через двадцать лет? Трудно даже представить себе. Но уже и сейчас видно, что дальше так итти не может.

Помните ли вы Болдуина, того самого английского министра, который говорил когда-то, что «человек человеку —



Танк-колесо (проект).

волк?» Теперь Болдуин жалуется: «Я чувствую, как расходы на вооружение схватывают нас за горло... Мы вернулись к 1914 году!»

1914 год — это канун мировой войны.

Да, пока на земле властвует закон волка, до тех пор война неизбежна.

Как приливы следуют за отливами, как день чередуется

с ночью, так и мир при капитализме непременно сменяется войной.

Попробуйте оглянуться назад и отыскать хотя бы двадцать таких лет, во время которых не было бы войны. Их не найти, двадцати мирных лет подряд!

Вспомните историю самого последнего времени, того времени, которое прошло после подписания всеми государствами пакта Келлога и устава Лиги наций. И пакт и устав содержат одно и то же: отказ от войны, торжественное обещание никогда больше не воевать.

Но разве это помешало фашистской Японии напасть на Китай, войной отхватить у него целую провинцию? Помешало ли это фашистской Италии напасть на Абиссинию? Помешало ли это фашистской Германии, нарушив все договоры, вооружиться? И наконец, помешало ли это германским и итальянским фашистам бомбардировать испанские города, вести войну против испанского народа?

Все, что может сделать Лига наций, это — объединить усилия тех, кто сейчас за мир, задержать несколько наступление новой войны. Но уничтожить самую причину войн, избавить человечество от опасности новой мировой войны, Лига наций, конечно, не может...

Сейчас, когда я пишу эту книгу, на большей части земли еще мир; но в любую минуту мир этот может превратиться в войну.

Война может быть завтра. Какой же она будет, эта новая мировая война?

Будет ли она похожа на прошлую мировую войну и чем будет от нее отличаться?

Часть вторая

НОКАУТ С ВОЗДУХА

РАССКАЗ О ПЕРВОЙ ГАЗОВОЙ АТАКЕ

Вот отрывок из записной книжки немецкого студента-химика, участника мировой войны. Запись относится к середине апреля 1915 года.

«Метеорологи предсказали на сегодня благоприятную погоду, главное командование назначило атаку. В четыре часа дня я у своей батареи. Она состоит из двадцати баллонов. Вся пехота уходит из траншеи, на ее место становится химическая команда. Волнуясь и повторяя про себя инструкцию, я приказываю: снять колпаки, прикрывающие вентили баллонов, и привинтить на их место длинные шланги. Изогнутыми змеями перекинулись они через бруствер, глядят на французские позиции. Дует северный ветер. Только бы он не переменился или не утих внезапно. Тогда все наше предприятие превратится в массовое самоубийство...

«Пять часов. Взвилась сигнальная ракета. Из двух шлангов разом, со свистом и шипением выползают мутные струи и, соединяясь, сливаются в одну волну, одно облако.

«Что несет это облако? Поможет ли оно окончить войну одним ударом, или все это страшное дело окажется бесплодным? Терпение! Через несколько часов я все это узнаю...»

На этом запись прерывается. Студент-химик так и не

Газобаллонная батарея.

узнал, чем закончилась первая газовая атака. Он был убит случайной пулей в тот же день.

Но мы могли бы продолжить за него оборвавшуюся запись.

Для этого надо заглянуть в дневник офицера канадского полка Даусона, который находился в этот день на другой стороне фронта, в окопах английских войск.

«Мы вышли на свежий воздух, чтобы хоть на несколько минут избавиться от духоты окопов, — пишет Даусон. — Дул слабый северный ветер. Уже довольно скоро с той стороны, где залегали французские окопы, послышался звук частой стрельбы. Шел горячий бой. Один их моих товарищей взял полевой бинокль и стал исследовать местность, надеясь уловить что-нибудь новое в ходе сражения. Вдруг он оторвал глаза от бинокля.

« — Французов прорвали! — крикнул он.

«Тогда мы вскочили и тоже схватили бинокли. И я увидел зрелище до того ужасное, что сердце у меня остановилось.

«Тысячи маленьких человеческих фигурок бежали по полю; а за ними текло, ползло, преследуя их, огромное зеленовато-серое облако. Облако выходило, точно из-под земли, оттуда, где между Лангемарком и Биксмутом пролегали германские траншеи. Оно плыло по ветру, расстилаясь, заполняя каждую ямку, каждую выбоину, затопляя, как вода во время потопа, воронки и траншеи. Чем больше разрасталось облако, тем желтее оно становилось.

«Человеческие фигурки бежали так быстро, как могли, но облако их нагоняло. Люди падали; они пытались подняться; другие зарывались носом и ртом в землю, чтобы не дышать отравленным воздухом. Ничего не помогало. И люди бились о камни, цеплялись руками за траву, точно захлебываясь, — утопленники на сухой земле.

«Несколько человек успели вырваться вперед. Они добежали до нас. Это были тюркосы из французского колониального полка, недавно привезенные из Африки. Они остановились подле нас, страшно кашляя, с темно-багровыми лицами и — слепые. Они успели только рассказать нам, что там, где проходит облако, все гибнет, ничего не остается.

Но облако их нагоняло...

«Даже бабочки падают на землю мертвыми, трава и листья желтеют, точно в несколько минут настала зима».

Таково показание о первой газовой атаке хлором, произведенной германскими войсками 22 апреля 1915 года под Ипром, на стыке английской и французской армий. Других показаний об этой атаке нет.

«Подробности первой газовой атаки почти отсутствуют, — пишет исследователь мировой войны, — по той простой причине, что

люди, которые могли бы о ней рассказать, лежат все на полях Фландрии, где теперь цветут маки...»

ФОСГЕН

Через два дня на французские войска снова двинулась зеленая волна высотой с шестиэтажный дом. Но на этот раз она уже не причинила столько вреда. Спешно изготовленные марлевые повязки с ватой, пропитанной обезвреживающими веществами, спасли тысячи людей.

Первый «противогаз» победил первый газ.

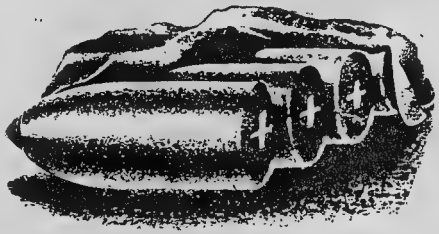
Противогаз времен мировой войны.

Чтобы продолжать химическую войну, нужно было придумать новые ядовитые газы или, по крайней мере, новые способы выпуска газов.

В конце 1915 года германские артиллеристы стали стрелять химическими снарядами. На фронт стали привозить снаряды, помеченные разными крестами. Сначала появились снаряды с зеленым крестом, затем — с синим.

Синий крест был на снарядах, содержащих слезоточивые и чихательные вещества. Эти яды, пахнущие фиалками, резедой или другими цветами, редко убивали. Зато они вызывали резь в глазах, ослепляли на несколько суток, заставляли неудержимо чихать.

Зеленый крест обозначал смертоносное вещество. Таким веществом был, например, фосген. Он в семнадцать раз ядовитее хлора. Но отравляющее действие его проявляется не сразу.



На фронт привозили снаряды, помеченные крестами.

После одной из первых фосгеновых атак немцами был взят в плен бельгийский солдат, попавший в волну газа. Германские химики ни за что не хотели поверить, что солдат мог остаться невредимым. Но сам солдат, когда его допрашивали в германском разведывательном бюро, улыбался и уверял, что чувствует себя прекрасно. Он рассказал немцам, как прошла атака. По его словам, в воздухе слегка запахло гнилыми яблоками, и некоторые из его товарищей стали кашлять. Сам он как раз в это время курил трубку и вдруг почувствовал во рту какой-то неприятный вкус, как будто табак испортился. Но больше с ним ничего плохого не случилось. Химики, наверное, ошибаются: фосген действует не на всех одинаково. Ведь, вот уже шесть часов прошло с тех пор, а он, как видите, здоров.

Так рассказывал бельгийский солдат. И вдруг он перестал улыбаться, закашлялся, стал тяжело дышать. Губы и ногти у него посинели. С допроса его унесли уже на носилках.

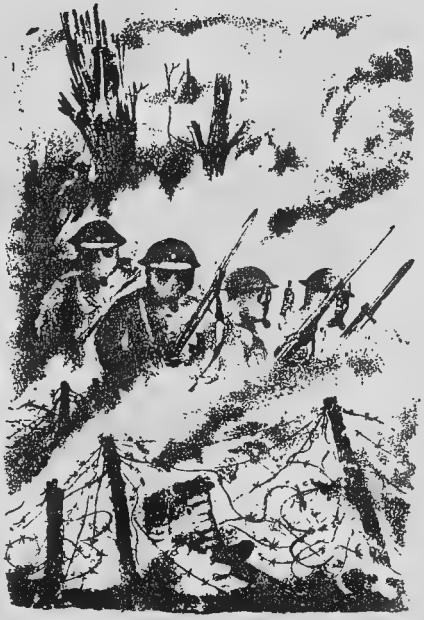
Таков был зеленый крест. А вслед за ним вскоре появился новый, совсем особенный яд — желтый крест.

ИПРИТ

22 июля 1917 года отряд английских солдат был послан на передовую линию, чтобы установить там газометы.

Бодро шагали английские солдаты, катя перед собой тележки, на которых лежали части газомета. И вдруг отряд попал под ураганный артиллерийский обстрел.

Обстрел скоро прекратился, но на месте разорвавшихся снарядов поднялся туман. В воздухе слегка запахло не то хреном, не то горчицей. Очевидно, это был какой-то новый газ. Хотя никто еще не заметил, чтобы он действовал на глаза или легкие, офицер на всякий случай приказал надеть противогазы: он



На месте разорвавшихся снарядов поднялся туман.

знал уже по опыту фосгена, что некоторые яды действуют не сразу.

Восемьдесят человек двинулись дальше в масках. Вскоре они прошли отравленную полосу и сняли с себя противогазы. Но едва только приблизились они к передовой линии, как снова попали в волну такого же тумана. Так как работать в противогазах было довольно неудобно, то офицер велел на этот раз солдатам надеть вместо масок одни только нагубники и носовые зажимы респиратора. Часов через пять отряд окончил свою работу на позициях и отправился назад тою же дорогой. В походе его застигла ночь, и солдаты разместились на ночлег в большом сарае.

Среди ночи один из молодых солдат отряда проснулся от острой боли в глазах; в них точно песок попал. Он встал и пошел осторожно вдоль стены к двери. Было еще совсем темно, ни проблеска света не проникало сквозь щели сарая. Солдат ощупью добрался до двери, — она была полуоткрыта. Но и на дворе было совсем темно.

— Ну и темень, — вздохнул солдат, — никогда еще не видел я такой темной ночи!

Он поднес к глазам руку, чтобы взглянуть на часы. Но

ничего не увидел. Фосфор на циферблате, верно, испортился и не светил больше. Солдат чиркнул спичку. Она только обожгла ему пальцы, но пламени ее он не увидел. Тогда он понял, что ослеп.

Через час прибывшие сюда санитары вывели под руки из сарая восемьдесят слепых солдат. А через несколько дней от берега Франции отвалил корабль; на нем возвращались в Англию три тысячи солдат. Глаза их, налитые кровью, были прикрыты синими очками...

Вещество, которым были начинены снаряды «желтого креста», имеет много названий. Химики зовут его очень длинно — дихлордиэтилсульфид. Обычно же его название — иприт, — потому что впервые его применили на реке Ипре, — или горчичный газ.

Противогаз времен мировой войны.

«Зеленый крест» действует на легкие человека, «синий крест» — на глаза и нос, а «желтый крест» — и на глаза, и на легкие, и на кожу.

Иприт был высшим достижением химической войны.

Он сохраняет свою ядовитую силу так долго, что может служить невидимым заграждением, может сделать лес или ущелье непроходимыми на целые недели, а зимой, в безветренную погоду, даже на месяцы.

Во всех странах ученые стали исследовать иприт, стали изобретать новые быстрые способы его изготовления. В одной Англии этим занялось сорок химических лабораторий.

В городах появились люди с опухшими веками, с красными прожилками в глазах; люди эти могли говорить только шопотом; это были химики — исследователи иприта; несмотря на все предосторожности, они не уберегли от его губительного действия.

КОРОЛЬ ЛЕКАРСТВ И КРАСОК

Кто же вооружил армии ядами? Кому пришло в голову травить людей, точно клопов или крыс?

В западной Германии, в городах Леверкузене, Хехсте, Людвигсгафене, Франкфурте-на-Майне, по берегам широкой реки Рейн, работают тридцать химических заводов. Все они принадлежат одному тресту «Интересен Гезельшафт Фарбениндустри».

Эти тридцать заводов снабжали до войны весь мир лекарствами и красками для тканей. В каком бы месте земли люди ни покупали себе на костюм или платье кусок материи, это всегда была материя, окрашенная красками треста «Фарбениндустри».

И в какой бы аптеке ни купили они салол, аспирин, антифибрин, антипирин и десятки других лекарств, это были везде лекарства, выработанные трестом «Фарбениндустри». Каждый больной платил дань этому тресту.

Трест «Фарбениндустри» завладел всеми патентами, относящимися к производству лекарств и красок, он скупил все открытия немецких химиков.

Прежде материи красили растительными красками. Во Франции разводили траву марену, из нее добывали яркую красную краску. Из Индии корабли привозили сок растения индиго, густую синюю краску. С Канарских островов везли орсель и персион, добытые из растущих там лишайников. Из Южной Америки везли карминовую краску кошениль, приготовленную из высушенных насекомых.

Все эти растительные и животные краски в последнее время заменены дешевыми искусственными красками. Химики научились добывать из черной вонючей грязи, которая остается при сухой перегонке каменного угля, больше пятидесяти

тысяч разных красок — всё разноцветное сияние солнечного спектра.

Из этой же смолистой грязи химики добывают и лекарства. Многие краски и лекарства оказались в очень близком родстве между собой. Нужно было добиться небольшого изменения в строении молекулы, чтобы получить уже не краску, а лекарство.

Но трест «Фарбениндустри» принял все меры к тому, чтобы человечество не могло свободно пользоваться этими замечательными изобретениями. Трест запер все эти открытия на замок, и ключ от этого замка хранился у директора треста, доктора Дюнсберга. Ни один химик, не состоящий на службе «Фарбениндустри», не мог проникнуть в эту таинственную область. Трест «Фарбениндустри» захватил в свои руки власть над наукой.

Таков был германский химический трест «Фарбениндустри». В 1913 году он властвовал над всей землей.

А в 1914 году вспыхнула мировая война. Английский флот сторожил моря и океаны и не выпускал ни одного корабля из Германии. Трест «Фарбениндустри» оказался отрезанным от всего мира. Доктор Дюнсберг остался без покупателей.

Вы думаете, заводы «Фарбениндустри» закрылись, и владельцы треста разорились?

Нет, никогда еще заводы «Фарбениндустри» не были так загружены, как во время войны. Они работали полным ходом днем и ночью. И никогда еще хозяева «Фарбениндустри» не получали таких прибылей.

Доктор Дюнсберг был достаточно сведущим в науке человеком: он знал, что лекарства состоят в родстве не только с красками, но и с ядами.

До начала войны из Леверкузена рассылали по всему свету аспирин; теперь отсюда стали возить на фронт хлор. Прежде в Людвигсгафене выделывали ярко-красные краски для мате-

Артиллерийский снаряд— стальной сосуд для яда.

рий; теперь здесь стали изготовлять фосген. В Хехсте в тех же котлах, в которых прежде готовили искусственное индиго, теперь начали готовить иприт.

Король лекарств сделался королем ядовитых газов.

Доктор Дюнсберг стал начинять артиллерийские снаряды ядами. А кто же доставлял Дюнсбергу эти стальные сосуды для яда? Крупп фон Болен, директор самого большого пушечного завода на земле, король черных металлов.

Не один Крупп был хозяином этого огромного завода. Кроме него, сюда вложили деньги очень влиятельные люди: император Германии Вильгельм II, король Баварии Людвиг II, король Саксонии Фридрих-Август III, король Греции Константин и король Болгарии Фердинанд — все они делили вместе с Круппом прибыль.

Все эти монархи не только царствовали, но еще и торговали снарядами.

Для того, чтобы убить или искалечить на войне одного неприятельского солдата, нужно было истратить очень много снарядов — всего около пяти тонн железа. И, разумеется, торговцы снарядами ни на минуту не переставали заботиться, чтобы каждый солдат получил причитающиеся ему пять тонн железа.

За первые же четыре месяца войны Крупп получил больше прибыли, чем прежде получал за целый год.

Пушечные, оружейные, пулеметные, газометные выстрелы несли людям смерть, но торговцам оружием каждый выстрел приносил деньги.

И всего удивительнее было, пожалуй, то, что им приносили деньги не только выстрелы своих соседей, но даже и неприятельские выстрелы.

Вот на чем разбогател Крупп.

У Круппа, например, было заключено с английской военной фирмой Виккерс такое соглашение: Крупп открывает Виккерсу некоторые секреты своего производства, а Виккерс отчисляет за это с каждого сделанного им снаряда один шиллинг и три пенса Круппу.

Это соглашение продолжало действовать и во время войны.

Крупп, таким образом, наживался не только на германских снарядах, которые убивали английских солдат, но еще, в то же самое время, и на английских снарядах, которые убивали германских солдат.

Химический трест «Фарбениндустри» существует и теперь. Это он снабжал германскую фашистскую партию деньгами, он помог ей захватить власть. С каждым днем он все шире и шире развертывает свою работу — производство ядов.

А Крупп фон Болен занял недавно новый важный пост: он стал председателем фашистского Промышленного совета Германии.

РАССКАЗ О ЧИХАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ

Такой была химическая война двадцать лет назад. Какой же будет она теперь?

На этот вопрос пытается ответить английский генерал Фуллер.

Генерал Фуллер — особенный генерал: он не только генерал, но еще и философ. Он написал много книг и во всех своих книгах больше всего рассуждает о сохранении человеческой

жизни, о счастьи людей. И, вероятно, именно потому, что генерал Фуллер так любит людей, он является сторонником химической войны.

Химическая война — это самая безвредная война, какая только может быть, — уверяет генерал Фуллер. — В этой войне побеждает не сила, а ум и знание. Химическая война — это, можно сказать, почти уже и не война.

Вот почему генерал Фуллер так ее приветствует.

Вы удивлены? Вам кажется, что до сих пор химическая война совсем не была безвредной?

Генерал Фуллер с вами согласится. Да, к сожалению, до сих пор химическим оружием убивали людей. Но виновато в этом не оружие, а военачальники, которые его неправильно применяли. Они не поняли особенностей химической войны.

Генерал Фуллер сделал открытие, которое должно совершенно изменить ход войны. И, в отличие от других генералов, Фуллер не делает из своего открытия военной тайны. Он делится им со всеми.

«Пуля по существу смертоносна, так как невозможно создать неубивающую пулю, которая могла бы найти применение на войне, — говорит Фуллер. — Между тем вполне возможно применение несмертоносных газов, обладающих огромной способностью выводить людей из строя.

«Химическая война позволяет подчинить противника своей воле, не проливая крови! Наука так сильна, что может обойтись без убийства, применяя гораздо более действительные средства: она может заставить человека окаменеть от ужаса!»

Это и есть открытие генерала Фуллера: вместо того, чтобы убивать на войне людей, надо оглушать их, парализовать, нанести армии противника нокаут.

Нокаутом называется в боксе решительный удар, который валит противника с ног, приводит его в оцепенение. Человек,

получивший нокаут, лежит несколько секунд оглушенный. Он беззащитен и, значит, — побежден.

Таким же точно способом — уверяет генерал Фуллер — будут теперь добиваться победы и на войне. Только на войне будут наносить нокаут, конечно, не кулаком, а химическим оружием.

Какой чудак станет в будущей войне бомбардировать корабли противника, пускать их ко дну? Гораздо проще окутать неприятельский корабль газами, вызывающими у команды желудочные колики. Матросы на дредноуте, вместо того чтобы стрелять из орудий, выстраиваются в длинную очередь к уборной. Напрасно капитан говорит им о родине, о долге. Его никто не слушает. Но вот и самого капитана начинают тревожить колики. В конце концов, держась одной рукой за живот, он подымает другой рукой флаг — сигнал о сдаче.

Артиллеристы заснут у пушек...

Незачем истреблять и пехоту. Ее одурманят снотворными газами. Солдаты, вместо того чтобы сражаться, расстелют в поле одеяла и захрапят. Артиллеристы заснут у пушек. А проснутся все уже в плену.

«Разве может полководец выиграть решительное сражение, — заранее торжествует Фуллер, — если целые дивизии и корпуса будут засыпать на несколько часов по два, по три раза в день?»

Так описывает будущие битвы Фуллер. А его последователи в разных странах развивают его мысли дальше.

Английский офицер Лефебюр вспоминает о полукружных

канальцах в ушах человека: от них зависит ощущение равновесия. Блестящая мысль осеняет Лефебюра: надо изобрести газ, который нарушил бы работу этих канальцев. Подумайте только, целая армия начинает вдруг выделывать ногами кренделя... «Сержант такой-то, — кричит грозно подполковник, — вы сами пьяны да еще напоили вверенных вам людей! Я вас расстреляю...» И вдруг подполковник с ужасом замечает, что у него у самого заплетаются ноги. Он садится на траву... Все кружится перед ним... Земля плывет, меняясь с небом местами...

Итальянскому офицеру пришла в голову мысль, что если можно было применить на войне вещества, вызывающие слезы, то пригодятся и такие, которые будут вызывать смех. И вот уже целые армии катаются по земле в припадке неудержимого хохота.

Австрийский генерал вспоминает, что есть такое вещество, одной капли которого достаточно, чтобы вызвать на несколько часов паралич. Правда, до сих пор этим веществом пользовались только в операционных. Там больного кладут на стол, и опытный врач вводит ему шприц в позвоночный столб. Как будто бы в условиях войны такой способ не совсем удобен. Нельзя же каждого солдата класть на стол и впрыскивать ему парализующее вещество. Ну, да ученые что-нибудь изобретут, на то они и ученые!

Во всяком случае, генерал не сомневается в том, что «парализующий газ» сыграет большую роль в будущей войне.

Вслед за ним другие генералы предлагают новые газы, заставляющие целые армии судорожно дрожать, непрерывно чесаться, икать до потери сознания, зевать, слепнуть, глохнуть на несколько часов.

А сам генерал Фуллер, придумав для большей убедительности точные даты и ставя названия городов, рисует в своей книге о будущей войне такую картину:

«Государство, соперничающее с Великобританией, решило нанести ей внезапный удар. В ночь на четвертое августа воздушный и подводный флоты противника выступают в поход. На следующее утро авангардные танки вступают на территорию Англии и направляются к Лондону. Там они выпускают облака чихательного газа. На улицах начинается смятение. В военном министерстве и адмиралтействе работа прекращается, так как все чихают. Подъехав к зданию парламента, танки выпускают газ, который действует подавляюще на состояние духа членов парламента. Неприятельский главнокомандующий, надев противогаз, входит в зал заседаний и заявляет: «Над Лондоном летают пятьсот самолетов, нагруженных несколькими тысячами тонн смертоносного химического вещества. Войска лондонского гарнизона заперты в своих казармах непроходимыми химическими завесами. К трем часам в Лондоне будут сосредоточены пятьсот мощных танков. Предлагаю вам согласиться на наши условия!»

Танки спускаются с воздуха на территорию Англии.

Противогаз времен мировой войны.

Конец этой истории не трудно угадать. Премьер-министр покорно берет перо и, чихая в чернильницу, подписывает условия сдачи.

Добрый, мудрый генерал Фуллер! Как он заботится о сохранении человеческой жизни. Он научил армии одерживать по-

беды без единого выстрела! Он избавил человечество от кровопролитных войн!

Однако в этом описании воздушного налета есть одна маленькая несообразность: зачем это неприятелю понадобилось посылать в Лондон пятьсот самолетов с убивающими ядами? Ведь, если для выигрыша войны достаточно чихательных веществ, к чему же тогда загружать воздушный флот этим смертоносным грузом?

Видно, генерал Фуллер и сам не очень-то верит в свои «безвредные яды» и на всякий случай приберегает для противника угощение 'покрепче — настоящие яды, несущие смерть, а не насморк!

Генерал Фуллер рассказал нам много веселых историй о «безвредных» — снотворных, чихательных, слезоточивых и других — газах.

Чихательные и слезоточивые газы уже существуют и их не раз применяли на войне. Но разве эти газы безвредны? В них обычно входит мышьяк — тот самый яд, которым травят крыс. Мышьяком можно отравить и человека — дело только в дозе. И потом, разве эти газы применялись когда-нибудь на войне сами по себе, без сопровождения других газов?

Нет, их всегда применяли вперемежку с иными газами. Пускали внезапно, скажем, чихательный газ для того, чтобы захватить противника врасплох, помешать бойцам надеть противогазы. А вслед за этим, как будто «безвредным», газом пускали сейчас же на чихающих, беззащитных людей смертоносные газы — хлор, или иприт, или фосген.

Вот для чего, значит, употребляли чихательные и слезоточивые газы: чтобы проложить дорогу убивающим газам.

И если бы теперь были изобретены новые «безвредные» газы, о которых говорит Фуллер, то и их, конечно, применят для той же цели.

Но предположим даже, что все условились применять на войне только эти «фуллеровы» газы. Станет ли от этого война безопасной и бескровной? Нет, не станет. «Безвредные» газы на самом деле вовсе не безвредны.

Генерал Фуллер обещал не убивать, а только усыплять на войне людей. Он говорит о наркотических, снотворных газах. Но он забыл упомянуть, что нет такого наркотика, который не был бы вместе с тем и ядом.

Видели ли вы когда-нибудь, как производят хирургическую операцию под наркозом? Один врач осторожно, по капелькам дает наркоз, другой проверяет пульс больного, его дыхание, следит по часам, как бы не дать чересчур много наркоза. Тонкая граница отделяет тут сон от смерти. В том-то и искусство врачей, что они точно знают, какую дозу можно дать одному больному, какую другому. Если они дадут немного меньше, чем нужно, больной совсем не уснет; если немного больше, — уснет навсегда.

А, ведь, на войне возле каждого солдата не будет стоять врач с часами в руках.

Всякий наркотик — яд. Потому-то наркотические средства и хранятся в аптеке в особом шкафу, под замком, и выдаются только по рецептам врачей.

Тот, кто выпустил бы их из аптечного шкафа на свободу, выпустил бы не сон, а смерть...

Нет, что бы ни говорил генерал Фуллер, война была и остается кровавым, опасным делом, требующим от людей готовности жертвовать жизнью. И наука тут не может помочь. Науку одинаково удобно использовать и на помощь людям, и на гибель им. Все зависит от того, в чьи руки она попадет...

Генерал Фуллер совсем напрасно изобретает «безвредные» яды, сочиняет смешные сказки о будущей «бескровной войне». Все равно, этими сказками никого не обмануть: слишком уж противоречат они тому, что есть на самом деле.

Все помнят хорошо итало-абиссинскую войну. В этой войне итальянские фашисты применяли газы против беззащитных, не имевших противогазов людей. Что же, фашисты оказались такими добродушными, что применили какие-нибудь безвредные газы? Нет, они пустили в ход самые, какие только есть, ядовитые, смертоносные газы.

А гражданская война в Испании? Во время этой войны фашистские летчики бессчетное количество раз кружили над испанскими городами. Был ли хоть один такой случай, когда фашистские летчики сбрасывали бы над городами «неубивающие» бомбы, рассеивали в воздухе чихательные, или слезоточивые, или сонные порошки? Нет, ни одного такого случая не было. Фашисты предпочитали сеять не сон, а смерть...

Генерал Фуллер изложил нам, конечно, фантастический, ложный план будущей войны. Но, если внимательно присмотреться к этому ложному плану, не трудно различить скрытый в нем настоящий, совсем уже не смешной, а жестокий и беспощадный план будущей войны.

ОСА-ЦЕРЦЕРИС И ЖУК-ДОЛГОНОСИК

Название для этой главы я придумал не сам. Я взял его из книги французского естествоиспытателя Фабра. В своей книге об удивительных инстинктах насекомых Фабр рассказывает, как оса-церцерис охотится на жуков и поражает их своим жалом.

Казалось бы, осы и жуки-долгоносики не имеют никакого отношения к будущей войне... Однако посмотрим.

Зачем готовят генералы — в том числе и Фуллер — нападение на далекие от фронта города? Почему им мало теперь убивать, как в 1914 году, мужчин на фронте, а нужно еще убивать женщин и детей в тылу?

Потому что этим способом, по мнению многих фашистских генералов, скорее всего можно добиться победы.

В 1914 году, говорят эти генералы, военное искусство пришло в упадок: армии так разрослись, что стали похожи на каких-то нелепых чудовищ с огромным брюхом и крошечным мозгом, на вымерших давно бронтозавров; не удивительно, что эти неуклюжие армии, несмотря на всю свою силу, долго не могли добиться победы и закончить войну, — слишком были они медлительны для этого.

Не такие армии — обещают фашистские генералы — будут участвовать в грядущей войне.

«К концу мировой войны, — говорят они, — выяснилась возможность применения нового способа наступления, которым можно заставить целую нацию поднять руки вверх и просить мира через несколько дней, а, быть может, и часов после объявления войны».

Если бы этот способ применили двадцать лет назад, — говорят фашистские генералы, — мировая война продолжалась бы не четыре года, а четыре дня, может быть даже всего четыре часа!.. Что же это за удивительный способ?

Вот тут-то и уместно будет рассказать об осе-церцерис и жуке-долгоносике.

Жук-долгоносик вдвое тяжелее осы-церцерис. Он забронирован со всех сторон, он одет в крепкий хитоновый панцырь. Оса-церцерис жалит слабо, ее укол гораздо слабее, чем укол обыкновенной осы. Крепкого панцыря жука-долгоносика ей никак не пробить. К тому же долгоносик страшно живуч: его можно проткнуть насквозь булавкой, и он останется жив.

Однако, несмотря на все это, оса нападает на долгоносика и побеждает его мгновенно, одним ударом.

«Оса становится лицом к лицу с жуком, — пишет Фабр, — схватывает его челюстями за хобот и упирается передними лапками ему в спину, так что жук выгибается, и сочленения его, покрытые пластинками панцыря, расходятся. В то же мгновение оса вонзает в оставшееся без защиты место свое жало и попадает прямо в нервный центр. Жук падает, как пораженный громом, без движения: он парализован. Все это происходит быстрее, чем можно описать. Зрелище это столь же ужасно, как и удивительно по быстроте».

Фабр недаром называет осу-церцерис ученым бандитом. Она не тратит силы на борьбу с врагом. Она просто выбирает слабое место и поражает его. Она действует хладнокровно и точно.

Армия, которую хотели бы создать фашистские генералы, должна действовать точно так же, как оса-церцерис.

Авиабомба.

Оса-церцерис побеждает благодаря своей быстроте. И армия тоже должна быть прежде всего подвижной, быстрой. Армия должна сесть на самолеты, она должна стать «воздушной армией».

Оса-церцерис не протыкает панцыря жука. Она даже не пытается его проткнуть. Жало ее проникает в незащищенные части тела жука — между пластинками панцыря.

Нужно, чтобы воздушная армия действовала так же. Она не должна тратить времени на борьбу с войсками противника, которые, точно панцырь, охраняют страну. Она должна перелететь через фронт и обрушиться на тыл.

Оса-церцерис поражает нервные центры

жука, от которых зависят все его движения. Она парализует жертву прежде, чем та соберет силы, чтобы сопротивляться.

И воздушная армия тоже должна поразить прежде всего жизненные центры страны, ее города с заводами, электростанциями, вокзалами, телеграфными и телефонными узлами и радиостанциями.

Наконец, она пользуется для победы ядом: ее жало ядовито. И воздушная армия тоже должна отравлять жителей городов ядами.

Таков новейший, изобретенный фашистскими генералами, план войны. Этот план делает войну гораздо более жестокой, чем она была прежде: он уничтожает всякое различие между фронтом и тылом.

План этот рассчитан на нокаут, на смертельный удар в нервный центр страны, на разрушение городов и уничтожение их жителей.

В этой войне основным способом передвижения должны быть крылья, основным оружием — яд, местом удара — тыл.

Новая война будет отличаться от всех прежних так же, как японская борьба «джиу-джитсу» отличается от обычной «французской борьбы». По правилам «французской борьбы» запрещены приемы, парализующие противника или причиняющие ему мучения; нельзя, например, сжимать ему шею, вывертывать руки, захватывать тело ниже пояса. В «японской борьбе», наоборот, все дело как раз в том, чтобы найти самое беззащитное, самое уязвимое место, — ударить по адамову яблоку, заломить руку, защемить пальцами артерию.

Будущую войну фашистские генералы хотят вести по образцу «джиу-джитсу». И главным приемом этой войны будет воздушный налет. Кто первый уничтожит города противника,

кто парализует его промышленные центры, тот, по их мнению, и победит...

Но действительно ли города в тылу так беззащитны, что им никак не спастись от воздушных налетов?

КАК ПАРИЖ ЗАЩИЩАЛСЯ ОТ ВОЗДУШНЫХ НАЛЕТОВ

В 1918 году германское командование решило нанести Парижу один за другим ряд ударов с воздуха. Были отобраны самые опытные летчики, самые быстрые самолеты. Тщательно, во всех подробностях разработан был маршрут. Летчики, казалось, могли бы лететь с завязанными глазами.

В глубокой тайне была проведена вся подготовка. И вот четыреста восемьдесят три германских летчика на четырехстах восьмидесяти трех самолетах с подвешенными бомбами ринулись в полет.

Что же осталось после этого от Парижа? Верно, он был разрушен дотла, и жители его погибли?

Нет, налеты не причинили Парижу большого вреда. Были, конечно, пострадавшие, но их было немногим больше, чем, например, при трамвайной или автобусной катастрофе, какие часто случаются в больших городах.

Почему же Париж уцелел? Что спасло его от германских бомб? Ведь, четыреста восемьдесят три самолета, участвовавшие в налетах на Париж, это целая воздушная армия!

В том-то и дело, что в Париж было послано четыреста восемьдесят три самолета, а долетело до города не четыреста восемьдесят три, а гораздо меньше. Сколько же? Не пробуйте гадать, все равно не угадаете.

Из всех вылетевших самолетов долетело до Парижа и сбросило на него бомбы всего тридцать семь самолетов. Остальные были или подбиты, или вынуждены вернуться назад с пути.

Так окончилась попытка разгромить Париж с воздуха в 1918 году.

Эта неудача совсем не удивительна: к тому времени французы уже научились бороться с воздушными налетами.

Воздушная сеть — одно из средств защиты от неприятельских самолетов.

Вот как была организована противовоздушная оборона Парижа.

Далеко за границы города, во все стороны, выдвинуты были противовоздушные наблюдательные посты. Этих постов было множество, и все они были связаны между собой проводами. На каждом посту один человек был специально выделен для постоянной связи с противовоздушным штабом. Он не отходил ни на секунду от телефона, это был диктор.

А в противовоздушном штабе шла в это время молчаливая напряженная работа. Здесь, в специальной телефонной станции, сходились все провода, сюда приходили все донесения наблюдательных постов.

В обширном зале противовоздушного штаба стоял квадратный стол, покрытый географической картой. Десять человек в наушниках сидели вокруг этого стола, не спуская глаз с карты. Каждые полминуты кто-нибудь из десяти наклонялся над столом и передвигал на карте разноцветные фишки.

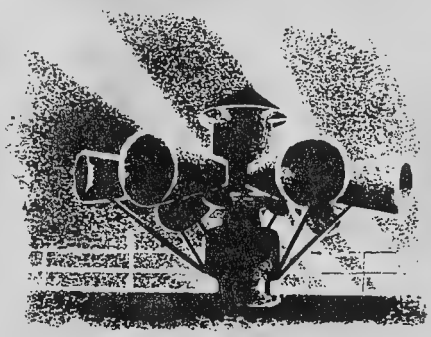
Огромная карта, разостланная на столе, — это план Парижа с его окрестностями. Разноцветные фишки на ней — это вражеские, германские самолеты. А десять человек за столом — это «отметчики», их обязанность — передвигать фишки на карте, чтобы начальник противовоздушной обороны знал в любую минуту, где находятся сейчас вражеские самолеты.

Сам начальник противовоздушной обороны стоит вместе со своими помощниками на балконе, отсюда смотрит на карту.

Около него телефонная трубка и доска со множеством кнопок: его телефон связан прямым проводом с любым из наблюдательных пунктов.

Вот северо-восточный наблюдательный пункт обнаружил, что вражеский самолет несется сейчас над таким-то пригородом. Начальник пункта что-то быстро сказал, а диктор в ту же секунду передал его слова по телефону в штаб. В штабе один из отметчиков наклонился над столом и передвинул на карте фишку. И начальник противовоздушной обороны сейчас же нажал одну из кнопок и проговорил несколько слов в телефонную трубку: он отдал приказание зенитной артиллерии открыть огонь...

Да, Париж не ждал покорно, пока на него начнут падать бомбы. Он заранее принял все меры защиты. Он подслушивал приближение воздушного врага электрическими ушами—звукоулавливателями, глядел в темное ночное небо электрическими глазами — прожекторами. Он выслал навстречу налетчикам своих воздушных истребителей. Он расстреливал реющих в небе врагов зенитными орудиями.



Такими сиренами извещали жителей Парижа о воздушном налете.

А главное — Париж постарался укрыться от германских летчиков.

Париж, похожий в обычные ночи на огромное электрическое море, в эту ночь был весь погружен в темноту. Он притаился во мраке, он как будто перестал существовать. И многие из германских летчиков его просто не нашли.

Это кажется странным. Можно ли, пролетая над огромным городом, не заметить его? Очевидно, можно. Это подтверждает случай, происшедший с одним английским летчиком. Летчик этот умудрился пролететь над городом, в котором он прожил всю жизнь, и не заметить его с высоты.

Была темная ночь. Германский цеппелин «LZ-97» только что пытался бомбардировать Лондон, и, выполнив свое дело, шел теперь домой. В погоню за ним были посланы несколько английских летчиков, среди них и тот, о котором идет речь. Захватив с собой шесть бомб, вылетел он в погоню. Однако ему так и не удалось догнать немецкий цеппелин.

Продрогший и усталый, повернул он назад. Ровно гудел мотор, и летчика стало невольно клонить ко сну. Глубокая ночь стояла кругом, ничего не было видно сквозь темень. И летчику начинало иногда казаться, что его самолет стоит на месте, что это не мотор, а сама ночь гудит кругом, и этому гудению никогда не будет конца. Но он усилием воли отогнал сон, взглянул на часы и стал раздумывать — что делать с бомбами. Спускаться с ними небезопасно: ведь, они могут взорваться при неудачной посадке. Кроме того, не так уж приятно было ему возвращаться назад с бомбами, которые он должен был израсходовать в бою с цеппелином.

Летчик перевесился через борт и заглянул вниз. Внизу было темно, ничего нельзя было разобрать. Судя по времени, самолет должен был сейчас лететь над морем недалеко от устья Темзы. Пусть же бомбы найдут последний покой на дне моря! И, нажав на рычаг, он сбросил все шесть бомб вниз, в темную пучину. Прошло еще много времени, а он все летел в темноте. Летчик понял, что сбился с пути. К счастью, он, очевидно, сделал только крюк: наконец-то вдалеке блеснули цветные огни аэродрома. Летчик благополучно спустился, сдал свою машину и лег спать.

И только на другой день он с удивлением узнал, что все шесть бомб он сбросил не в море, а в самый город — в Лондон. К счастью, они не причинили никому вреда: они попали в огороды...

Так, гася все огни, укрывали англичане и французы свои города от взора летчика, от воздушной бомбардировки.

А в помощь этому средству, затемнению, они применили еще и другое средство — маскировку.

НЕВИДИМКИ НА ВОЙНЕ

Люди, изучающие пчел, давно искали способ наблюдать изо дня в день жизнь улья, не тревожа его обитательниц.

Наконец они придумали для этой цели улей со стеклянной крышкой. Пчелы живут и работают в нем точно так же, как в обыкновенном улье. Они даже и не подозревают, что за ними все время следит чей-то пристальный глаз.

Во время мировой войны люди очутились, пожалуй, в таком же положении, как эти пчелы. За ними стали следить сверху, с неба, глаза неприятельских летчиков.

А туда, куда падал взор неприятеля, падали вслед за тем и его бомбы.

Как же укрыться от этого взора, как обмануть его? Надо стать невидимым. Но разве человек может стать невидимым?

Конечно, может. Все мы играли в детстве в прятки. Спрятаться — это и значит стать незаметным, невидимым.

Так вот и на войне применяют теперь все приемы пряток: пользуются всевозможными укрытиями, лесом, ночной темнотой, туманом.

Но ни ночная темнота, ни туман не являются по заказу, — именно тогда, когда они нужны. Нельзя ли как-нибудь научиться устраивать ночь по собственному желанию? Нет ли

таких аппаратов, которыми можно было бы среди яркого дня вызвать наступление ночи?

Такие аппараты уже есть. Это дымовые аппараты. Они заволакивают бронепоезд, танк или отряд бойцов густой темнотой, как будто над этим куском земли внезапно спускается ночь.

«Поля сражения в будущую войну, — говорит американский генерал Фрайс, — будут застланы дымом. Они будут покрыты тут и там большими и малыми пятнами и клубами дыма. Каждый охотник, которому случалось охотиться на уток в густом тумане, когда кругом слышно их кряканье и приходится стрелять наугад по их крику, может представить себе, как трудно попасть в невидимого противника, место которого можно определить только по некоторому шуму или шороху».

Дым может укрыть вас от самого зоркого наблюдателя.

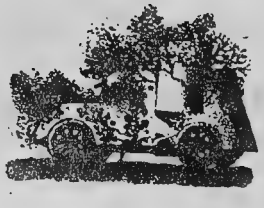
Однако такой искусственной ночью на войне не всегда удобно пользоваться. Ведь, завеса дыма делает вас не только невидимым, но и слепым.

Нет ли какого-нибудь более удобного способа исчезать из глаз противника?

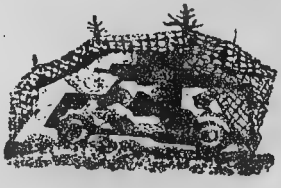
Гусеница на сучке: она и сама очень похожа на сучок.

Знаете ли вы бабочку-крапивницу? Пока она летает, ее легко заметить. А когда эта бабочка садится на дерево, она сразу же пропадает без следа. Так сливается цвет ее крыльев с цветом древесной коры. Ее легко принять за кусочек коры или комок грязи, или засохший листок. Можно долго смотреть на нее в упор, не замечая ее.

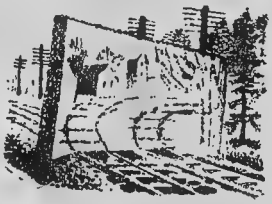
Попадались ли вам когда-нибудь засохшие сучки, которые при первом вашем прикосновении вдруг оживали, начинали шевелить ножками и пускались от вас наутек?



Маскировка зеленью.



Маскировка сеткой.



Декорация железной дороги.

Маскировка сеткой.

Видели ли вы кочки, которые внезапно вспархивают из-под ног с писком? Комки снега, которые отскакивают в сторону и удирают, навострив уши?

Вот это-то искусство делаться совсем незаметным среди окружающей обстановки необходимо на войне. Это искусство маскировки.

В будущей войне все изменит свой цвет и вид. Все будет загримировано, как лицо актера в театре. Но только в театре человек гримируется под другого человека, ему никогда не придет в голову загримироваться под куст или пень. А на войне будут самые неожиданные превращения.

Лошадь и зебра, — их, конечно, не трудно отличить друг от друга. Но во время мировой войны германские кавалеристы, сражавшиеся в Африке, стали раскрашивать своих лошадей черными и белыми полосами. И такая раскраска часто сбивала с толку англичан.

Пушка и одуванчик, — что общего между ними? Но германские войска стали остерегаться одуванчиков с тех пор, как французы изобрели «Поляну марки № 1 с одуванчиками». Этими полянами из сеток с искусственной травой и белыми пятнышками прикрывали французские батареи.

Вот обыкновенный, заросший мхом

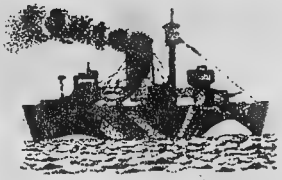
пень; на самом деле он пуст внутри, а в нем сидит человек с биноклем.

Вот зеленый куст с пышной, густой листвой, но совсем без корней: этот куст изготовлен из отдельных, связанных между собой ветвей, а под ним скрывается пулемет.

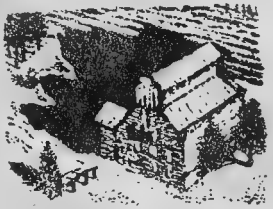
Вот снежные сугробы. Они еле заметно ползут по полю. На самом деле это люди в белых халатах.

В театре не только гримируются, там еще стоят декорации. А в кино пользуются при съемке макетами. Вы видите на экране, как горит дом, как тонет корабль. Вы принимаете этот дом и корабль за настоящие. А на самом деле их построили специально для киносъемки из папье-маше. У дома всего одна стена, та, которую вы видите на экране, а вместо целого корабля сколотили только один борт. Зачем строить дом или корабль целиком? Зритель, ведь, не может протянуть руку и пощупать, есть ли у этих вещей те части, которые снаружи не видны.

Но, ведь, и летчик тоже не может протянуть руку с неба и ощупать вещи, которые видны на земле. Поэтому и те поддельные вещи, которые на войне сооружают для того, чтобы обмануть противника, похожи на настоящие только с одной стороны — сверху.

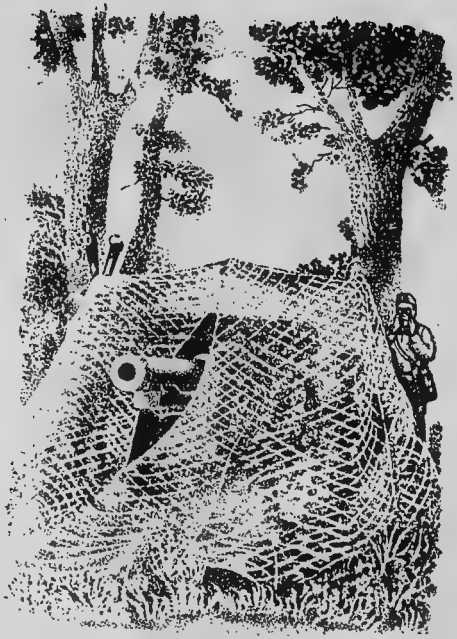


Камуфляжная раскраска.



Маскировка фальшивой тенью.

Зимний маскхалат.



Орудие под масксеткой.

В мировой войне у немцев почти не было танков. Чтобы противник об этом не догадался, германское командование выставляло недалеко от фронта сотни ложных — картонных — танков.

Самые сложные маскировочные сооружения были построены в мировую войну французами и англичанами. Сооружения эти помогали спасать города от германских воздушных налетов.

В последние годы мировой войны германские цеппелины и самолеты часто бомбардировали с воздуха Лондон. Главная их цель была разрушить дом, где помещалось английское военное министерство.

Как укрыть от глаз противника такое огромное здание? Английские маскировщики пошли на такую хитрость: крышу здания окружили со всех сторон невысокими бортами, так что крыша стала похожа на блюдо с загнутыми краями; в это огромное блюдо накачали воду. С тех пор германские летчики, как ни старались, никак не могли найти здание военного министерства: они видели с неба под собой ровную гладь воды, озеро; а в озеро, конечно, не стоило бросать бомбы.

А французы, защищаясь от германских воздушных налетов, воздвигли целый ложный Париж — точную копию на-

стоящего Парижа! Этот город-макет построили недалеко от Парижа, на соседней излучине реки Сены. Он должен был ввести в заблуждение германских летчиков, принять на себя их бомбы.

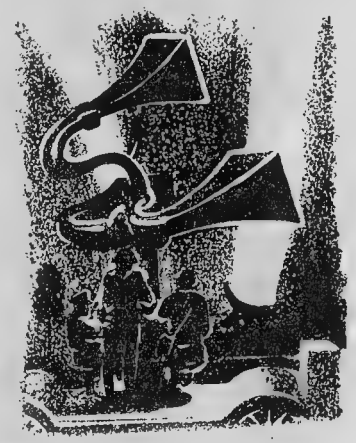
СРАЖЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

Наверное, враг попытается напасть на нас внезапно, без объявления войны, для того чтобы нанести нам удар прежде, чем мы соберем силы для отпора.

Но это ему не удастся: враг не застанет нас врасплох!

Представим себе на минуту: нагруженные бомбами самолеты покидают тайком аэродром враждебной страны и отправляются в далекий путь. Как зловещие ночные птицы, летят они в темноте, к ним привешены тяжелые, похожие на стальные яйца бомбы. Какая судьба ждет эти самолеты, несущиеся в вышине, как тени?

Они летят ночью, чтобы подобраться к нашим городам незаметно. Ни один маяк не указывает им направления. У них очень трудный и опасный путь над чужой, притаившейся во мраке страной. Они летят точно в чернильной гуще, им легче сбиться с пути, чем путнику в дремучем лесу.

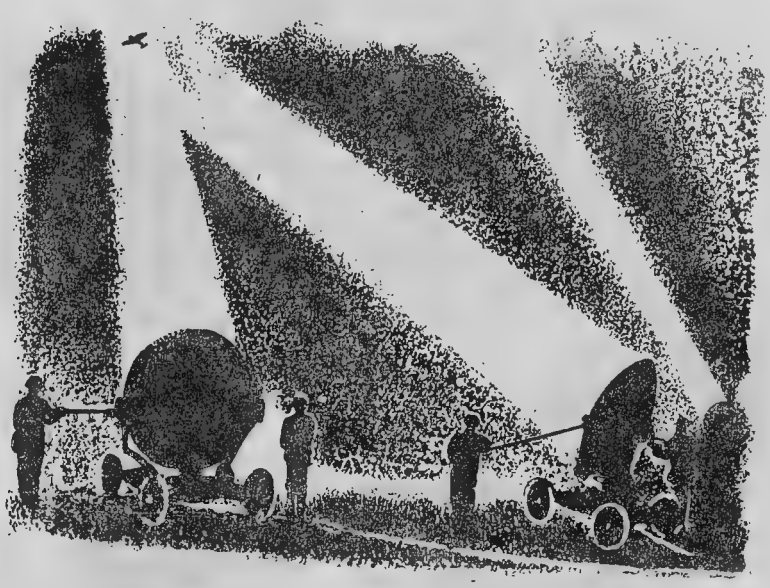


Мы слышим...

Они летят над неведомой страной, будто слепые и глухие. Но мы-то хорошо знаем воздушные просторы своей страны, мы видим и слышим, для нас нет ночи! Наши дежурные самолеты совершают свои дозоры, наши прожекторы освещают небо, наши аппараты для

подслушивания ловят каждый шорох. Врагу не проскользнуть незаметно!

Ночные налетчики еще несутся в черном небе, ничего не подозревая, а у нас уже даны условные сигналы по радио и телефону, уже все приведено в боевую готовность. Уже начер-



Мы видим...

чен путь воздушного врага на карте, выбрано место, где его встретить.

И вот, внезапно первый бомбовоз попадает в луч прожектора. Из полной темноты сразу в море сияния! Точно удесятеренное солнце, ударяет прожектор летчику в зрачки. Хищника видят, а сам он не видит ничего! Ошалевший от света, как сова при лесном пожаре, мечется он в небе, стараясь вывести самолет из световой западни. Но прожектор

Наши звукоулавливатели.

вцепился в него и не отпускает. И вот уже зенитные батареи начинают расстреливать мечущийся самолет. Они заранее разделили небо на квадраты и стреляют не наугад, а уверенно и планомерно, точно решают математическую задачу. Они снабжены специальными приборами, которые указывают, насколько передвинется самолет за время полета снаряда.

Выждав удобный момент, навстречу бомбовозам, наперерез им вылетают наши истребители.

Начинается воздушный бой. В этом бою главное — быстрота.

Тут от одной сотой секунды зависит часто жизнь и смерть. Кто первый заметит врага и, как ястреб, бросится на него, тот уже почти победил: он атакует противника сверху, чтобы сохранить себе бо́льшую свободу маневра, со стороны слепящего света, чтобы неприятелю труднее было его разглядеть, атакует из «мертвого угла» — оттуда, куда не достигают пули вражеского самолета.

Представьте себе, вы мчитесь в поезде-экспрессе. Навстречу мчится другой экспресс. Успели бы вы прицелиться и попасть в намеченное окно? А, ведь, самолет несется втрое быстрее экспресса, — за секунду он пролетает сто метров, — и несется он не по рельсам рядом с вами, а зигзагами, вверх, вниз!

Не более чем в две секунды должен летчик прицелиться, выстрелить, сделать маневр, чтобы избежать удара, и снова занять позицию для нападения.

Одна из трех смертей грозит летчику в этот миг: смерть от пули, если пуля попадет в него самого; от пламени, если пуля ударит в бензиновый бак; от падения, если она перебьет управление и испортит мотор.

Неотступно гонятся истребители за бомбовозами, пронзают их выстрелами, почти в упор направляют в них струю пуль из пулеметов. В этой струе каждая пятая пуля — светящаяся,

трассирующая. Это нужно для того, чтобы по фосфорическому следу был виден полет пули.

Неприятельские бомбовозы рассыпаются по небу в разные стороны. Одни поворачивают назад и летят домой, другие, потеряв направление, блуждают, окунаясь то в свет, то в темноту, третьи пытаются прорваться и долететь до намеченной цели. Огненными метеорами падают подбитые самолеты, сгорая на лету.

В этом бою у нас будет важное преимущество: нашим самолетам будут помогать с земли зенитные орудия. Но у врага — не надо этого забывать — будет зато другое преимущество, преимущество нападающего: ведь, это он сам

Нашим самолетам будут помогать зенитные орудия.

выбрал и направление воздушного удара и наиболее удобное для этого время. Враг, быть может, разделит свой воздушный флот на несколько отрядов и пошлет их разными путями, чтобы запутать нас. И наверняка в помощь своим бомбовозам он отправит еще и отряд истребителей.

На таком самолете советский летчик Коккинаки поставил мировой рекорд высоты.

У каждой стороны свои преимущества. И победа достанется в конце концов той стороне, чьи летчики будут искуснее и храбрее.

Нашим летчикам не раз приходилось решать труднейшие задачи, участвовать в опасных перелетах. Их не останавливали ни острые вершины Памира, ни снежные бури и туманы

Арктики. Наши летчики побивают мировые рекорды. Самолет всегда послушен их рукам.

Они сумеют достичь победы.

Но окружить противника со всех сторон, истребить его до конца — в воздухе гораздо труднее, чем на земле. Часть вражеского флота, может быть, все же прорвется, долетит до наших городов.

Правда, этим самолетам, чтобы уберечься от наших зенитных орудий, придется держаться на огромной высоте. Правда, наши города будут погружены в темноту, а важнейшие здания замаскированы, так что их трудно будет заметить сверху. Правда, наши истребители будут гнаться за вражескими самолетами по пятам, не давая им времени целиться, и поэтому они успеют сбросить не так уж много бомб.

Но всё же бомбы могут упасть на наши города. И мы должны быть к этому готовы.

ГАЗ И ПРОТИВОГАЗ

В прошлой войне самолеты были несравненно слабее, чем теперь. И сбрасывали они тогда не химические бомбы, а простые. В будущей же войне надо ждать и авиабомб, начиненных отравляющими веществами.

Значит, воздушные налеты будут теперь гораздо опаснее, чем они были прежде.

Газ несет смерть так же, как пуля или снаряд. Но и от газа, также как от пули и от снаряда, можно защититься.

Газ несет смерть только беззащитному.

Почему тюркосы почти все поголовно погибли при первой газовой атаке хлором? Потому, что у них не было противогазов? Будь у них хоть самые плохонькие противогазы, они бы остались живы.

А бельгийский солдат, отравленный фосгеном? На допросе

в германской разведке он сам рассказал, что, когда в воздухе запахло фосгеном, он и не подумал надеть противогаз, а продолжал преспокойно курить. Если бы он во-время надел маску, он бы не отравился.

И, наконец, восемьдесят английских солдат, которые ослепли от иприта. Ни один из них не лишился бы зрения, если бы их легкомысленный командир не приказал им снять противогазы в то время, когда они проходили через ипритовый туман...

Никакой газ, даже самый ядовитый, не может вам повредить, если вы заранее приняли все меры защиты.

Фосген, например, в семнадцать раз ядовитее хлора. Однако, когда при первой газовой атаке немцы пустили в дело хлор, этим ядом были отравлены все попавшие в волну газа, и половина из них погибла; а когда в 1918 году появились газы посильнее хлора — фосген и иприт — отравлений было гораздо меньше. Из ста отравленных умирало уже не пятьдесят, как прежде, а всего двое.

В чем же тут дело? Только в противогазе. Это его заслуга.

Противогаз — это фильтр. Он процеживает воздух — вроде того, как на водопроводной станции процеживают воду. Хороший фильтр не пропустит никакой мути. И хороший противогаз не пропустит никакой ядовитой примеси к воздуху, какой бы яд ни был к нему примешан.

Как верный часовой, сторожит противогаз человеческие легкие и не пропускает в них никакого яда. Но этот часовой служит только тому, кто знает, как им распоряжаться.

КОГДА ЯДОВИТЫЕ ГАЗЫ НЕ СТРАШНЫ?

В 1916 году, при одном из первых налетов на Лондон, германский цеппелин сбросил несколько бомб; от них почти

Боец в противоипритном костюме

никто не пострадал. И все-таки больницы были перегружены ранеными, служители не успевали снимать с носилок залитых кровью людей.

Как же так: никто не пострадал, а раненых оказалось столько, точно в городе произошло сражение? Разгадка простая.

Только раздался грохот первой разорвавшейся бомбы, как жители Лондона ринулись в страхе под землю, в галереи метрополитена. Обезумев от ужаса, они толкали и давили друг друга. Отсюда-то и увозили на санитарных автомобилях в больницы искалеченных и раненых. Люди гибли не от бомб, а от одного страха перед бомбами...

А бывали и такие случаи, когда люди во время налетов никуда не бежали, но от страха переставали работать. Моторы гудели впустую, заводы не выполняли заказов, оставляя армию на фронте без снарядов. Прекратить на один день работу в городе, это все равно, что проиграть большое сражение!

Не так должны мы встретить воздушный налет.

Попробуем представить себе, как это будет.

Еще неприятельские бомбовозы не показались над городом, а уже дан сигнал воздушной тревоги: протяжно и непрерывно гудят все фабричные сирены в городе, пароходы на реке и паровозы на железнодорожных путях. Они гудят пять минут подряд, и это гуденье значит: «Готовьтесь! Готовьтесь! Враг летит к городу. Через четверть часа он уже может быть тут».

Проходят пятнадцать минут, и, действительно, несколько прорвавшихся вражеских самолетов показываются над городом и начинают сбрасывать бомбы. И тогда раздается сигнал химической тревоги. На заводах бьют молотками в железные листы — далеко разносятся гулкие удары. Опять кричат сирены, но теперь уже коротко и отрывисто. Все в городе

слышат их и все понимают, что настал важный день, когда на деле проверяется выдержка и храбрость каждого.

Падают и взрываются бомбы. Чем они начинены? Может быть, самым страшным ядом — ипритом.

Специальные команды дегазаторов несутся на автомобилях туда, где разорвались бомбы. Они ставят в этих местах желтые флажки, чтобы жители города избегали зараженных улиц. А сами дегазаторы смело бросаются в гущу ипритного тумана. Им иприт не страшен: не только противогазы, но и промасленная непроницаемая для иприта одежда охраняет их от яда. Дегазаторы тщательно осматривают места, забрызганные ипритом. Они привезли с собой на грузовиках едкий белый порошок — хлорную известь. Этим порошком посыпают они землю, стены, заборы, забрызганные ипритом. Если яд проник в дома, дегазаторы входят в комнаты и посыпают тем же порошком пол, стены, мебель. Этот порошок — заклятый враг иприта: страшный яд теряет от него свою силу.

Дегазаторам иприт не страшен.

По всему городу снуют санитарные и пожарные автомобили. Санитары за-

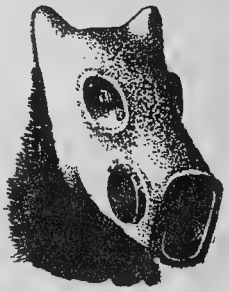
бирают тех, кому на одежду попали капли иприта, быстро раздевают их, ставят под душ, трут зеленым мылом. Если меры приняты во-время, отравление не опасно. В худшем случае у пострадавшего появятся пузырьки на коже; они пройдут потом без следа. А если не будут приняты меры, человек покроется весь нарывами и язвами.

Пожарные команды носятся по городу, не дают разрастаться пожарам. Враг сбросил несколько термитных зажигательных бомб. Они дают пламя в три тысячи градусов. Если заливать их водой — могут произойти взрывы. Но пожарные знают, что делать: они засыпают пламя сухим песком.

Собака в противогазе.

Однако ни дегазаторы, ни санитары, ни пожарные не спасут нас от опасности, если мы сами не позаботимся о себе. Как только запоют протяжные сирены, все мы наденем противогазы. Дети наденут свои специальные детские противогазы. Даже собакам и лошадям натянем на морды маски.

И вот тогда-то, когда раздастся сигнал химической тревоги, сразу станет ясно, кто из нас готов к противовоздушной обороне, а кто нет.



Лошадь в противогазе.

Один успевает надеть свой противогаз в две секунды, даже в темноте или с закрытыми глазами. Он вполне уверен в своем противогазе: он уже раньше испытал окуривание ядовитыми газами в камере. А другой суетится, поворачивает противогаз то так, то этак, путается и тревожно смотрит на часы. У него в маске крохотная дырочка, величиной с була-

вочную головку, и он уже не знает, что делать. А, ведь, это так просто — заклеить дырку.

И вот все уже в противогазах. У всех одинаковые головы с плоскими круглыми глазами и короткими хоботами. Все похожи не то на водолазов, не то на каких-то невиданных марсианских жителей.

Проходит полчаса; кто-то уже начинает сдавать. Ему душно, он томится, он не может работать.

Но почему же никто из его товарищей по работе не задыхается в противогазе? Потому, что его товарищи и прежде уже не раз надевали свои противогазы, тренировали и укрепляли свои дыхательные мускулы. Они умеют дышать в противогазе. Они проходили курс ПВХО — противовоздушной и противохимической обороны.

Да, ПВХО — это наука, необходимая каждому.

Вы умеете читать, писать, считать? Умеете разжигать примус, открывать ключом дверь, чинить карандаш, завязывать галстук? Так же точно должны вы уметь обращаться с противогазом, дышать в нем, оказывать первую помощь газоотравленным.

Тот, кто изучил правила противохимической обороны, никогда не растеряется. Если на него упадет капля иприта — он знает, что в его распоряжении есть три минуты. За эти три минуты он успеет обмакнуть кусочек ваты в маслянистую жидкость и осторожно снять этой ваткой ядовитую каплю; тогда он останется цел и невредим. Что же это за жидкость, которая может спасти вас от иприта?

Изучите правила противохимической обороны, и вы это узнаете.

А что делать в том случае, если вы глотнете чихательного газа? Вы будете долго и неудержимо чихать, если не примете во-время необходимых мер. Меры эти такие. Надо насыпать

в блюдце заранее приготовленный для этой цели порошок, облить его водой и, наклонившись над блюдцем, вдыхать подымающийся пар.

Что это за порошок?

Изучите правила противохимической обороны, и тогда вы это узнаете.

Представьте себе еще такой случай: ваш товарищ не успел во-время надеть противогаз и отравился парами синильной кислоты. Вы видите, как он падает. Вы наклоняетесь к нему — он не дышит. Но не думайте, что он мертв: его еще можно вернуть к жизни искусственным дыханием. Но тут нельзя терять ни секунды.

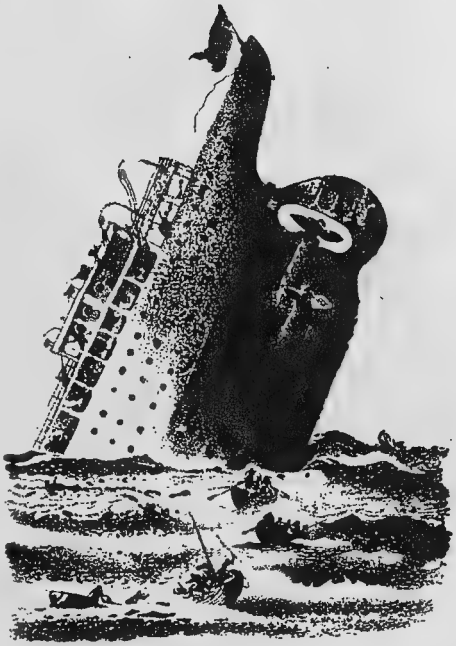
Как сделать искусственное дыхание?

Это знает тот, кто изучил правила противохимической обороны...

Опять сирены заводят свою песню. Химическая опасность миновала, снимайте противогазы! Сирены гудят радостно: воздушный враг спасается бегством, наши самолеты его преследуют; отравленные бомбами районы уже обеззаражены.

Во время воздушного налета все оставались на своих местах, никто не растерялся. Работа на заводах и в учреждениях не прервалась ни на минуту.

Теперь вы понимаете, кому и когда ядовитые газы не страшны?



Часть третья

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

Воздушный флот занимается на войне не только одними налетами на города да бомбардировками; у него есть еще и другие важные задачи: он должен все время помогать своей армии — бойцам, сражающимся на земле.

Представьте себе: наша пехота решила перейти на такомто участке фронта в наступление. Но нельзя наступать вслепую, следует прежде разузнать силы противника. Значит, кому-то нужно заранее пробраться глубоко в тыл неприятеля, рассмотреть хорошенько его позиции, расположение его войск. Как это сделать? Для этого удобнее всего воспользоваться самолетом. Какой же именно самолет послать в этот далекий путь? Такой, который может летать долго без посадки, не возобновляя запасов горючего: небольшой и очень легкий самолет-разведчик.

Другой пример: в воздухе, над укреплениями наших войск, показались вражеские самолеты-бомбовозы. Нужно их как можно скорее настичь и истребить. Но годятся ли для этого самолеты-разведчики? Нет, они для этого недостаточно сильны и быстры. Тут нужен очень быстрый, поворотливый, хорошо вооруженный самолет-истребитель. В особенности важно, чтобы он легко набирал высоту, круто взвивался вверх.

Еще пример: получено донесение, что к фронту движется колонна неприятельской пехоты, нужно не допустить ее до передовой линии, уничтожить в пути. И тут тоже пригодится самолет: штурмовой самолет. При атаке он полетит бреющим полетом, над самой землей, осыплет войска противника пулями. Залетать очень высоко ему нет необходимости. Зато он должен летать быстро.

Вот при каких разнообразных обстоятельствах может воздушный флот оказать важную помощь своей армии. И, наконец, самолеты могут оказать еще одну услугу армии: они могут срочно перевезти ее бойцов.

Для этой работы пригодны, например, тяжелые бомбардировочные самолеты или огромные самолеты-истребители. Они так велики, что их часто называют «воздушными крейсерами». Эти самолеты вполне можно использовать для перевозки отрядов бойцов, а в случае надобности — и для спуска бойцов вниз на парашютах. К таким самолетам можно прицеплять даже грузовики и танки, спускать их на парашютах точно так же, как и людей.

«Воздушный крейсер».

Значит, пользуясь самолетами, можно будет закидывать глубоко в тыл противника целые отряды «летучей пехоты», разрушать там железные дороги, мосты, оружейные склады, неожиданным нападением захватывать в плен штабы противника.

Во время прошлой мировой войны ни один из противников не высаживал парашютные десанты. Но в будущей войне, несомненно, будет применен и этот новый способ борьбы, самолетам придется нести и эту службу.

Наши самолеты

КАК УЧАТСЯ ЛЕТЧИКИ

Какую бы работу ни выполнял летчик на войне, какую бы лётную специальность он для себя ни выбрал, всё равно ему нужно прежде всего овладеть искусством воздушного наблюдения: замечать с неба, что делается на земле.

...Большой зал с балконами. Балконы эти не обыкновенные. Каждый из них может ползти по стене вверх и вниз, спускаться и подыматься наподобие лифта. Пол этого зала тоже не обычный: он покрыт глиной, а в нее вкраплены осколки стекла, пустые спичечные коробки, куски проволоки, щепки, клочки губки. В зале полутемно. Иногда только на пол упадет откуда-то косой луч лампочки, осветит его то в одном, то в другом месте. Миг, и луч снова погас.

Что это такое? Комната для игр в детском саду? Нет, это учебный зал в американской школе летчиков.

Глиняная настилка на полу — это точная модель участка фронта времен мировой войны, модель, сделанная по картам и фотоснимкам. Это — земля с высоты птичьего полета. Маленькие ямки в ней — воронки, следы разорвавшихся снарядов. Бороздки, проведенные иглой, — окопы. Обрывки тоненькой проволочки перед ними — колючие заграждения. Узкая стеклянная полоска от одной стены к другой — река. Спичечные коробки — крепостные сооружения. Наконец, несколько тысяч воткнутых в глубину спичек с лохмотьями губки на них, выкрашенными зеленой краской, — это лес.

Когда балкончик, на котором вы стоите, находится в самом низу, вы видите под собой участок фронта таким, каким вы увидели бы его с высоты трехсот метров. Стоит вашему балкончику немного подняться, — и вам откроется такой вид, какой открывается летчику с высоты шестисот метров. А если

балкончик уйдет на самый верх, это значит — вы поднялись уже на шесть километров над землей.

В этом зале люди учатся смотреть на землю сверху глазами птицы.

Но летчику нужно научиться не только «воздушному зрению», ему еще нужно изучить «воздушный язык»; летчик должен уметь посылать на землю сообщения о том, что он увидел с неба. Это не так просто — переговариваться сверху с землей.

Войдем в зал, когда в нем происходит урок воздушной корректировки. Корректировать значит поправлять. Летчик с неба помогает артиллеристу, поправляет его, указывает, куда стрелять. Ведь, современные пушки стреляют обычно из-за прикрытия и так далеко, что сам артиллерист почти никогда не видит, попадет ли он в цель или нет.

Во время урока воздушной корректировки ученики делятся на две группы: на летчиков и артиллеристов. Летчики находятся на балкончиках, это их «самолеты»; артиллеристы располагаются внизу за партами, как раз под балкончиками, тут их «батареи». Перед каждой партой щиток, поставленный нарочно для того, чтобы артиллерист не видел мишени, в которую стреляет.

Стрелять в учебном зале снарядами, понятно, нельзя. Артиллерист стреляет светом: тонкий луч лампочки падает на пол, когда ученик за партой нажимает на рычажок. Лампочка вспыхивает меньше чем на секунду, и за это время летчик со своего балкона должен заметить, куда ударил выстрел-луч, определить, попал он в цель или нет. Сразу же после выстрела летчик нажимает на телеграфный ключ, который у него под рукой, и выстукивает по радио свои указания артиллеристу. Правда, настоящей радиоустановки в зале нет, — к чему она тут, — летчик просто стучит по перилам

балкончика самым обыкновенным ключом. Артиллерист за партой отвечает ему тоже по этому игрушечному радио, или сигнализирует другим способом: раскладывает на парте лоскутки материи разной формы — сигнальные полотнища. Летчик должен научиться понимать эти сигналы.

Итак, вместо самолета — балкон, вместо пушки — лампочка, вместо радио — простой ключ. И все-таки это репетиция настоящей войны.

«СВХСВХО6» — выстукивает, например, летчик с неба, то есть со своего балкончика, по азбуке Морзе. По принятому на этот день шифру это значит: «Готова ли батарея к открытию огня?»

△ □ □ △

раскладывает на земле, то есть на парте, артиллерист. Это значит: «Первая батарея готова!»

«СВХСВХ» — выстукивает летчик. Это значит: «Стреляйте!»

□ △ □ △

сигнализирует артиллерист. Это значит: «Стреляем!»

В этот миг летчик весь обращается в зрение, чтобы не пропустить выстрела. Артиллерист нажал на рычажок, лампочка дала мгновенную вспышку, узкий луч метнулся на пол и сразу же погас... Выстрел-луч попал не туда, куда следовало: не на борозду в глине — окоп, а в спичку с зеленым клочком губки — дерево на опушке леса.

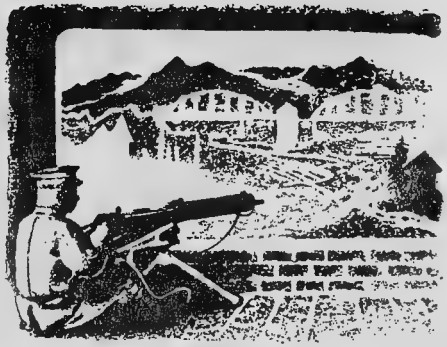
«СВХСВХО25ППО55НН» — стучит летчик: 25 метров вправо, 55 метров недолет.

Артиллерист сигнализирует полотнищами: поправка уже сделана, и он опять готов стрелять...

Так ведет самолет разговор с батареей. Батарея стреляет все точнее и точнее, берет цель «в вилку» и наконец пора-

жает ее. Ученики меняются местами: артиллеристы становятся летчиками, летчики садятся за парту. Урок продолжается.

Из такой школы выходят летчики-наблюдатели, летающие глаза армии.



Обучение летчика-наблюдателя: настоящую цель заменяет цель на киноэкране.

На войне придется им вести корректировку уже не в зале с балкончиками, а высоко в небе. Часами будет носиться самолет в воздухе, как неутомимая ласточка. Он будет выписывать в небе петли и восьмерки, чтобы увернуться от вражеских снарядов, будет следить сверху за маленькими, сейчас же рассеивающимися дымками и подавать сигналы артиллеристам на земле.

Нередко придется летчикам уходить в глубокую разведку, проникать в тыл к противнику.

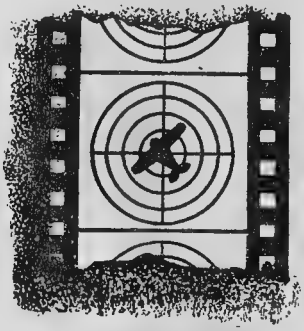
...Самолет летит над незнакомой местностью, уносясь от преследующих его снарядов и юрких истребителей. Все время отмечает летчик на разграфленной бумаге свой путь, держит направление по компасу. Быстрый взгляд на землю, и по дымку паровоза или по ряби на озере догадывается летчик об изменении ветра. В то же самое время чертит он на карте красным карандашом позиции своих войск, синим карандашом — позиции противника; стрелками отмечает он передвижения неприятельских войск.

В сумерки он замечает крохотные, неожиданно вспыхивающие и сразу гаснущие огоньки. Беловатые, желтые, оранжевые, красные. Это похоже на мигание светлячков. Но летчик

знает: это вспышки выстрелов. По секундомеру высчитывает он продолжительность каждой вспышки, булавочными уколами отмечает на карте места, где расположены вражеские орудия.

С каждой минутой сумерки становятся все гуще. Пора домой. Озабоченно отсчитывает летчик время, на которое должно хватить бензина. Напрягая все свои силы, борется самолет со встречным ветром. В темноте легко заблудиться. Нужно быть всегда начеку, уметь выпутаться из любого затруднения. И всегда надо быть готовым к воздушному бою.

Воздушному бою летчики тоже учатся заранее в школе.



Лента фотопулемета: пуля попала в самолет.

Учебный бой ведут так. К пулемету присоединяется фотоаппарат; он наводится вместе с пулеметом и управляется его спусковым рычагом. Самолеты взмывают в небо и проделывают в высоте виражи, спирали, штопоры, перевороты через крыло, мертвые петли, горки. Летчики стараются подстрелить друг друга. То и дело щелкает пулемет. Но ни одной пули не вылетает из него. Вместо выстрела получается снимок. «Враги» только фотографируют друг друга.

Спустившись на землю, летчики просматривают ленту фотопулемета и вместе решают, кто из них убит. Кто сумел заснять противника, уклонившись сам от съемки, тот победил.

ЧТО ВИДНО СВЕРХУ

«Самое важное для летчика — это искусство правильно видеть. Одних природных способностей для этого недостаточно. Нужна еще тщательная подготовка и постоянная прак-

Наши самолеты-разведчики.

тика» — так говорится в американской военной инструкции.

Что же это за искусство — видеть? Разве недостаточно иметь глаза, чтобы правильно видеть?

В 1916 году германский летчик отметил в своем донесении, что он видел очень много железнодорожных вагонов. Это было важное известие: очевидно, французы подготовляли наступление. Что же на поверку оказалось? Это были не вагоны, а всего-навсего соломенные настилы на столбах: на этих настилах французские крестьяне сушили лук.

Можно ли винить в этой ошибке глаза летчика? Нет. И вагоны и соломенные настилы выглядят сверху, с большой высоты, одинаково: светлые черточки вроде тире. Однако, если бы летчик был опытнее, он заметил бы странное расположение этих тире, обратил бы внимание на то, что «вагонов» много, а паровозов почему-то не видно. Словом, учтя разные мелкие приметы и признаки, он избежал бы ошибки. Но для этого недостаточно одной зоркости глаз: нужна еще сообразительность и тренировка.

Мы привыкли смотреть на окружающие нас крупные предметы сбоку или снизу. А летчик глядит сверху. Поэтому для него все принимает совсем иной, необычный вид.

Узнаете ли вы себя на фотографии? Конечно, узнаете, если только во время съемки вы были повернуты лицом к аппарату. А вот если бы вас сфотографировали с затылка? Тогда, пожалуй, вы не сразу бы догадались, кто снят на карточке. И уж наверняка вы бы не узнали себя, если бы вас сняли с темени, таким, каким видит вас муха с потолка... А, ведь, летчик смотрит на все вещи даже не с потолка, а с неба.

Летчику нужно научиться воздушному зрению — «аэрозрению». Иначе он ничего не разберет, глядя с аэроплана на землю или даже рассматривая сделанный с самолета снимок, аэрофотоснимок.

Пробовали ли вы когда-нибудь разбирать шифрованное письмо, в котором каждая буква заменена каким-нибудь особым знаком? Это довольно трудное занятие, требующее сноровки. Аэрофотоснимок — это как бы зашифрованный снимок. Человек, который его разбирает, так и называется: расшифровщик.

Первое, чему должен научиться воздушный расшифровщик, — это разгадывание теней. Мы редко обращаем внимание на тени. Ведь, мы узнаем вещи с первого взгляда по их виду: зачем же нам еще смотреть на тени?

Но для расшифровщика тень важнее иногда самой вещи. Дерево и автомобиль, например, выглядят, если смотреть с неба, почти одинаково: черными пятнышками. А по теням их легко узнать: тени выдают их очертания.

«Если бы не было теней, — пишет американский специалист по расшифровке аэроснимков, — летчик не мог бы отличить орудийного окопа от стога сена; он бы сомневался до тех пор, пока ему не сообщили бы, что этот стог сена несколько раз стрелял».

Тоненькие белые и серые линии на снимке — что это такое? Это тропинки и дороги. По ним можно догадаться обо многом. По ширине линии можно определить, как проходят тут войска, гуськом или колонной, годна ли эта дорога для обозов и автомобилей. Если дорога приводит в лес, это наводит на мысль о том, что в глубине леса может быть запрятано тяжелое орудие. Линия, которой не было на снимках, сделанных прежде, это новая дорога: очевидно, противник накапливает тут войска. Наоборот, если линия становится все темнее с каждым снимком, значит, дорога зарастает травой, противник перестал ею пользоваться, и, значит, — обстреливать ее не стоит.

Дорога — это след человека. И как охотник-следопыт опре-

деляет зверя по следу, так расшифровщик по тоненькой линии на снимке догадывается о силах и замыслах противника.

Вот одна из задач расшифровщика, — эту задачу решали англичане во время мировой войны.

В 1917 году английский расшифровщик разбирал несколько фотоснимков, снятых за день в одной и той же местности. Он заметил, что с каждым новым снимком дорога становилась все темнее. Почему? Не могла же она за несколько часов зарасти травой. Дождя в этот день не было, условия освещения были все время одинаковые.

Тогда расшифровщику пришло в голову: дорога выходит на снимках все темнее потому, что ее мостят булыжником. А для чего ее так спешно мостят? Наверное, для того, чтобы подвезти по этой дороге тяжелую артиллерию.

За дорогой стали следить. И когда, действительно, по этой дороге двинулась наконец германская артиллерия, англичане расстреляли ее в пути.

Телефонные и телеграфные провода, конечно, слишком тонки, чтобы их можно было заметить с неба. Но их выдают столбы, которые на снимке выглядят белыми точками. Даже если провода идут под землей, все равно и тогда их можно обнаружить: там, где под землей скрыт кабель, на снимке получается туманная полоска. Это потому, что разрыхленная земля выходит на снимке светлее, чем плотная, никогда не тронутая лопатой.

Реки и озера на снимке кажутся совершенно черными. Окопы отпечатываются черными зигзагами, окаймленными белой лентой. Крохотные черные точки — это отверстия для вентиляции в крытых окопах. Светлые пятнышки с тоненькими черными хвостиками — пулеметные гнезда с ходами. Маленькие кружки с точками по середине — орудийные окопы с зенитными пушками.

Аэрофотосъемок.

Железные дороги выходят на снимке темнее шоссейных. Эти прямые темные линии тоже могут рассказать обо многом.

В феврале 1918 года французские летчики, пролетая над германским фронтом, заметили новую железную дорогу, идущую к лесу у Лаона. «Очевидно, в лесу собираются установить батарею», решили летчики. И, чтобы проверить, так ли это на самом деле, они решили пролететь над лесом. Но тут, на высоте трех километров, их встретил германский барраж: охрана, состоящая из самолетов-истребителей. Тогда летчики поднялись еще выше, на высоту пяти километров; но и на этой высоте им не удалось пролететь над лесом: их встретил второй барраж. Летчики вернулись с донесением: в лесу подготовляется что-то очень важное, — барраж обходится так дорого, что им не стали бы пользоваться по пустякам.

А ровно через месяц до Парижа стали долетать неизвестно откуда германские снаряды. Тут-то французы вспомнили о лесе у Лаона. И, действительно, вскоре было обнаружено, что именно из этого леса стреляют германские сверхдальнобойные орудия...

Так работали во время мировой войны летчики-наблюдатели, расширяя кругозор армий, оказывая им неоценимые услуги.

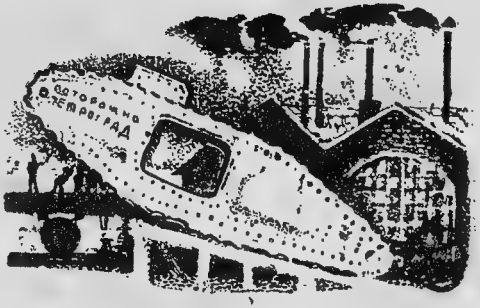
Это они, летчики-наблюдатели, носясь без устали в воздухе, замечали все слабые места противника, сообщали о них своему командованию. Это по их донесениям командование решало, где нанести противнику неожиданный удар: куда лучше послать пехоту, куда артиллерию, а куда — танки.

«ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ»

Что значит слово «танк»?

«Танк» значит по-английски «лохань». Так были названы изобретенные в 1915 году машины в английских секретных

документах; придумано было это название для того, чтобы сбить с толку противника: если бы германское командование даже и заполучило какие-нибудь военные документы, в которых упоминаются «танки», оно все равно не могло бы догадаться, о чем идет речь. Это условное название так и осталось за новыми машинами и вошло теперь во все языки.



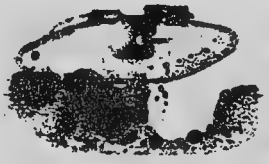
Такие надписи ставили англичане на первых отправлявшихся во Францию танках — чтобы сохранить тайну нового изобретения.

Впервые танки вступили в бой в июле 1916 года. Но настоящую свою силу они показали впоследствии, через два года.

...Была тихая ночь, ночь на восьмое августа 1918 года. Под утро долину заволокло густым туманом. Даже в нескольких шагах ничего нельзя было разобрать. Все слилось в мутно-белое море. В темноте и тишине шли в английских войсках последние приготовления к атаке. Решено было двигаться по компасу.

В четыре часа утра все было еще совершенно тихо. Только слышалось во мгле осторожное покашливание германских часовых.

Так было в четыре часа. А в четыре двадцать раздался оглушительный гул, по фронту замелькало пламя: все английские орудия, по заранее выверенным хронометрам, обрушились ураганным огнем на германские позиции. Всего четыре минуты продолжался обстрел. Но за эти четыре минуты германские окопы были засыпаны снарядами. Многие из раз-



Танк переваливает через ров.

буженных внезапно солдат были убиты прежде, чем они успели понять, в чем дело.

В четыре двадцать четыре снова наступило мертвое молчание. И в этот-то миг германские солдаты увидели выползающие из тумана, движущиеся прямо на них машины. В белой темноте машины казались непомерно огромными. Точно железные мамонты, шли они по полю, гудя и дрожа.

Танки двигались неровной линией, зигзагами, по десяти — двадцати штук вместе. За ними редкими цепями бежала пехота. Потом — опять танки и опять пехота. Танки шли прямо на германские окопы и рвали, как нитки, проволочные заграждения. В образовавшиеся проходы втекала английская и французская пехота, а сами танки, перевалив через рвы, поворачивали вдоль окопов и, разъезжая взад и вперед, расстреливали германских солдат.

Напрасно пытались сопротивляться германские солдаты. Напрасно осыпали они пулями невиданного врага. Танки были неуязвимы: крепкая броня предохраняла их от пуль.

Так начался день сражения при Амьене, день, который германский генерал Людендорф назвал «черным днем германской армии».

Здесь невозможно описать все это сражение целиком, я прослежу только боевой курс одного из английских танков — того, который носил название «Музыкальный ящик».

Туман уже почти рассеялся, когда этот танк вместе с несколькими другими попал под обстрел германских пушек. У одного из танков сорвало снарядом гусеницу — она с громом взлетела в воздух. Из кормы другого вырвались две огненных струи. Он застыл на месте, поднявшись на дыбы, как конь. А «Музыкальный ящик» успел во-время уползти

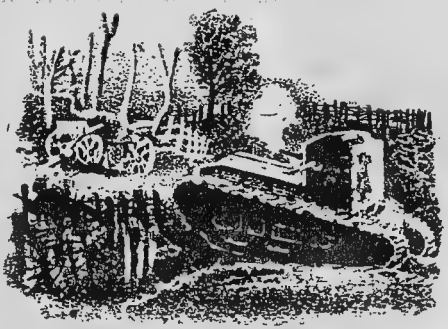
под прикрытие деревьев; оттуда он вышел в тыл германской батарее. Когда германские солдаты, обернувшись на шум, увидели наступающее на них чудовище, они оставили орудия и бросились бежать. Но пулеметы «Музыкального ящика» настигли их и скосили всех до одного.

А танк двинулся дальше в расположение германских войск.

По шоссе несся полным ходом германский автомобиль. «Музыкальный ящик» сполз в овраг и, притаившись, стал ждать; когда автомобиль поравнялся с ним, танк выстрелил. Шоффер упал грудью на руль. Автомобиль пролетел еще полсотни метров, стукнулся о дерево и разбился.

Скоро танк достиг германских убежищ и расстрелял там около шестидесяти человек. Потом он взял под обстрел мост, на котором столпились повозки. На мосту началась давка, лошади с громким ржаньем метались, путались в упряжи. Наконец перила рухнули, и лошади вместе с повозками утонули в реке.

«Музыкальный ящик» выполнил свою боевую задачу. Теперь ему можно было возвратиться назад, к своим. Но это было не так-то просто. День стоял очень жаркий. От солнца и от непрерывной работы мотора танк раскалился, и людям в нем стало трудно дышать. К тому же запасной бидон с бензином дал течь, бензин стал заливать броневую башню. Внутри танка сде-



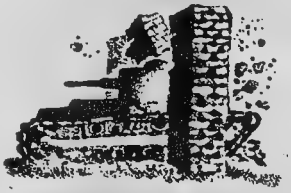
«Музыкальный ящик» вышел в тыл германской батарее.

лалось невыносимо душно. Командир приказал танкистам взять в рот трубки противогазов и дышать через них.

«Музыкальный ящик», напрягая все силы, торопился домой.

Вдруг в него ударила ружейная пуля. Она, конечно, не пробила брони; но от удара о броню она мгновенно раскалилась до 900 градусов и воспламенила вытекший из бидона бензин. Одежда на танкистах вспыхнула. Трое объятых пламенем людей выскочили из танка и стали кататься по траве.

Вскоре германские солдаты окружили беспомощный танк. Германский конвой увел в плен трех человек в еще дымящейся одежде. Эти три человека всего только за час перед тем расстреляли много десятков германских солдат. А таких танков, как «Музыкальный ящик», участвовало в этом сражении больше шестисот...



Танк проламывает стену.

«Высшее командование должно принять невыразимо тяжелое решение, — докладывал вскоре германский генерал в комиссии рейхстага, — и заявить, что надежды победить противника больше нет. Первым фактором, повлиявшим на такой исход войны, являются новые броневые машины — танки».

ГЛАЗА И УШИ ТАНКА

Человек сидит в танке, точно цыпленок в железном яйце Он закрыт наглухо со всех сторон металлической скорлупой. Чем же он дышит? Как может он видеть и слышать сквозь броню? Где у танка глаза и уши?

У танка есть и легкие, и глаза, и уши. Легкие танка — это фильтр, всасывающий воздух. Ухо и язык танка — радио.

Сложнее всего устроен глаз танка. Обычно в танке прорезают узкие окошки — «смотровые щели». Не много света проходит сквозь эти щели, но сделать их пошире нельзя: вместе со светом ворвутся в них и неприятельские пули.

В смотровую щель трудно проникнуть пуле или осколку снаряда.

И все же, когда в госпиталь во время мировой войны приносили человека с изуродованным лицом, военные врачи сразу же догадывались, что этот человек — танкист. Всего удивительнее было то, что пули ранили людей в танке даже и тогда, когда не попадали в них. Пуля с налета ударялась о броню танка и мгновенно расплавлялась от удара; раскаленные свинцовые брызги летели во все стороны. Попадали они иной раз и в смотровую щель броневой башни, выжигая танкисту глаза.

Окна танка были воротами смерти.

Английские и французские изобретатели стали думать, как бы защитить глаза танкиста от пуль. И вот, например, как разрешили эту задачу во Франции.

Французские ученые рассуждали так:

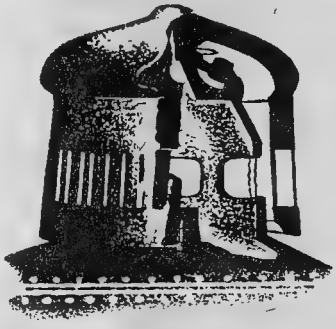
— Смотровые щели надо сделать такими узкими, чтобы пуля не могла проскользнуть в них; но если щель будет чересчур узкой, тогда сквозь нее ничего уже нельзя будет разглядеть. Много ли видно сквозь угольное ушко? Значит, окно танка должно быть в одно и то же время и узким и широким! Как же это осуществить?

Французские оптики вспомнили об одной особенности человеческого глаза. Посмотрите на какую-нибудь вещь, например, на лампу, а потом быстро отведите взгляд и закройте глаза. Какую-то часть секунды вы все еще будете видеть лампу. Изображение ее точно застряло в вашем глазу, не ушло вовремя.

Вот этой-то особенностью глаза и воспользовались оптики для его защиты.

Что вы видите, когда смотрите на неподвижное колесо? Спицы и промежутки между ними. Но попробуйте быстро завертеть колесо: спицы и промежутки сливаются в один прозрачный круг. Спицы как будто совсем исчезают, глаз не успевает их ловить. Все колесо становится прозрачным.

Французские оптики прежде всего предложили надеть на броневую башню танка круглый стальной колпак со множеством узеньких, в толщину спички, прорезей. Таким образом было выполнено первое требование: окна в колпаке оказались достаточно узкими. А в самой броневой башне под колпаком было прорублено пять больших окон. Таким образом было выполнено и второе требование: окна в башне оказались достаточно широкими.



Броневая башня с вращающимся колпаком.

Пока колпак стоит на месте, сквозь его узкие щелки видно очень мало. Но вот электромотор начинает вращать его. Колпак вертится все быстрее и быстрее и — он как будто светлеет.

Наконец, когда колпак вертится уже со скоростью четырехсот оборотов в минуту, щели и промежутки между ними совсем сливаются, как спицы в крутящемся колесе. Толстый стальной колпак становится прозрачным!

Теперь уж танкист может глядеть из броневой башни во все стороны, как будто она не стальная, а стеклянная. Его глаза защищены от пуль и осколков снаряда: щели в колпаке такие узкие, что пуля сквозь них не проходит.

А раскаленные свинцовые брызги? Для защиты от них

МОРСКОЙ ФЛОТ

Военный корабль — это самое сложное сооружение, самая огромная машина из всех, какие существуют.

Прежде всего, это огромный дом. На линейном корабле, например, живет полторы тысячи людей. Если бы его поставить носом вверх посреди улицы, он поднялся бы выше всех домов, выше Исаакиевского собора в Ленинграде.

У линейного корабля своя электростанция, своя радиостанция, свой водопровод, своя телефонная сеть, отопление, склады. У него есть своя обсерватория, состоящая из множества сложных оптических приборов. Вернее было бы сказать, линейный корабль — это даже не дом, а целый плавучий город.

Стальной броней, в двадцать раз толще, чем у танка, обшиты стены этого города. Огромные башни его вращаются вместе со своими тяжелыми орудиями. В середине этого плавучего города работает завод; он называется машинным отделением.

Могучая странствующая по океану крепость — вот что такое линейный корабль. Он стоит больше ста миллионов рублей, то есть дороже, чем фабрика или электростанция. А живет такой корабль очень недолго, меньше чем человек: двадцатилетний корабль — это уже старик.

Линейный корабль.

Линейные корабли и линейные крейсера — самые сильные суда морского флота. Их оберегает от неожиданного нападения и помогает им в бою целая армия кораблей разных специальностей.

Вот броненосные и легкие крейсера. Это часовые морей. Они охраняют водные пути, охотятся за торговыми судами противника.

Вот миноносцы. Это бомбометчики. Но мечут они не обычные бомбы, а подводные. Эти подводные самодвижущиеся снаряды называются торпедами.

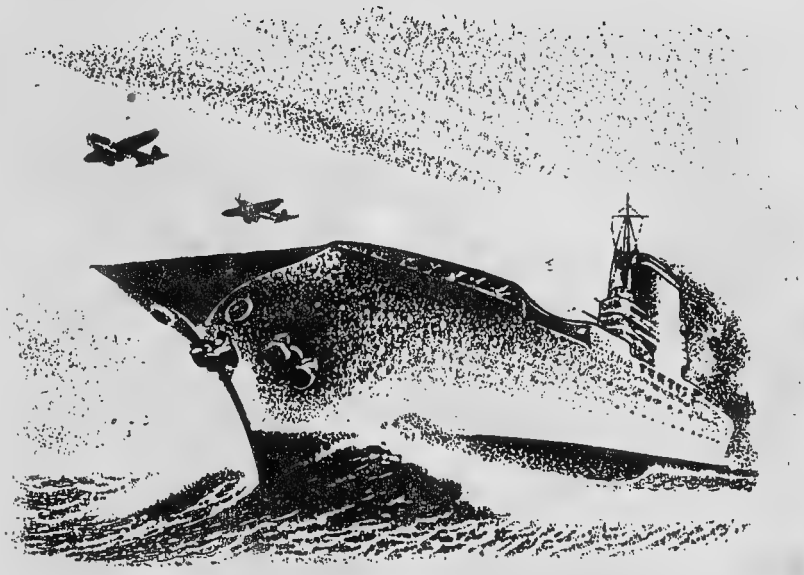
А вот тихоходные, покрытые броней, точно черепахи, мониторы. Это осадные войска: они подходят близко к берегам и обстреливают береговые укрепления.

Торпедные катера — это морская кавалерия; необычайно быстроходные и поворотливые, роем несутся они на большой корабль, стараются потопить его торпедами. Торпедные катера очень опасны для линейных кораблей.

Заградители и тральщики — морские саперы: заградители ставят под водой большие, похожие на груши мины; тральщики вылавливают, тралят мины.

Есть у морского флота и свой обоз: суда-транспорты, мастерские, спасательные, госпитальные суда. Наконец, уже во время мировой войны появились особые корабли для борьбы с подводными лодками и корабли-авианосцы — плавучие аэродромы.

Перед мировой войной самым большим флотом был английский. Он помогал Англии держать в повиновении четыреста миллионов людей, разбросанных по всем пяти материкам земли. Недаром у англичан есть старая пословица: «Да поможет нам бог и флот!»



Авианосец.

Вторым в мире флотом был германский.

Когда началась война, весь мир ожидал битвы двух величайших флотов, решительного морского сражения. Но германское командование уклонилось от боя: оно увело свои корабли в гавань и заперло вход в нее минами.

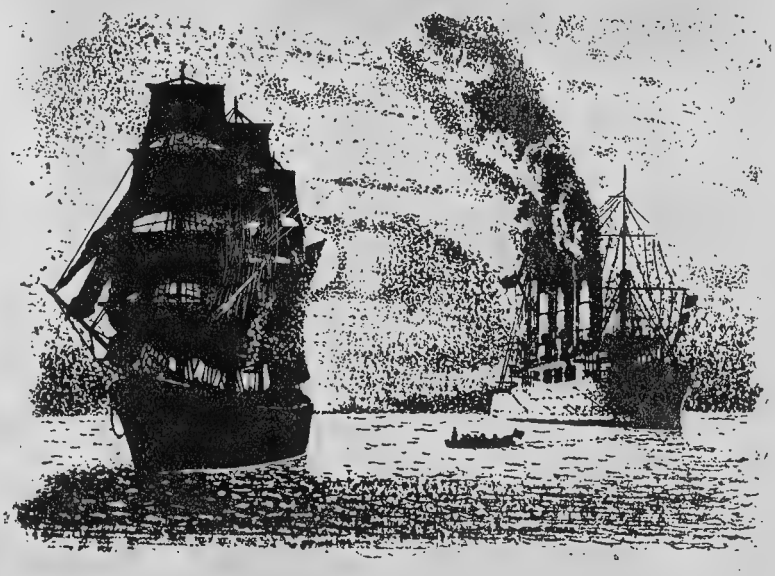
Целых четыре года Флот открытого моря — так назывался германский военный флот — не осмеливался выходить в открытое море. Только отдельные эскадры его иногда покидали защищенную гавань.

Английский флот и не пытался проникнуть в это убежище германских кораблей. Зато он овладел всеми морскими путями и не пропускал ни в Германию, ни из Германии ни единого торгового судна. Он блокировал целую страну, пре-

вратил ее как бы в осажденную со всех сторон крепость. Он накинул на Германию петлю голода и медленно, но верно душил ее.

Даже германский телеграфный кабель, который шел под водой через весь Атлантический океан и связывал Германию с Америкой, был перерезан в первые же дни войны. Английское адмиралтейство послало специальный корабль в океан для того, чтобы нарушить эту связь.

Блокада тяжело отозвалась не только на Германии, но и на других государствах. Вот пример: все страны получали до войны анестезирующие — обезболивающие — средства из Германии. После начала военных действий эти средства сразу



Военный корабль задерживает торговое судно.

же исчезли изо всех аптек,— операции пришлось делать без наркоза. И больные на операционных столах в больницах, госпиталях, лазаретах испытывали страшные страдания под ножом хирурга.

Но правительство Англии не снимало блокаду. Ведь, блокада приближала к победе!

В германских больницах вычерчивали тушью на разграфленной бумаге ломаную черту — кривую смертности немецких детей. С каждым месяцем черная линия шла все выше и выше. Голод губил Германию.

А германский флот попрежнему стоял на якоре в своей безопасной гавани.

Германское правительство не хотело рисковать своим флотом: ведь, на него были затрачены миллиарды рублей. В случае если бы он погиб в сражении, восстановить его во время войны было бы невозможно.

РАССКАЗ О ЮТЛАНДСКОМ БОЕ

И все же германский флот покинул однажды свое убежище и сразился с английским. Вот как это случилось.

Германский адмирал Шеер придумал такой план: завязать бой не со всем английским флотом сразу,— не с Большим флотом,— а только с одной из его эскадр. Если английские корабли попадутся в эту ловушку и примут бой,— германский флот несомненно справится с ними, пустит их на дно. А уж после этого можно будет думать о решительном сражении с главными силами английского флота.

Итак, задача адмирала Шеера сводилась к следующему: воспользоваться разделением сил противника и разбить их по частям. И когда адмирал Шеер получил наконец точные сведения о том, что бо́льшая часть английского флота ушла

далеко на север, к Оркнейским островам, а в открытом море осталось только несколько десятков английских кораблей, — он решил привести свой план в исполнение.

31 мая 1916 года, в два часа ночи, германский флот вышел из гавани в темное море. А на другой день, в начале третьего часа, передовой германский корабль поднял флаг: «Вижу неприятеля».

Далеко в море шла эскадра английских линейных крейсеров. Она состояла всего из пятидесяти двух кораблей. А германский флот был вдвое больше, в нем было сто десять кораблей.

Английская эскадра двинулась навстречу противнику: она не собиралась уклоняться от боя. Должно быть, англичане, обнаружив пока только передовые германские корабли, не догадывались, что за этими кораблями идет в полном составе весь германский флот, Флот открытого моря.

Расчеты адмирала Шеера начали как будто оправдываться. Он отдал приказ: готовиться к бою...

Не буду рассказывать всей истории этого боя; постараюсь проследить судьбу одного корабля: германского линейного крейсера «Дерфлингер».

На «Дерфлингере» пробили боевую тревогу. Старший артиллерист крейсера вошел в круглую, обшитую толстой броней рубку и стал осматривать море через перископ.

У самого горизонта он заметил английские корабли. При пятнадцатикратном увеличении они были отчетливо видны. Точно огромные морские животные, спокойно и уверенно плыли они навстречу Флоту открытого моря.

Английская эскадра подходила все ближе и ближе, но стрельбы не открывала. И германский флот тоже не начинал еще боя.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут. И все еще на море

На палубе нашего линкора

не слышно было ни одного выстрела. Люди на кораблях, и германских и английских, застыли в тревожном ожидании.

И вдруг с той стороны, откуда шли английские корабли, донесся глухой звук залпа. В ту же минуту на германском флагманском корабле взвился флаг: «Открыть огонь!» и в ту же самую секунду старший артиллерист на «Дерфлингере» крикнул в телефонную трубку: «Залп!»

Сразу из двадцати двух орудий корабля вылетело пламя.

«Крупная артиллерия — броневые снаряды! — командовал старший артиллерист. — Направление на второй линейный крейсер слева, 102 градуса! Скорость — 26 узлов, курс ост-зюд-ост. Прицел — 80 кабельтовых! У нашего противника две мачты, две трубы и еще узкая труба вплотную к мачте. Целик — десять влево! Вир — половина! Продолжать! Целик — два влево! Четыре с половиной меньше! Хорошо!»

Орудийные вспышки мелькали теперь непрерывно, как молнии в сильную грозу.

Около кораблей внезапно вырастали огромные фонтаны, обдавая палубы потоками воды. Черные клубы дыма расползались над морем.

Вдруг один из английских крейсеров встал на корму, задрал нос высоко кверху, точно пытаясь выскочить из воды. Раздался взрыв, корабль перевернулся и пропал в волнах. Все произошло так быстро, что в шуме боя никто почти не заметил потери.

Так погиб первый корабль. Из всей его команды спаслись только два человека. Тысяча двадцать два потонуло.

Через минуту взорвался другой английский корабль. Корма его поднялась кверху,— видно было, как вращаются в воздухе винты, как из люка сыплются вещи, а из боковой башни вылезают поспешно люди. Огромный корабль стал как будто разламываться пополам. Потом он взлетел высоко в воздух

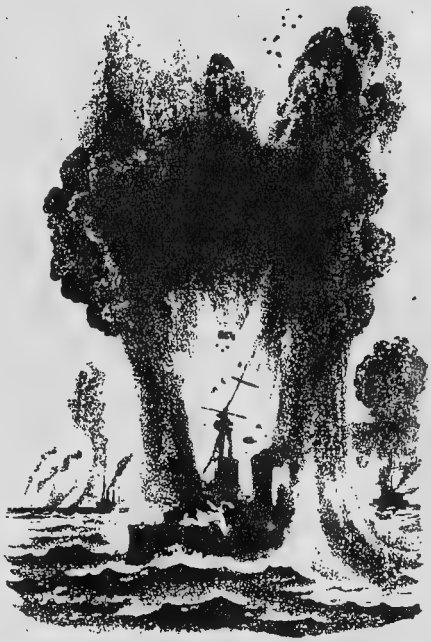
и исчез в столбе дыма. Назад в море он упал уже градом обломков...

Так шло сражение с явным перевесом на стороне германского флота; да и не удивительно: ведь, он был гораздо больше этой части английского флота.

К тому же скоро выяснилось, что немцы имеют еще и другое важное преимущество: корабли их выдерживали много попаданий подряд, броня на них была очень прочной.

Адмирал Шеер заранее торжествовал победу.

И вдруг в несколько минут обстановка переменилась.



Так погиб первый английский корабль.

«Вся дуга горизонта от севера до востока,— рассказывал потом адмирал Шеер,— превратилась внезапно в огненное море; самих кораблей не было еще видно, но в облаках дыма, которые окутывали горизонт, то и дело мелькал огонь английских орудий».

Это на помощь английским крейсерам шел весь английский флот — Большой флот — под начальством адмирала Джеллико.

Как могло это случиться? Почему Большой флот оказался в этот день здесь, а не в своей гавани у Оркнейских островов?

Неужели германский флот, вместо того чтобы завлечь англичан в ловушку, сам попал в западню?

Да, это было так.

И виноват во всем был сам адмирал Шеер. Он недостаточно заботился о сохранении военной тайны: он посылал свои приказы по радио, а неприятель эти приказы перехватил и расшифровал.

Английская эскадра, которая первой пошла навстречу германскому флоту, отлично знала его численность. Она вступила в неравный бой только для того, чтобы задержать германские корабли и дать время Большому флоту, который был уже в пути, приблизиться к месту боя.

Адмирал Шеер не позаботился и о том, чтобы во-время выслать воздушную разведку; и вот теперь он оказался лицом к лицу со всем английским флотом из полутораста сильнейших кораблей...

Большой флот шел полным ходом навстречу Флоту открытого моря. На всех английских кораблях колокола уже пробили боевую тревогу. Судьба германского флота была решена. Сейчас Джеллико зажмет его в тиски.

Но почему же адмирал Джеллико не начинает боя, чего он ждет?

Оказалось, что в вычислении курса у англичан произошла какая-то ошибка. Большой флот подошел к месту боя не с той стороны, с какой рассчитывал, и не в том порядке, какой рекомендуется уставом.

Осторожный адмирал не решился нарушить устав. В 6 часов 15 минут он приказал по радио Большому флоту перестроиться. Двадцать пять минут разворачивался Большой флот. А когда он наконец развернулся, германский флот уже успел от него уйти, оставив на месте всего только один подбитый корабль.

Казалось бы, Флот открытого моря, уцелевший только благодаря неожиданной удаче, должен был теперь нестись на всех парах домой, в свое защищенное убежище.

Однако не прошло и двадцати минут, как адмирал Шеер снова повернул свой флот навстречу англичанам. Зачем он это сделал? Для того ли, чтобы вступить в решительный бой со всем английским флотом? Или только для того, чтобы неожиданной атакой нанести противнику урон, а потом снова отступить? Неизвестно. Сам адмирал Шеер впоследствии объяснял свое поведение по-разному. Но те, кто был с ним в этот день на корабле, хорошо запомнили его первое объяснение: «В сущности, — сказал он, — я не имел определенной цели».

Флот открытого моря двинулся в самую середину дуги Большого флота, прямо под огонь всех английских орудий.

Солнце стояло низко в небе; над морем поднимался легкий туман. Германские корабли были хорошо видны противнику: их освещало заходящее солнце; а английские корабли уже почти исчезли в вечернем тумане.

«Дерфлингер» шел в строю одним из первых навстречу неприятельским орудиям, посылавшим в него снаряд за снарядом.

При каждом ударе корабль только сотрясался и дрожал, как туго натянутая струна; по всем его телефонам и переговорным трубкам проходил глухой гул, похожий на раскат грома.

Но вот снаряд попал прямо в броневую башню крейсера и пробил ее. Мгновенно вспыхнули пороховые заряды.

В башне находилось в то время семьдесят семь матросов. Пятерым удалось спастись: они успели выскочить через люк для выталкивания гильз. Семьдесят два человека сгорело заживо.

Другой снаряд ударил в рубку, где находился старший

артиллерист. Тяжелая броневая дверь с грохотом отлетела. В рубку поползли ядовитые желто-зеленые газы.

Новый снаряд пробил крышу кормовой башни. Столбом взметнулось пламя. Все люди в башне погибли...

Всё новые и новые снаряды попадали в «Дерфлингер».

Уже все каюты его были разрушены; палубы превращены в груды щепок; радиоантенны сбиты; прожекторы унесены волнами за борт.

Но самое сердце корабля, его машинное отделение, уцелело. Оно было защищено особо прочной броней.

Машинное отделение еще работало, и «Дерфлингер», выполняя приказ, шел вперед.

Пушки его давали залп за залпом.

Старший артиллерист уже не надеялся попасть в английские корабли: в тумане и в дыму их не было видно. Но он знал, что если пушки «Дерфлингера» замолчат, люди на корабле почувствуют себя совсем беззащитными, и команду охватит отчаянье.

«Дерфлингер» шел вперед. Два высоких столба дымного пламени вздымались над ним, как два погребальных факела...

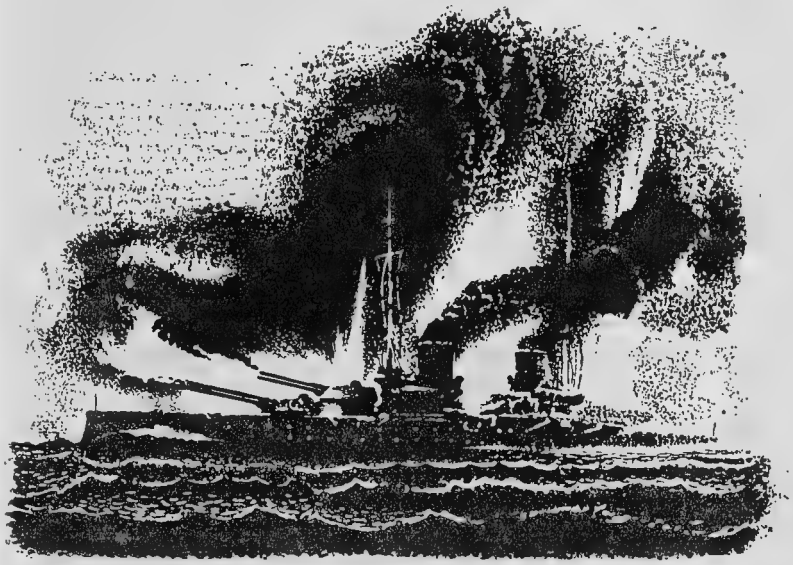
Всего четверть часа продолжалось это страшное плавание. Если бы оно продлилось еще несколько минут, «Дерфлингер» и другие германские корабли были бы обречены на гибель.

Но как раз в это время в обстановке боя произошел новый и последний перелом: адмирал Джеллико вновь приказал своему флоту перестроиться; он получил донесение (как выяснилось впоследствии — ошибочное), что где-то поблизости показались германские подводные лодки. Снова английские корабли стали чертить в море замысловатые фигуры.

Это дало адмиралу Шееру время отменить свой приказ и вывести Флот открытого моря из западни, в которую он сам вовлек его

Настала ночь. Небо заволокло тучами. На море стало совсем темно...

Там, где всего лишь час назад шел бой, теперь было пусто и тихо. Только два корабля оставались на месте сражения. Их броня была раскалена докрасна и ярко сияла в темноте;



«Дерфлингер» шел вперед. Столбы дыма вздымались над ним, как погребальные факелы...

в них горела нефть. На обоих кораблях давно уже не было в живых ни одного человека. Не управляемые никем, точно огненные призраки, тихо плыли они по течению...

А в это время Флот открытого моря, не зажигая огней, быстро шел на юго-восток, направляясь в свою гавань. Последним в строю германских кораблей шел «Дерфлингер».

Орудийные башни его были разрушены; броня пробита во многих местах; трюмы полны водой. Убитых на «Дерфлингере» было больше, чем оставшихся в живых.

Медлить германцам нельзя было: освещая море прожекторами, наперерез им шел полным ходом Большой флот. Адмирал Джеллико хотел преградить им путь домой.

Однако и этот маневр не удался Джеллико.

В полночь какие-то корабли проскользнули в хвосте Большого флота. Английское командование сначала приняло их за свои. А на самом деле это и были корабли германского флота.

Благополучно избежав преследования, они скоро достигли своей гавани и заперлись в ней, теперь уже до самого конца войны.

Так окончилось это величайшее в истории войн морское сражение. В нем погибло больше двадцати кораблей, и германских и английских. Кто же вышел из него победителем? Английский флот, несмотря на большой перевес в силах, так и не добился уничтожения германского. Но и германский флот не исполнил своей задачи, не избавил Германию от морской блокады.

ВОЙНА ПОД ВОДОЙ

Блокада продолжалась. Голод становился все сильней. Черная черта на разграфленной больничной бумаге шла неудержимо вверх.

Но это, конечно, не смущало правителей Германии. Их пугало другое: иссякали военные запасы, без которых невозможно вести войну. Нехватало нефти, меди, олова, алюминия, смазочных масел для машин. Не было совсем резины: пришлось выпускать автомобили без шин, на пружинящих колесах. Недоставало горючего для самолетов...

В 1917 году германское командование решило во что бы то ни стало освободить морские пути. То, чего не могли до сих пор добиться германские военные корабли, поручено было теперь подводным лодкам.

Германия начала беспощадную подводную войну.

Что же это значит — подводная война?

До 1914 года ни одно правительство, ни одно адмиралтейство не ценило по-настоящему подводные лодки. Адмиралы привыкли судить о мощи корабля по его величине, по числу орудий на нем, по прочности его корпуса. А во всем этом подводная лодка, конечно, уступает кораблю. Поэтому многие адмиралы и утверждали, что подводная лодка всего-навсего маленькое, плохо вооруженное, хрупкое суденышко — «морская игрушка».

Они не учитывали, что у подводной лодки есть зато особое преимущество: способность незаметно приближаться к неприятельскому кораблю, а в случае надобности — почти мгновенно исчезать из глаз противника.

Это преимущество сказалось вскоре же после начала войны.

В полночь 22 сентября 1914 года три английских крейсера — «Абукир», «Кресси» и «Хог» — вышли из порта Гарвич в открытое море. Дул сильный ветер, море было бурное. Но для таких больших кораблей волнение это не было опасно. Всю ночь шли на север огромные, одетые в толстую броню корабли.

А за кораблями шла в это время под водой маленькая германская лодка «U-9». Она была во много раз меньше любого из английских крейсеров. Вся ее команда состояла из двадцати человек.

Иногда лодка всплывала наверх и, выставив из воды свой стеклянный глаз — перископ, — оглядывала море. Тогда она видела на горизонте огни английских крейсеров. А с кораблей

перископ подводной лодки нельзя было заметить: он совсем не был виден среди водяных бугров.

Утром ветер утих, море успокоилось. Выглянуло солнце. Матросы на английских крейсерах принялись за работу: стали мыть палубу, чистить орудия.

И вдруг раздался грохот. Один из английских крейсеров, «Абукир», перевернулся и стал быстро тонуть.

На «Хоге» услышали взрыв и решили, что «Абукир» наткнулся на мину. «Хог» пошел на помощь «Абукиру».

Но тут грянул второй взрыв, и ко дну пошел «Хог». Через десять минут вода сомкнулась над ним.

Тогда на помощь «Абукиру» и «Хогу», чтобы подобрать тонущих людей, двинулся «Кресси». И снова грянул взрыв. Не стало и последнего крейсера эскадры — «Кресси».

Так одна маленькая лодка уничтожила торпедными выстрелами английскую эскадру из трех больших кораблей. Подводная лодка не потеряла ни одного человека. А британский флот потерял за полчаса тысячу сто моряков.

В этот день и английские и германские адмиралы поняли боевое значение подводных лодок.

Конечно, английские военные корабли стали с этого дня осторожнее, и подводные лодки уже не могли топить их с такой легкостью. Но германское командование вовсе и не рассчитывало, что его подводные лодки будут сражаться с военными кораблями: им гораздо выгоднее было охотиться за торговыми кораблями противника.

Уничтожить английский торговый флот, обречь Англию на голод — вот в чем состоял план подводной войны.

Но, чтобы лишить Англию подвоза,— рассуждало германское командование,— мало топить одни только английские корабли: нужно уничтожать и корабли нейтральных стран, торгующих с Англией.

Долго колебалось германское правительство, прежде чем приняло такой рискованный план. Оно боялось, что страны, которые пока еще не участвуют в войне, выступят против Германии, если германские подводные лодки станут топить их корабли.

Только в 1917 году, когда Германия уже почти потеряла надежду добиться победы на суше, она решилась наконец на беспощадную подводную войну.

На блокаду Германия ответила блокадой. С этого времени война велась не только на воде, но и под водой. На воде — петля военных кораблей сжималась вокруг Германии. Под водой — петля германских лодок стягивалась вокруг Англии. Кто кого задушит?

Можно было подумать, что море кишит подводными лодками. Они внезапно появлялись, топили пассажирские и торговые суда и снова пропадали под водой, чтобы появиться уже в другом месте. Сколько же сотен или, может быть, тысяч лодок было у Германии? В те времена этого, конечно, никто не знал. Но теперь это уже не тайна.

В самый разгар подводной войны в море плавало всего-навсего пятьдесят подводных германских лодок. Полторы тысячи моряков-подводников — вот кто угрожал гибелью всему английскому торговому флоту.

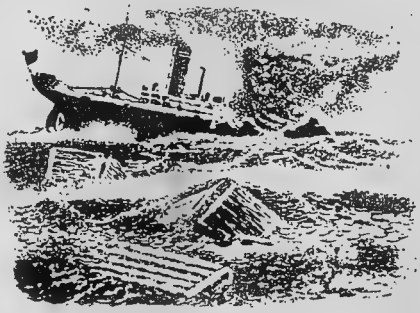
Чтобы изловить и уничтожить эти пятьдесят лодок, в одной только Англии было мобилизовано не меньше восьмисот тысяч людей. Сотни военных кораблей преследовали подводные лодки. Три тысячи воздушных шаров, самолетов и дирижаблей несли на морях дозорную службу. Четыре тысячи торговых кораблей вооружились пушками. И в одном только Северном море было поставлено против подводных лодок 140 000 мин. Но найти подводную лодку в море было так же трудно, как иголку в сене.

В апреле 1917 года лодки потопили триста кораблей. А корабли уничтожили за этот месяц всего только две лодки.

Плавать по морю никогда еще не было так опасно, как в эти дни.

Отовсюду приходили страшные вести.

Волнами прибило к берегу плот с мертвецами: это были пассажиры потопленного лодкой корабля, они умерли в море от жажды.



После атаки подводной лодки...

Далеко от земли в открытом океане военный корабль встретил целый табун лошадей; лошади плыли посреди океана, — они захлебывались и одна за другой шли ко дну; очевидно, транспорт, который вез их в трюме, был только что потоплен лодкой.

Голландские рыбаки своими глазами видели, как в Атлантическом океане пошел ко дну большой пассажирский корабль; люди не успели отвязать спасательных шлюпок и беспомощно барахтались в воде — одни из них пошли на дно, других пожрали акулы.

Все ожесточенней становилась подводная война. Наконец германское командование приказало топить не только пассажирские, но даже и госпитальные суда, перевозившие раненых и больных. Флаг с красным крестом перестал служить защитой.

Тогда французское командование в свою очередь отдало распоряжение о том, чтобы каждое госпитальное судно взяло к себе на борт несколько пленных германских офицеров.

В отместку германское командование послало на передовую линию огня пленных французов.

Все силы союзников были брошены на борьбу с подводными лодками; всем английским, французским, американским изобретателям был дан один заказ: найти средства против невидимого врага. И средства скоро были найдены.

Моряки вспомнили старинный, давным-давно не применявшийся прием: таранный удар. Заметив лодку, корабль не убегал от нее, а старался как можно скорее настичь ее, ударить в нее носом, разрезать надвое.

Летчики научились выслеживать лодки сверху, как чайки рыбу. Артиллеристы изготовили ныряющие снаряды, которые разрываются в глубине моря. Физики изобрели звукоулавливающие приборы, предупреждающие о приближении подводной лодки.

Маскировщики стали придавать вооруженным кораблям вид безоружных.

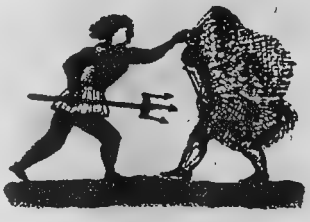
Такие корабли-ловушки грузились тюками и бочками, а борта их и трубы раскрашивались так, чтобы корабль ничем не отличался от обыкновенного торгового судна. Замаскированный корабль выходил в море под чужим флагом, под флагом какой-нибудь нейтральной страны. Когда германская подводная лодка обнаруживала такой корабль и приближалась к нему, готовясь его потопить, матросы на корабле надевали на себя пробковые пояса, делали вид, что бросаются в беспорядке к спасательным шлюпкам, мечутся по палубе в панике. Радист выстукивал фальшивый сигнал о помощи «SOS». Из трубы вырывалось густое облако пара, точно паровой котел получил повреждение. Подводная лодка подходила еще ближе к кораблю, чтобы прикончить его.

И в эту минуту над кораблем взвивался вдруг английский

флаг, а спрятанные за тюками пушки встречали огнем подводного врага...

Был придуман еще один способ борьбы, очень похожий на тот, который применялся две тысячи лет назад у римлян.

В древнем Риме любимым развлечением цирковых зрителей были бои, которые устраивались на арене между пленными рабами-гладиаторами. Самым жестоким из таких боев был поединок секутора с ретиарием. Секутор выходил на арену в полном вооружении, со щитом и мечом. А ретиарий был почти беззащитен: в одной руке у него был только маленький трезубец, а в другой руке сеть. Эту-то сеть он старался накинуть на голову секутору. Иногда ему это удавалось. Секутор, захваченный сетью, падал наземь, барахтался, стараясь подняться, но с каждым движением все больше и больше запутывался в сети, как муха в паутине. Тогда ретиарий подбегал к нему и маленьким своим трезубцем перерубал ему горло...



Тогда ретиарий перерубал секутору горло.

Вооруженные сетью, точно ретиарии римского цирка, выходили теперь в море английские суда.

Незаметная под водой, далеко тянулась за кораблем стальная сеть. Подводная лодка приближалась к кораблю и — попадалась в сеть, как рыба. Стараясь выбраться, она еще больше запутывалась. Винт ее ломался. Лодка уже никогда больше не всплывала наверх, команда ее погибала под водой от удушья.

Средств борьбы с подводными лодками было найдено много. Эти средства помогали: кораблей гибло теперь меньше, чем

прежде. И все-таки не эти средства спасли Англию от поражения и голода. Ее спасли не военные корабли, не пушки, не глубинные бомбы. Англию спасли ее заводы и верфи.

Никогда еще английские и американские верфи не строили так много кораблей и не строили их так быстро. Подводные лодки топили корабли; но на место выбывших из строя все время вступали новые.

Германское командование ошиблось в расчете. Чтоб уничтожить английский флот, нужно было бы иметь в море не десятки подводных лодок, а сотни.

Подводная война между Германией и Англией превратилась в состязание верфей: германские строили подводные лодки, английские и американские строили корабли. И в этом состязании Германия оказалась побежденной.

Постепенно подводная угроза начинала ослабевать. Англия стала как будто оправляться от ударов, нанесенных ее флоту Германией.

И все же опасность была еще очень велика: подводные лодки продолжали топить корабли.

Но как раз в это время дело приняло неожиданный оборот: Англия нанесла Германии два удара один за другим. Первый удар нанесли английские моряки, второй — английские дипломаты.

РАССКАЗ О ЗЕЕБРЮГСКОЙ ОПЕРАЦИИ

План английского командования был таков: если уж невозможно переловить подводные лодки в открытом море, надо уничтожить их на стоянке.

Главной базой германских подводных лодок был бельгийский город Брюгге, еще в начале войны занятый немецкими войсками. Город Брюгге лежит не у самого моря, а в

пятнадцати километрах от берега. С морем он соединен широким и глубоким Зеебрюгским каналом. По этому-то каналу и выходили лодки в море.

Казалось бы, англичанам было проще всего проникнуть в канал, дойти до Брюгге и уничтожить там подводные лодки. Однако это было невозможно.

Двести двадцать пять германских орудий охраняли канал. Пока английские суда двигались бы гуськом по каналу, немцы могли бы их уничтожить одно за другим, как убивают быков на бойне.

Но если водой до Брюгге не добраться, то нельзя ли подойти к нему с суши? За три месяца, с 31 июля по 10 ноября 1917 года, англичане шестнадцать раз переходили в атаку на том участке германского фронта, который нужно было прорвать, чтобы достичь Брюгге. В этих атаках потеряли они четыреста тысяч человек. А продвинулись вперед всего только на восемь километров!

Нет, и со стороны суши Брюгге был неприступен.

Оставался еще воздушный путь. Нельзя ли поразить Брюгге с воздуха?

Английские самолеты не раз пытались бомбардировать стоянку подводных лодок. За одно только полугодие на Брюгге было совершено семьдесят два воздушных налета, сброшено тысяча девятьсот сорок семь бомб. Но германские лодки стояли в бетонных туннелях под толстыми и прочными сводами. Бомбы не могли пробить эти своды.

Таким образом, ни со стороны суши, ни с моря, ни с воздуха, ниоткуда к базе германских подводных лодок нельзя было подступиться.

Английское командование скоро поняло это. Оно изменило свой план. Уничтожить лодки невозможно; значит, надо обезвредить их, не уничтожая. Для этого нужно за-

крыть им доступ в море, замуровать их в Брюгге. Как же это сделать? Только одним способом: закупорить Зеебрюгский канал. Заткнуть его пробкой!

Пробками должны были послужить три старых английских корабля. Решено было ввести их в устье канала и затопить.

Однако и этот план было очень трудно выполнить. Чтобы пробраться в устье канала, надо было прежде всего пройти мимо мола. А на молу стояли три германских батареи, державшие под обстрелом вход в канал. У мола дежурил днем и ночью миноносец. Подходы к устью канала были минированы. И, наконец, четыре груженые камнем баржи, связанные стальными канатами, закрывали вход в канал почти наглухо. Вот сколько препятствий было на пути!

И все-таки, несмотря на необычайную трудность, почти безнадежность этого предприятия, английское командование на него решилось. Оно было готово на что угодно, лишь бы только избавиться от подводного врага.

План был разработан англичанами весьма тщательно.

Английские корабли должны подобраться к молу незаметно, под прикрытием дымовой завесы. Один из кораблей пристает к молу и высаживает десант. Германские артиллеристы, конечно, повернут пушки против высадившихся на мол. Пока батареи будут стрелять по десанту, три обреченных на гибель английских корабля проникают в устье канала и погружаются на дно.

Труднее всего придется при этом десанту. Он должен продержаться на молу как можно дольше, чтобы корабли успели выполнить свою задачу.

Для такого дела могут пригодиться только самые смелые люди. Английское командование решило набрать отряд для десанта из матросов-добровольцев.

— Согласны ли вы принять участие в рискованном предприятии?

Каждый из добровольцев должен был ответить на этот единственный вопрос, не требуя никаких объяснений. Успех всего замысла зависел от того, удастся ли до последней минуты сохранить его в тайне. Один болтун мог испортить все дело.

По широкому полю были разостланы холсты, изображавшие какие-то укрепления, и отобранные для десанта матросы учились их штурмовать. Все они отлично понимали, что вскоре им придется штурмовать такие же точно укрепления, но не из холста, а из бетона, и не на учебном поле, а на поле сражения. Но где, на каком фронте находятся эти укрепления, этого никто из обучавшихся не знал.

После нескольких недель подготовки матросов посадили на корабль, отправлявшийся во Францию. Все они решили, что их везут на французский фронт.

Однако в открытом море матросов поджидал другой корабль, крейсер «Виндиктив», на который их всех пересадили. Крейсер пошел к уединенному острову и стал у берегов на якорь. Тут только матросам было объявлено, что их везут в Зеебрюгге.

С той минуты, как тайна была раскрыта, уже ни одному человеку не разрешали покинуть корабль. Даже больных не отпускали на сушу, а отвозили на соседнее госпитальное судно.

Матросам разрешалось, правда, писать письма на родину. Вернее — не писать, а только подписывать. На столах лежали целой кипой открытки с заранее напечатанным текстом: «Я получил ваше письмо», или: «Я не получил вашего письма», «Я вполне здоров», или: «Я не вполне здоров». Каждый матрос имел право выбирать любую открытку.

Матросы проводили день за днем, дожидаясь благоприят-

ной погоды, и наконец дождались. Сопровождаемый самолетами, «Виндиктив» с целой эскадрой вспомогательных кораблей вышел в море. В темноте, ночью, подошли английские корабли к Зеебрюгге. Уже справа видны были полосы света, лучи германских прожекторов. Горящими змеями взвивались в небо и ныряли в море ракеты. Уже слышен был грохот орудий, видны орудийные вспышки. Первыми, как решено было заранее, вступили в бой самолеты. Германские зенитные орудия начали их обстреливать. Но в эту минуту ветер вдруг переменился, стал дуть с юга. Это значило — дымовую завесу ставить невозможно, ее отнесет ветром назад. Адмирал эскадры приказал кораблям повернуть обратно. В полной темноте английские корабли отступили от Зеебрюгге и вернулись к своему острову, так ничего и не добившись.

А через несколько недель они снова двинулись к Зеебрюгге. На этот раз они вынуждены были повернуть назад с половины пути, так как в море поднялось сильное волнение.

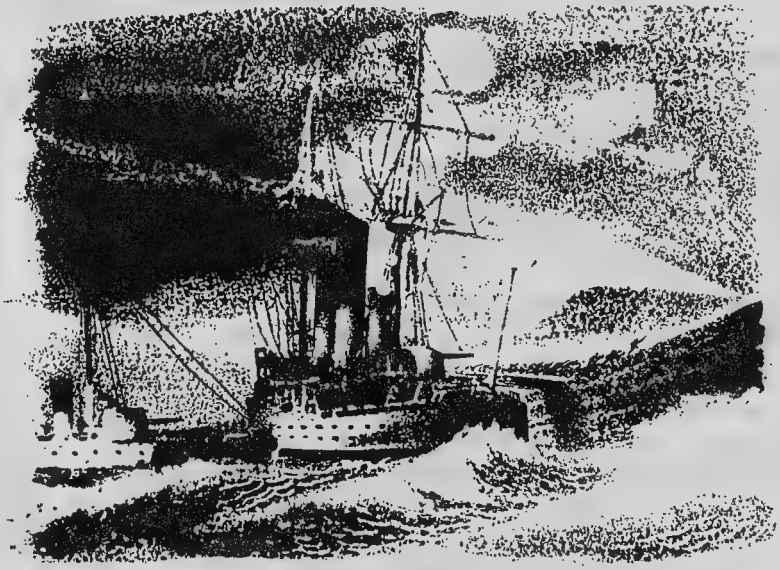
Наконец английские корабли отправились в путь в третий раз. В ночь на 23 апреля 1918 года быстроходные английские катера подошли совсем близко к молу и выпустили дымовую завесу. За катерами, невидимый в дыму, подошел к молу крейсер «Виндиктив». Но волны так яростно бушевали, что «Виндиктив» никак не мог пристать к молу. Напрасно забрасывал он якоря-кошки: они только царапали мол, откалывали куски бетона и падали в воду. Всего несколько метров отделяли «Виндиктив» от мола, но перебросить трап никак не удавалось. Тогда «Виндиктиву» пришел на помощь соседний корабль: он уперся ему в борт и прижал к молу.

Сразу же навалили мостики, лестницы. Матросы в темноте стали карабкаться на мол. Германская батарея открыла по ним огонь. Загрохотали бомбометы, засвистели гранаты, заметались беспокойные лучи прожекторов. Пламя пожаров

охватило на молу пакгаузы. На «Виндиктиве» загорелись мачты, обрушилась труба, обвалилась рубка. А матросы все лезли и лезли на мол. Их вел в атаку лейтенант Гаррисон.

«Гаррисон был прекрасным форвардом, — вспоминал о нем впоследствии капитан «Виндиктива», — он смело шел по узкому трапу в последнюю атаку, шел на верную смерть. Эта атака была достойным завершением всех его прежних атак на футбольном поле».

Пока десант дрался на молу, отвлекая германские батареи, английская подводная лодка «S-3» была занята другой, не менее важной операцией: она пробралась в канал для того, чтобы разрушить мост, к которому уже спешили германские отряды, посланные на помощь батареям. Подводная лодка



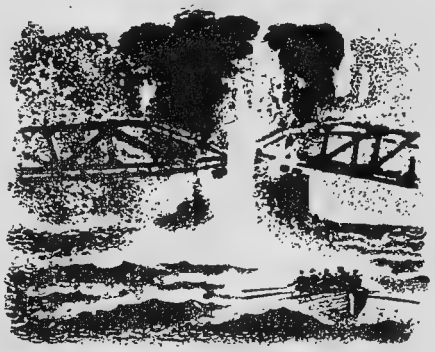
«Виндиктив» пристает к молу.

опередила их. Она стала у пролета моста. Командир ее включил механизм взрывателя. Один из матросов поджег фитиль.

Через две-три минуты лодка «S-3» должна была взорваться вместе с мостом. Нельзя было терять ни секунды. Команда подводной лодки быстро перешла на моторную шлюпку.

— Полный вперед!—приказал командир.

Но тут обнаружилось, что шлюпка неспособна не только на полный ход, но и на самый тихий: мотор ее отказался служить. А остановить механизм взрывателя было уже поздно... Огонь бежал по фитилю.



Едва шлюпка отошла от моста, раздался грохот...

К счастью, в шлюпке были на всякий случай припасены весла. Матросы налегли на них изо всех сил. Никогда в жизни не гребли они с таким напряжением. Да и как было не торопиться! Едва только шлюпка отошла от моста метров на двести, как раздался оглушительный грохот. Огромная волна окатила матросов с ног до головы. Мост был взорван, но взрыв их не задел.

Но ни взрыв моста, ни захват мола не были главной целью операции. Важнее всего было — закупорить канал.

Три корабля, обойдя в темноте все препятствия, вошли в устье канала. Это были три старых броненосных крейсера вместимостью в несколько тысяч тонн. Английское командование нарочно выбрало такие большие суда, чтобы их невоз-

можно было поднять со дна никакими подъемными кранами. А для того, чтобы их нельзя было разбить на куски и вытащить из воды по частям, они были наполнены цементом. Разом по команде матросы открыли клапаны и покинули корабли. Крейсера пошли на дно. Цемент, схваченный водой, плотно пристал к остовам кораблей, превратив их в несокрушимые глыбы. Три твердые, точно камень, пробки заткнули вход в канал.

Теперь десанту больше нечего было делать на молу. Матросы, взвалив на плечи раненых и убитых, бросились по трапам и лестницам на свой корабль.

«Виндиктив», весь охваченный пламенем, отвалил от мола...

Так английские матросы замуровали в Брюгге неприятельские подводные лодки цементом и кровью.

Для Германии это был тяжелый удар: в Брюгге осталась целая треть ее подводного флота.

В то же время английское правительство нанесло Германии другой удар.

В один и тот же день министры Голландии, Дании, Швеции и Норвегии получили английское послание. В послании было изложено неслыханное требование: торговые корабли этих нейтральных стран должны быть переданы на все время войны Англии.

Послание было составлено в очень вежливом тоне. Вместо «мы требуем», английские дипломаты писали: «мы просим». Но тут же они давали понять, что просьба их должна быть исполнена без промедления. Лучше согласиться сразу: иначе военному флоту Англии придется просто войти в гавани этих невоюющих стран и увести все их корабли.

Что могли ответить маленькие нейтральные страны на это вежливое предложение могущественной морской державы? Разумеется, им пришлось согласиться. И английский торговый флот сразу вырос, пополнившись шведскими, норвежскими, датскими и голландскими судами.

Подводная война, начатая Германией, теперь уже не могла привести ее к победе.

КТО ЖЕ БЫЛ В ВЫИГРЫШЕ?

Корабли расстреливали подводные лодки. Подводные лодки топили корабли. В Германии люди умирали от истощения, в Англию подвоз продуктов был затруднен. Кули с мукой, мешки с сахаром, ящики с яйцами, предназначенные для людей, доставались рыбам Северного моря. Германский народ и английский были обречены на лишения. Кто же был в выигрыше от мировой войны, надводной и подводной?

Статистические справочники по мировому хозяйству дают на это совершенно точный ответ.

В справочниках говорится: почти все страны во время войны стали ввозить гораздо меньше мяса, рыбы, яиц, чая, чем ввозили прежде. Это вполне понятно: народ обеднел и вынужден был отказаться от многих продуктов.

Но вот что загадочно: некоторые страны стали почему-то в годы войны закупать гораздо больше чая, чем обычно. Дания, например, купила его в одиннадцать раз больше, а Швеция в четырнадцать раз больше, чем в мирное время.

Неужели датчане, выпивавшие до войны по одной чашке чая, стали выпивать по одиннадцати чашек в день? А шведов охватила такая неутолимая жажда, что им потребовалось в день по четырнадцати чашек? А, ведь, кроме чая, шведы

и датчане пили еще и кофе и какао. Статистика показывает, что ввоз кофе в Данию вырос во время войны в полтора раза, а ввоз какао в Швецию — в девять раз!

Вместе с жаждою у шведов и у датчан усилился, очевидно, и аппетит. Мясо, рыба, яйца, консервированное молоко — все это ввозилось в Швецию и Данию в тройном и четверном количестве. И даже на такие несъедобные продукты, как смазочные масла, тоже появился огромный спрос.

В чем же тут дело? Зачем понадобилось жителям Швеции и Дании такое невероятное количество продуктов?

Ответ очень простой.

Продукты эти не оставались ни в Швеции, ни в Дании; их завозили сюда только мимоходом, по пути, а потом отправляли дальше. Шведские и датские купцы для того только и закупали их, чтобы сразу же перепродать Германии. Ведь, английский военный флот не пропускал торговых судов прямо в Германию.

Если бы иностранные купцы не снабжали Германию продуктами, — быть может, ей пришлось бы сложить оружие не через четыре года, а через два года после объявления войны. Война была бы вдвое короче.

Но что же смотрел английский военный флот? Что думало английское правительство? Неужели оно не догадывалось, зачем это купцы нейтральных стран закупают столько продуктов? Неужели нельзя было установить, кто продает этим купцам чай, кофе, какао, мясо, смазочные масла, хлопок, кто снабжает всеми этими товарами через нейтральные страны Германию?

Снабжали Германию, — отвечают статистические справочники, — сами же английские торговцы. Это они продавали шведским и датским купцам в четырнадцать раз больше чая, в девять раз больше какао, чем до войны. Они, разумеется,

отлично знали, куда все это идет. Но зато они получали огромную прибыль.

Германское правительство хорошо платило за все продукты: их сейчас же переправляли на фронт для германской армии.

Английские военные корабли не пропускали ни одного судна в Германию. А в это время английские купцы переправляли туда через датских и шведских купцов все, что нужно было для войны.

Это они, английские торговцы, продавали Германии смазочное масло, без которого германские подводные лодки не смогли бы выходить в море и топить английские корабли. Это они продавали жиры, из которых в Германии делали жидкость для компрессоров пушек. Это они продавали хлопок, из которого в Германии изготовляли взрывчатые вещества для снарядов.

Они продавали Германии железо и медь, и никель, и олово, и алюминий, то есть все те металлы, из которых делают орудия, строят самолеты, отливают снаряды и пули.

«Англичанин во фраке, английский торговец, — пишет историк мировой войны, — снабжая всем этим Германию, собственноручно расстреливал тем самым англичанина в военном мундире, английского солдата».

На фронте воевали друг с другом английский солдат и немецкий солдат. Иногда наступал англичанин, и тогда ему казалось, что победа на его стороне. Иной раз наступал немец, и ему казалось, что сражение выиграно им. На самом же деле не выигрывал ни тот ни другой. Выигрывал всегда третий — властелин земли, капиталист, — все равно, английский, германский или датский.

Подводные лодки топили корабли. Корабли топили под-

водные лодки. Люди тонули — англичане, немцы, французы, бельгийцы, русские. Чем дальше затягивалась война, тем больше гибло людей.

Но чем дальше затягивалась война, тем выгоднее и тем дороже можно было продавать и чай, и какао, и хлопок, и железо, и никель, и алюминий, и смазочные масла.

ФРОНТ И ТЫЛ

На воде или под водой, на земле или в воздухе, где бы ни шла война — все равно ее нельзя вести без сложных машин и приборов. Для войны нужно много нефти и угля, каучука и хлопка и, прежде всего, очень много металла.

Из каждых пяти тонн стали, которые выплавляли в Германии в 1916 году, четыре шло на фронт. Одной только колючей проволоки для защиты окопов было изготовлено столько, что этой колючей проволокой можно было бы несколько раз опоясать земной шар.

Судьба любого сражения решалась не только артиллеристами, стрелками, танкистами и летчиками на фронте, но и доменщиками, углекопами, железнодорожниками в тылу.

Мощь армии зависела от хозяйственной мощи страны. И чем слабее было государство, чем слабее была его промышленность, тем хуже приходилось его армии.

Так случилось, например, с армией царской России.

Не прошло и года со времени начала войны, как треть русской армии оказалась без винтовок. Из каждых трех русских солдат один был безоружный. На фронтах записывались в очередь на винтовку: чтобы получить ее, нужно было ждать, пока какой-нибудь из вооруженных солдат будет убит или ранен.

Как же могло случиться, что армии нехватило самого простого оружия — винтовок?

Дело объяснялось так. Русский генеральный штаб не предвидел, какого расхода боевых припасов потребует война. Правда, не он один ошибся в своих расчетах: штабы других стран тоже не предвидели, что война так затянется и потребует таких огромных запасов оружия.

Но другие страны сумели во-время преодолеть затруднения: они мобилизовали для войны всю свою промышленность. В Германии, например, отдельные части для винтовок стали выделывать на велосипедных заводах и на заводах пишущих машин; фабрики швейных машин начали выпускать шрапнели, а фабрики роялей — гильзы для патронов.

И только в России промышленность почти не могла притти на помощь армии — она сама была слишком слаба: в стране было мало заводов, мало машин, а главное—мало людей, умеющих строить машины: ведь, до войны русские фабриканты выписывали все сколько-нибудь сложные машины из-за границы.

В нашей стране до революции не было ни одного автомобильного или тракторного завода. И вот, когда началась война, Россия не

Русской армии нехватало орудий; чтобы скрыть это от противника, ставили на фронте фальшивые батареи.

могла перебрасывать свои войска так быстро, как ее противники.

В России почти не было химических заводов. Поэтому, когда Германия начала химическую войну, русская армия не могла отразить ее атаки тем же оружием.

В России не было людей, которые умели бы сделать перископ, подзорную трубу или даже просто бинокль. И вот, русская армия оказалась на войне почти слепой.

Все знали о беспомощности русской армии. И все же эта слепая, почти безоружная армия должна была то и дело подставлять себя под удары противника, выносить на себе главную тяжесть войны: стоило французскому президенту или английскому королю послать телеграмму Николаю II — и русская армия сейчас же бросалась в наступление в самое неподходящее для себя время.

Перед войной иностранные капиталисты давали в долг царскому правительству деньги, — теперь они требовали, чтобы русская армия отрабатывала эти деньги своей кровью.

Не раз бросалась в наступление русская армия, не раз одерживала крупные победы. Но слишком дорого стоили ей эти победы!

Миллионами раненых и убитых платила русская армия за недостаток вооружения. Никакая другая армия не насчитывала таких огромных потерь. Из черепов русских солдат, погибших в мировую войну, можно было бы сложить самую большую пирамиду на земле.

Россия была отсталой страной, зависящей от передовых капиталистических государств. А те, кто правили тогда Россией, даже не заботились о том, чтобы Россия догнала когда-нибудь передовые страны.

Наша артиллерия.

Такой наша страна была двадцать лет назад. А какой она стала теперь?

Двадцать лет — срок как будто бы небольшой. Но это было совсем особенное двадцатилетие: оно началось величайшим событием — социалистической революцией в нашей стране.

Все живущие в нашей стране народы вырвались из-под власти капитализма, получили возможность жить свободно и трудиться свободно.

И вот — мы принялись за работу. И за двадцать лет мы сделали больше, чем прежде удавалось сделать за целый век.

Под руководством Ленина и Сталина, по их плану мы переделали всю нашу страну, как бы создали ее заново.

Здесь, конечно, не место говорить об этом подробно. Я ограничусь всего тремя примерами.

Еще недавно Дюнсберг был королем химической промышленности. А теперь мы сами умеем изготовлять все нужные нам химические продукты — от кинопленки до порошков, которые кладутся в патрон противогаза.

Еще недавно нам приходилось покупать грузовые автомобили у Круппа, тракторы у Форда. А теперь мы перегнали по выпуску автомобилей Германию, по выпуску тракторов — все страны на земле.

Еще недавно шведская фирма шарикоподшипников писала гордо в своей рекламе: «Весь мир вращается на наших шарикоподшипниках». Сейчас писать так она уже не может. Самый большой завод шарикоподшипников построен в СССР.

Назовите такую машину, которую мы не сумели бы теперь построить своими руками, на своих заводах. Вы не найдете такой машины!

Наши заводы построены и работают для того, чтобы мы могли жить хорошо, ни в чем не нуждаясь. Но они же помогут Красной армии защитить нашу родину от нападения врага.

Потому что военная мощь страны зависит от ее мирной мощи, от культуры всего ее народа.

Военное дело — трудное искусство; оно требует сложной техники, оно требует прежде всего знаний.

Кем вы собираетесь стать? Трактористом, летчиком, слесарем, врачом, моряком, художником, инженером? Будьте, кем хотите, но будьте настоящим мастером своего дела, и вы пригодитесь Красной армии.

На войне нужны знания. Ведь, даже окопы, по американской пословице, строятся «только на двадцать процентов лопатой, а на восемьдесят — мыслью». Чтобы быть хорошим сапером, надо уметь разбираться в почвах, нужно знать геологию. А чтобы быть командиром батареи, нужно знать высшую математику.

Человек, который много знает и умеет, найдет себе применение в Красной армии; но и Красная армия в свой черед даст ему новое знание и умение.

Вас интересует мотор? В Красной армии вы научитесь управлять танком. А хороший танкист справится с любым трактором и автомобилем. Вас занимает радио? Красная армия поможет вам стать хорошим радиотехником. Вас интересуют паровозы, электровозы, мосты, туннели? «Транспорт,— сказал товарищ Ворошилов, — родной брат Красной армии...»

Все специальности нужны Красной армии; ей нужны изобретательные, настойчивые люди всех профессий, — люди, в совершенстве овладевшие техникой.

РАССКАЗ О ПРЫЖКЕ С ПАРАШЮТОМ

Вот рассказ о человеке, в совершенстве овладевшем своим делом, рассказ о парашютисте: с огромной высоты совершил он не обыкновенный парашютный прыжок, а, как говорится в приказе товарища Ворошилова, «затяжной прыжок с высоты 7200 метров до 150 метров с кислородным прибором; свободное падение продолжалось 132,5 секунды, за каковое время покрыто 7050 метров».

Это был мировой рекорд. И поставлен он был, — не надо этого забывать, — тогда, когда мы еще только начинали овладевать техникой парашютного дела, еще только учились парашютизму...

Утро 10 декабря 1933 года было ясное и холодное. Хоть мороз был и небольшой, но парашютист Евсеев и летчик Коккинаки — тот самый летчик, который потом, два года спустя, добился на самолете мирового рекорда высоты, — вышли на аэродром одетые тепло, точно полярные путешественники: ведь, им предстояло лететь высоко-высоко, туда, где всегда стоят жестокие холода.

Коккинаки и Евсеев, тщательно проверив приборы, уселись в небольшой двухместный самолет. Самолет очертил несколько кругов над аэродромом и стал набирать высоту. Потом он пошел круто вверх, прямо в прозрачную синеву. Стрелка альтиметра тоже поползла вверх, отмечая метры подъема. Вот уже она показывает высоту в три тысячи метров. Только редкие облачка попадаются теперь на пути самолета. Он пронзает их, точно стальная игла. Но скоро облачка остаются где-то внизу. Стрелка альтиметра показывает пять тысяч метров. Глухо гудя и дрожа всем корпусом, самолет поднимается еще выше.

Евсеев начинает готовиться к прыжку; он надевает на

лицо маску и поворачивает редуктор кислородного прибора.

Семь тысяч двести метров. На этой высоте жгучий мороз. Земля ушла куда-то далеко, она еле просвечивает сквозь облака. Заиндевевшие крылья самолета сверкают на солнце.

Евсеев собирается прыгнуть. Сказать об этом пилоту он не может — гул мотора заглушил бы его голос. Евсеев молча толкает Коккинаки в плечо. Коккинаки в ответ заставляет самолет слегка качнуться: это значит — все готово, можно прыгать! Привязав потуже кислородный прибор к ноге, Евсеев переключает на него шланг маски. Потом снимает меховые перчатки и, схватившись правой рукой за кабинку летчика, вылезает на борт самолета. Мороз — 37 градусов. Бешеный ветер набрасывается на него, старается свалить с ног, отодрать от самолета, унести, как пушинку. Но Евсеев держится крепко за кабинку и не спускает глаз с Коккинаки. И вот Коккинаки кивает головой.

Евсеев разжимает руки и бросается вниз. Камнем летит он в пустоту.

В самый последний миг перед прыжком он не забыл нажать кнопку секундомера. И стрелка у него на руке начала отсчитывать секунды падения.

Вертясь волчком, Евсеев несется вниз. Пронзительный непрерывный свист стоит у него в ушах; это свистит рассекаемый им воздух; ветер хлещет Евсеева в лицо. Но Евсеев не закрывает глаз ни на миг: на лету следит он за своими приборами. Все в порядке. Теперь можно позаботиться о правильном положении тела. Евсеев осторожно отодвигает одну ногу, вытягивает руку. Он управляет своим телом, точно парусом на ветру. Наконец ему удается найти удобное положение, он перестает вертеться.

Он подносит руку с секундомером к глазам. Стрелка

отметила тридцать семь секунд. Уже больше полминуты падает Евсеев вниз!

Быстро проносится он сквозь слой облаков. Теперь земля видна яснее. Серой колеблющейся пеленой летит она навстречу ему издалека. Она растет с каждой секундой. Евсеев берется рукой за кольцо парашюта. Дернуть, открыть парашют? Нет, еще есть время. Но надо быть наготове.

Евсеев крепко держится за кольцо и смотрит вдаль: на верхушки радиомачт.

Скорость падения растет с каждой секундой. Лететь до земли осталось совсем немного: верхушки радиомачт уже почти под ногами. Теперь — пора! Если упустить хоть секунду, белый зонт не успеет раскрыться, и парашютист разобьется насмерть.

Евсеев дергает за кольцо. Страшный толчок, сотрясение. Будто кто-то с силой схватил Евсеева за плечи и рванул кверху.

Сразу утих свист в ушах. Парашют раскрылся огромным зонтиком и затормозил падение. Теперь Евсеев медленно плывет вниз. Он видит прямо под собой снежную поляну среди соснового леса. Вот она ближе, ближе. Евсеев опустился на снег. Он отстегнул парашют и уселся отдохнуть на пенек.

Сколько же времени он пробыл в воздухе, не раскрывая парашюта? Больше двух минут! И за это время он пролетел семь километров! Значит, он поставил мировой рекорд!

Вон над лесом, весело кувыркаясь в высоте, мелькает маленький самолет: это Коккинаки радуется успеху храброго товарища...

Что же побудило Евсеева совершить этот подвиг, что дало ему силы и храбрость?

Евсеев знал, что его опытом воспользуются наши летчики,

Парашютист.

которым в будущей войне придется совершать прыжки и с больших и с малых высот. Евсеев знал, что своим подвигом он укрепит могущество нашей страны, нашей армии.

Любовь к нашей родине дала ему храбрость и бесстрашие.

Но для того, чтобы совершить подвиг, мало одного бесстрашия: нужно еще знание, нужен точный расчет.

Евсеев заранее вычислил, в какую секунду ему нужно будет раскрыть парашют. Он рассчитал, какое ускорение будет при падении, с какой силой будет сопротивляться ему воздух и насколько его сможет отнести в сторону ветер. Он в совершенстве овладел парашютизмом, его техникой и теорией. Это и сохранило ему жизнь, дало ему победу.

А на помощь бесстрашию и знанию пришли два других свойства, необходимые каждому бойцу: выдержка и закаленность.

Для того чтобы не растеряться в минуту опасности, нужно иметь крепкие нервы, острый глаз, ловкие руки. Не только сам ты должен быть храбр, но и сердце твое, и легкие, и даже кровеносные сосуды должны быть храбрыми!

Что было бы, если бы у Евсеева дрогнула рука, когда он стоял на борту самолета, держась за кабинку? Что было бы, если бы сердце изменило ему, когда он летел комком вниз?.. Этого не случилось, потому что Евсеев заранее закалил свое тело, укрепил мускулы и нервы.

Преданность родине, знание, закаленное тело — вот основа храбрости. Тот, кто воспитал в себе все эти свойства, может одолевать самые трудные препятствия, совершать самые трудные подвиги!

Часть четвертая

БОЙЦЫ И ОРУЖИЕ

АТС

Не так давно в одном из западноевропейских государств происходили большие маневры: на земле, на воде, в воздухе. Маневры — дело обычное, их часто устраивают во всех странах для проверки боевой готовности армии и флота. Но в этих маневрах была одна особенность.

«Основная идея этих маневров, — писали в заграничных газетах, — заключается в том, что перед армией ставится довольно своеобразная задача. Условия таковы: предполагается, что в стране разразилась гражданская война и значительная часть войск и флота перешла на сторону красных. Маневры предусматривают бомбардировку орудийного завода, захваченного восставшими, а также борьбу за один из важнейших центров военной промышленности».

Таких маневров прежде никогда не бывало; и проводят теперь их, конечно, не зря.

Все помнят хорошо, чем кончилась мировая война: три императора, четыре короля, один султан лишились короны. А на месте императорской России возник Союз Советских Социалистических Республик.

Удивляться этому не приходится.

В мировую войну под ружье было призвано семьдесят

миллионов людей, семьдесят миллионов рабочих и крестьян получили в свои руки оружие.

Этим оружием многие из них распорядились не так, как захотели пославшие их на фронт правительства, а так, как сами считали нужным.

Потребует ли и будущая война таких же больших — массовых — армий?

«Мобилизация миллионных человеческих масс опасна и крайне нежелательна», предостерегает английский генерал Стюарт.

«Вооружать весь народ — опасное дело», подтверждает его мысль немецкий военный писатель Зольдан.

«Время массовых армий миновало», пишет германский генерал Сект.

Что же делать генералам? Вооружать миллионы людей они боятся. Но разве можно обойтись на войне без людей? Можно ли чем-нибудь заменить солдата на фронте?

У человека есть мускулы, он может рыть окопы, стрелять, бросать гранаты. Это хорошо. Но у человека к тому же есть еще мозг. И этим генералы капиталистических армий недовольны: вдруг их солдаты сообразят, кому выгодна империалистическая война, откажутся убивать своих товарищей, таких же рабочих и крестьян, только говорящих на другом языке, и восстанут против тех, кто затеял захватническую войну. Нет, такого исхода войны генералы капиталистических стран не хотят ни за что допустить, они боятся его больше всего...

Долой человека! Да здравствует всегда послушная машина-автомат со стальными мускулами и без всякого мозга!

«Я верю в механическую войну, — восклицает знакомый уже нам генерал Фуллер, — в армию, в которой будет мало людей и много машин».

Чем меньше людей, тем лучше. А самое лучшее, если бы вся армия состояла всего-навсего из одного человека. Например, из самого генерала Фуллера. В покорности такой армии генерал Фуллер мог бы не сомневаться. Этой армии, то есть самого себя, он мог бы не бояться!

Я не шучу: именно о такой армии, состоящей из одного человека, пишет в своей книге Фуллер.

«Идеальная армия, к которой надо стремиться, — пишет он, — это не вооруженный народ, а один человек, причем не какой-нибудь сверхученый, но просто человек, способный нажать кнопку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами науки в мирное время. Такой армии нет даже надобности занимать театр военных действий; человек, который представляет эту армию, может быть спрятан за тысячи миль от фронта».

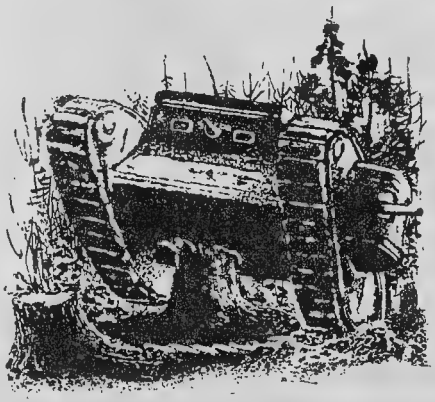
Вот, значит, о какой войне мечтают эти генералы: о войне автоматов.

Разве не строим мы, например, во многих городах автоматические телефонные станции, на которых почти нет людей, а вся работа от начала до конца совершается механизмами? Генералы хотели бы создать для будущей войны станции, которые работали бы по образцу АТС. Только это будут, конечно, не наши АТС — автоматические телефонные станции, — а другие АТС — «автоматические телемеханические станции».

Вы только представьте себе, как это будет удобно. Какой-нибудь генерал, совсем не сверхученый, а просто аккуратный, исполнительный чиновник, сидит где-то глубоко в тылу, у себя в кабинете, в полной безопасности и беседует с друзьями. Вдруг ему приносят записку от председателя совета министров. Генерал пробегает ее глазами и говорит гостям: «Прошу извинения, у меня сегодня вечером срочное дело, мне надо

провести военную операцию». Гости деликатно уходят, а генерал зажигает лампочку над столом, закуривает папиросу, помешивает угли в камине и обдумывает план ближайшего сражения. Он раскладывает на столе планы и карты, на которых обозначены и неприятельские укрепления и гнезда сверхдальнобойных орудий, находящихся в распоряжении генерала. Долго и внимательно изучает он карту. Потом подходит к мраморной доске, вделанной в стену, и поворачивает рубильник. И от этого сразу вспыхивают на электро- или радиостанции гигантские лампы, страшные токи бегут над землей, и где-то за морями сами собой начинают стрелять сверхдальнобойные орудия. Ни один человек не обслуживает этих орудий, но к каждому из них присоединен особый аппарат, управляющий орудием, — механический боец, который безошибочно регулирует прицел. Тысячи танков, вращая гусеницами, идут в бой, тысячи бомбовозов взлетают в небо. Ни в танках, ни на самолетах тоже нет людей, ими управляют автоматические танкисты и пилоты.

Послушно и точно действует автоматическая армия. Только изредка какой-нибудь танк или сверхдальнобойное орудие ошибется, и тогда мощный телевизор сразу доносит об этом генералу. Тут генерал, как верховный контролер, вмешивается в дело: пуская радиоволны разной длины, он ставит машину снова в правильное положение...



Телевизор доносит: танк застрял на пнях...

Стрелка часов зашла далеко за полночь. Камин еле

тлеет, когда генерал подымается со своего кресла. Он запирает в ящик планы и карты, на которых теперь крестиками помечены разрушенные города и укрепления. Он подсчитывает, сколько людей погибло у противника. «Порядком же я поработал сегодня, — думает генерал, потягиваясь. — Ну, ничего, зато война кончилась, мне дадут, наверное, новый орден и поставят памятник в садике против моего дома».

Все это, конечно, фантазия.

Посмотрим, есть ли в ней хоть малая доля правды.

РАДИОКОРАБЛЬ «ЦЕРИНГЕН»

Можно ли управлять машинами на расстоянии?

Лет тридцать тому назад в Германии, в цирке Буша, выступал человек, показывавший удивительный фокус. Он выносил модель цеппелина и показывал ее публике. Цеппелин был совсем как настоящий, только очень маленький. Его пускали свободно плавать под куполом цирка. Вот тут-то и начинался фокус.

— Это дрессированный цеппелин, — говорил фокусник,— он слушается каждого моего слова. Хотите, он сейчас сделает поворот. Куда прикажете — направо или налево?

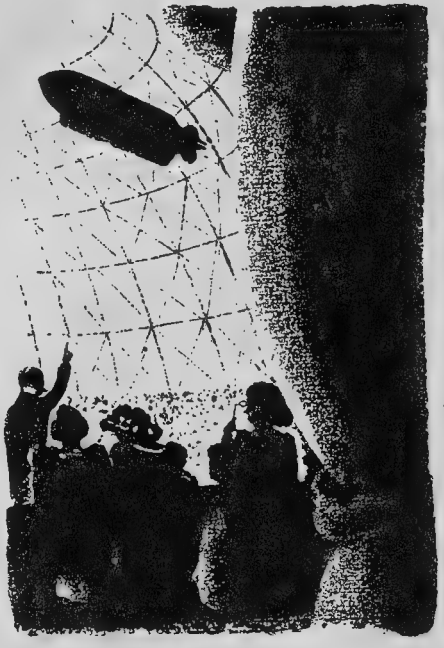
— Направо! — кричала публика.

Фокусник произносил какое-то заклинание — и цеппелин вдруг поворачивал и летел направо.

— Налево! Вверх! Вниз! — кричали в публике.

Фокусник опять что-то бормотал, махал руками — и цеппелин покорно поворачивал в ту или другую сторону, поднимался, опускался. Фокусник заставлял его двигаться то быстрее, то медленнее.

Чем объяснить этот фокус? Человек, управлявший цеппелином, стоял на арене, а цеппелин носился высоко в воз-



— Это дрессированный цеппелин. — говорил фокусник.

духе. Как же мог он им управлять? Не посадил ли он в летающую модель цеппелина кого-нибудь из своих помощников, маленького ребенка или карлика? Нет, цеппелин был так мал, что даже годовалый ребенок не мог бы в нем поместиться. Неужели фокусник в самом деле управлял цеппелином только заклинаниями?

Конечно, нет.

За занавесом стояла скрытая от публики радиоустановка. Радиотехник внимательно слушал распоряжения фокусника и пускал радиоволны то одной длины, то другой. А цеппелин был устроен так, что от одних радиоволн передвигались одни рычажки, от других — другие. Они замыкали разные контакты, управляли мотором цеппелина.

Этот фокус показывали тридцать лет назад. А недавно в Японии произошло вот что.

Над одним из японских городов во время маневров пронесся самолет. Пролетая над почтамтом, самолет сбросил мешок с письмами.

Но это бы еще никого не удивило — воздушная почта очень часто доставляется именно таким способом. Удивительно было то, что на самолете не было ни одного чело-

века. Кто-то на расстоянии управлял его полетом и заставил в нужный момент сбросить мешок.

Это было сделано радиоволнами.

Самолет, которым управляли на расстоянии, не был почтовым самолетом, на крыше его виднелся красный круг, рисунок солнца — знак японских военных самолетов. Это был радиобомбовоз.

А в Германии построен целый радиокорабль.

Германский радиокорабль «Церинген» переделан из старого, негодного уже линейного корабля; он теперь плотно набит пробкой, так что не может потонуть, даже если снаряд попадет прямо в него. «Церинген» принимает сотню разных радиосигналов. На нем работают машины, кипят котлы, стреляют орудия, он поворачивается, меняет скорость, окутывает себя дымом, чтобы скрыться из глаз неприятеля... Но на борту «Церингена» нет ни одного человека.

На самолете не было ни одного человека.

Так работает корабль-автомат.

Надо, однако, отметить, что он оборудован для маневров, а не для настоящей войны. «Церинген» — всего только плавучая мишень, а не боевой корабль. Настоящие же боевые корабли, которые строит сейчас Германия, это обычные корабли, а не радиомашины.

Существуют ли военные машины-автоматы, уже испробованные в боевой обстановке?

Больше всего походили на автоматы те мины, которыми немцы пользовались в конце мировой войны. Мины эти взрывались, действительно, сами собой, без всякого вмешательства человека.

Обнаружилось это уже после окончания войны.

8 ноября 1918 года из Германии во Францию промчался через фронт автомобиль под белым флагом и остановился в ставке французского главнокомандующего: германские уполномоченные привезли просьбу о перемирии.

Германия сдалась. Это был конец войны.

Через два месяца, в январе 1919 года, была созвана мирная конференция. К тому времени вся Франция и вся Бельгия уже были очищены от германских войск. Жители возвратились в разоренные области и принялись за мирную работу.

И вот тут-то, неизвестно отчего, то в одной, то в другой местности стали происходить взрывы. Особенно часто случались они на разрушенных во время войны дорогах; чуть только начинали их чинить, раздавался страшный взрыв. Новые разрушения, новые жертвы.

Казалось, война возобновилась сама собой, несмотря на все решения людей. Нельзя было предугадать, где и когда разразятся новые взрывы: иногда целая неделя проходила благополучно, а иногда за один день несколько взрывов подряд уничтожало десятки и сотни людей.

Французское командование потребовало от германских генералов объяснений. Те, вместо ответа, передали французам толстую книгу, озаглавленную так: «Мины замедленного действия». К этой книге был приложен план с обозначением тех мест, где зарыты мины, и календарь, указывающий, когда каждая из них должна взорваться.

Вот как устроены мины замедленного действия: ударник, воспламеняющий мину, удерживается тоненькой проволочкой, пропущенной через трубочку с кислотой: медленно, день за днем кислота разъедает проволочку, наконец проволочка рвется, ударник отскакивает, и происходит взрыв.

Германские генералы во время мирной конференции, наверное, дорого бы заплатили за то, чтобы мины их перестали взрываться. Теперь для них было важнее всего, чтобы противники, забыв обо всех разрушениях и потерях, поскорее заключили с ними мир. Но проклятые автоматические мины продолжали добросовестно делать свое дело: глубоко под землей кислота разъедала проволочки, и мины аккуратно, в назначенный день, взрывались.

А мины все еще взрывались...

Французские саперы пробовали вырыть из земли или обезвредить мины. Но это было невозможно: проржавевшие проволочки рвались от малейшего сотрясения — даже от шагов сапера. Что ни делали французы, ничего не помогало. Оставалось одно: отмечать опасные места флажками и ждать.

Между тем переговоры о мире шли своим чередом. Армии были уже частью демобилизованы, и солдаты разъезжались по домам. Рабочие уже восстанавливали здания и дороги, разрушенные войной. А мины все еще взрывались.

Весь январь и февраль продолжались взрывы. Последняя мина взорвалась в марте 1919 года, через четыре месяца после окончания мировой войны.

Автоматы честно выполнили порученную им работу. Сообразить, что времена изменились и работа их стала бессмысленной, они, конечно, не могли. У автоматов, ведь, нет мозга.

ИСТОРИЯ «ДЛИННОЙ БЕРТЫ»

Можно ли построить такое сверхдальнобойное орудие, которое стреляло бы на сотни километров?

Да, такое орудие можно построить. Но, чтобы оно работало хорошо, чтобы оно действительно пригодилось на войне, нужно сначала изучить стратосферу.

Ни одна птица не залетала никогда в стратосферу. С высоты четырнадцати километров над землей начинается стратосфера и простирается высоко вверх, на много десятков километров. Там всегда мороз, мертвая тишина, и воздух такой редкий, что им уже не могут дышать люди.

Через стратосферу непременно придется пронестись тем людям, которые решатся когда-нибудь покинуть землю, отправиться на другие планеты.

Много раз уже пробовали ученые и воздухоплаватели залететь в стратосферу, исследовать ее. И почти все эти полеты кончались неудачно.

Тридцать три года назад в стратосферу полетел на воздушном шаре немецкий профессор Зюринг вместе со своим помощником Берсоном. Они оделись как можно теплее и захватили с собой резиновую подушку с кислородом.

Все выше поднимался шар. Вот он уже достиг высоты в десять километров. Но это все-таки еще не стратосфера. Воздухоплаватели уже не отрывают губ от кислородной трубки, они упорно хотят подняться еще выше. От страшного мороза чернила у них затвердели, превратились в черную льдинку;

механизм часов перестал работать. А шар все еще летит в вышину.

И вдруг Зюринг увидел, что его помощник Берсон лежит на дне корзины без движения. Зюринг бросился к нему, начал его тормошить — Берсон не отзывался. А у самого Зюринга точно молотки стучали в висках. Зюринг потянулся рукой к веревке клапана. Надо во что бы то ни стало остановить шар, иначе они оба погибнут! Но как это трудно сделать, когда рука отяжелела и не слушается, в висках стучит, мысли путаются. Последним страшным усилием Зюринг заставил себя приподняться и дернуть за веревку, но тут же упал в обморок. Шар с двумя неподвижными, полумертвыми людьми несется вниз...

Зюринг и Берсон пришли в себя только на земле. Больше никогда они не пробовали лететь в стратосферу.

Проникнуть в стратосферу на самолете попробовал американец Шредер. Он не поднялся даже до той высоты, на которой побывал Зюринг. Вернулся на землю Шредер слепым: он отморозил глаза.

Следующий полет в стратосферу совершил на воздушном шаре американский воздухоплаватель Грей. Он тоже не достиг стратосферы. Последняя запись, которую он сделал, показывала высоту в 13 километров. Когда шар опустился на землю, Грея нашли в корзине мертвым.

После Грея в стратосферу полетел испанский воздухоплаватель Маллас. Какой высоты он достиг — неизвестно.

В лесу нашли труп Малласа с синим, раздутым лицом.

Кто же, наконец, проник в стратосферу?

Бельгийский ученый Пикар был

Воздушный шар Грея.

первым человеком, поднявшимся на высоту шестнадцати с половиной километров. Он едва не погиб, и научные наблюдения ему произвести не удалось. Пикар проник в стратосферу, но не открыл ее для науки.

После Пикара решил проникнуть в стратосферу другой бельгиец — Козенс. Но при испытании его приборов перед полетом произошел взрыв, несколько человек погибло, и Козенс отказался от полета. Потом полетел американец Сеттл. Он потерпел крушение при взлете, был ранен в голову и упал на главной улице в Чикаго, среди трамваев и автомобилей.

А 30 сентября 1933 года три большевика выполнили то, что не удавалось до тех пор никому: они поднялись на 19 километров, проникли далеко в стратосферу. Они поднялись выше неба. Ведь, то синее небо, которое видим мы все, небо, по которому проплывают облака, подымается всего на несколько километров над землей. Прокофьев, Бирнбаум и Годунов побывали выше, они видели другое небо — темно-фиолетовое.

Три большевика побывали в стратосфере. Полтораста советских научных институтов и много десятков заводов потрудились над постройкой их стратостата. Никогда и нигде еще не строили таких больших воздушных шаров. Гондолу построить было еще труднее, она должна была быть и прочной и легкой, не бояться ни мороза, ни жара. А главное — плотно закрываться, чтобы из нее не вытекал воздух. Окажись в оболочке дырочка с булавочную головку — и люди в гондоле погибли бы.

Ночью при ярких прожекторах на московском аэродроме шла работа: из семисот баллонов накачивали в оболочку шара водород. Оболочка вздувалась, набухала и наконец вытянулась кверху огромной грушей; голубая груша высотой в восьмиэтажный дом.

В 8 часов 40 минут утра трое воздухоплавателей влезли

в свой стальной круглый дом, похожий на глобус, — в гондолу. Стратостат поплыл вверх. В 8 часов 45 минут Годунов закрыл крышку гондолы. Стало совсем тихо. Только еле слышно шелестел шар, подымаясь в вышину, да покачивались стрелки на приборах.

9 часов 05 минут — стратостат достиг той высоты, на которой побывал когда-то поплатившийся за это своими глазами Шредер.

9 часов 08 минут — стратостат минует высоту, на которой потерял сознание Зюринг.

Стратостат поплыл вверх.

9 часов 10 минут — стратостат минует высоту, которой достиг Грей, вернее — не он сам, а уже его труп.

9 часов 17 минут — стратостат минует последнюю высоту, на которую еще поднимался человек, высоту Пикара. Теперь трое советских воздухоплавателей летят уже в неизведанном пространстве.

Каждый из них занят своим делом. Один берет пробы воздуха, другой следит за приборами управления, третий ведет радиопереговоры с землей. Все работают молча. Через шесть окон вливается в гондолу ослепительный свет. Ровно жужжат машины, поглощающие углекислоту, и тонко свистит, вытекая, струя жидкого кислорода. В гондоле жарко,

двадцать восемь градусов, а за окнами невыносимый шестидесятисемиградусный мороз.

Вдруг что-то зазвенело. Это лопнуло, не выдержав давления, стекло барографа. К счастью, прибор не такой уж важный. Воздухоплаватели быстро исправляют повреждение.

12 часов 55 минут — темный столбик барометра упал так низко, как никогда еще не падал ни в одном барометре на земле. Это значит — воздух кругом стал совсем редкий. Воздухоплаватели на высоте 19 километров над землей. Они смотрят вниз, — внизу земля как дно бесконечного колодца; они смотрят вверх — вверху темно-фиолетовое небо.

В это же время с земли смотрят вверх тысячи людей. Они видят в солнечном небе стратостат. Он стоит, как светящаяся звезда. Он и на самом деле вознес в небо новую звезду, красную звезду СССР.

Воздухоплаватели начинают спускаться. Они готовятся к встрече с землей. На всякий случай они привязывают к каждому тяжелому предмету по парашюту. А если понадобится, вся оболочка шара может быть превращена одним движением в парашют.

Но спуск идет благополучно. С небывалой высоты советские стратонавты спускаются целыми и невредимыми; они несут на землю первые научные наблюдения, полученные в стратосфере.

И вот Прокофьев, Бирнбаум и Годунов снова уже на земле. Они обнимаются и поздравляют друг друга с победой. Они побывали выше неба!

Но задолго еще до этих отважных воздухоплавателей в стратосфере побывал один путешественник, который не попал в список первых стратонавтов. Это был не ученый, не

изобретатель, не летчик. Первым путешественником в стратосферу был стальной цилиндр с длинным заостренным наконечником.

Он поднялся на высоту тридцати километров над землей, он поднялся туда не затем, чтобы открыть людям какие-нибудь тайны стратосферы. Не затем, чтобы наметить путь будущим звездоплавателям.

Стальной цилиндр, летевший в стратосферу, был начинен взрывчатым веществом: тротилом. Он нес смерть!

Было это в конце мировой войны.

23 марта 1918 года рано утром первый такой цилиндр вылетел в путь и через три минуты упал в Париже. Свист, глухой удар, грохот. На окраине города затряслись от взрыва дома.

Сначала все решили, что это упала бомба, брошенная германским летчиком. Загудели сигнальные сирены. Артиллеристы стали у зенитных орудий, готовые к стрельбе.

Но в безоблачном, синем небе не было видно ни одного самолета.

А через пятнадцать минут опять раздался взрыв. Еще пятнадцать минут — и снова взрыв. Взрывы следовали один за другим с такой точностью, что по ним можно было проверять часы.

Тут началась паника. Если это не воздушный налет, — значит, обстрел из орудия. Но, ведь, ни одно орудие не стреляет дальше чем на 30 километров.

Неужели фронт, который еще вчера был в сотне с лишним километров от Парижа, так близко придвинулся к городу? Или, может быть, за ночь линию фронта прорвали, и германская армия уже у самого Парижа?

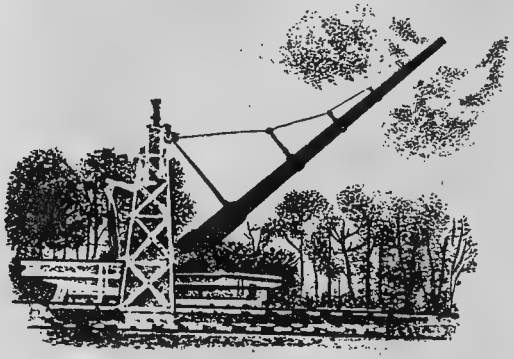
Военные специалисты осмотрели места взрывов. Они нашли мелкие стальные осколки, и по их расположению стали

строить догадки о том, откуда прилетели загадочные снаряды. Летчики вылетели в глубокую разведку. День и ночь на всем протяжении фронта работали звукоулавливатели.

На другой день с самого раннего утра опять начались в городе взрывы, опять через каждые четверть часа.

Но теперь причина их была уже известна: французская воздушная разведка обнаружила батарею германских «Длинных Берт» — спрятанные в лесу сверхдальнобойные орудия.

Почему сверхдальнобойную пушку прозвали «Длинной Бертой»? «Длинной» ее прозвали за то, что ствол у нее был неимоверной длины. Если бы его воткнули в землю, он поднялся бы выше старых сосен. «Бертой» прозвали ее в «честь» Берты Крупп, жены Круппа фон Болен.



«Длинная Берта».

Но всего удивительнее в «Длинной Берте» была не ее тяжесть, не величина, не сила. Самое удивительное было то, что эта пушка, обстреливавшая Париж, глядела своим жерлом не в сторону Парижа, а вверх, в небо.

В этом-то и был секрет сверхдальней стрельбы. Если бы пушка стреляла прямо по Парижу, она бы, несмотря на всю свою силу, не добросила снаряд до Парижа: ведь, до него было 120 километров. Воздух помешал бы движению снаряда, не дал бы ему достичь цели. Но «Длинная Берта» выбрасывала

снаряд далеко вверх, на целых тридцать километров, в стратосферу, а в стратосфере воздух уже настолько редок, что почти не тормозит движения.

Но стрелять из такой огромной пушки было нелегко. Надо было учитывать и кривизну земли и ее вращение. Прицел определяли профессора математики, физики и метеорологи. За стальным чудовищем, весившим в три раза больше паровоза, бережно ухаживали. После каждого выстрела пушку смазывали, чистили, ей даже мерили температуру.

И все же после каждого выстрела пушка портилась: несмотря на то, что мишень ее была огромна — целый Париж, — пушка все чаще и чаще давала промахи.

После пятидесяти выстрелов «Длинную Берту» отвезли на завод для ремонта. После полутораста выстрелов из нее уже нельзя было стрелять.

Что же дала немцам бомбардировка Парижа? Когда подсчитали, выяснилось, что снаряд «Длинной Берты» убивал в среднем одного человека — всего только одного из нескольких миллионов жителей Парижа.

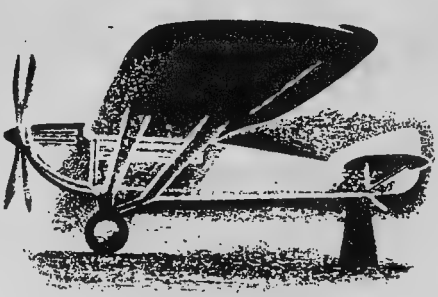
«Длинная Берта» оказалась самой безвредной пушкой на свете, чем-то вроде огромного «пугача». Напугать парижан ей, действительно, удалось: около миллиона людей выехало из города.

А Германии этот пугач обошелся дорого.

На постройку сверхдальнобойной пушки потребовалось около года; а работа ее измеряется секундами. Каждый выстрел длится всего лишь 1/23 часть секунды. Три «Длинных Берты» сделали всего 303 выстрела; значит, вся их работа продолжалась тринадцать секунд.

Эти тринадцать секунд обошлись Германии больше чем в миллион рублей.

Попытка обстреливать неприятельский тыл через страто-



Стратосферный самолет.

сферу не дала тех результатов, каких от нее ждали. Три «Длинных Берты», не израсходовав своих снарядов, замолкли.

Однако это еще не значит, что в будущей войне люди откажутся от новых попыток использовать стратосферу для своих целей.

Снаряды «Длинной Берты» впервые нарушили мирную тишину стратосферы. И, может быть, недалек тот час, когда через нее пронесутся боевые стратосферные самолеты и ракеты.

ВОЗМОЖНА ЛИ АРМИЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ?

Итак, военные машины-автоматы уже существуют; среди них есть и такие, которыми можно управлять на расстоянии, есть и такие, которые могут сами преодолевать сотни километров, прорезая своими снарядами стратосферу.

Значит, Фуллер прав, и война будущего — это война машин, а не людей?

Нет, это не так. Для того, чтобы война превратилась в войну машин, надо, чтобы машина могла всецело заменить человека. Надо, чтобы «механический боец» ни в чем не уступал человеку-бойцу, чтобы он с успехом заменил его при всех обстоятельствах, какие встретятся на войне.

В этом вся суть. Но этого-то как раз ни Фуллер, ни любой другой генерал, проповедующий замену людей машинами, сделать не может.

Разберемся в том, что такое автомат. Это механизм, который сам, без управления человеком, совершает какие-то дей-

ствия. Какие именно? Всегда одни и те же, заранее определенные.

Запас таких автоматических действий имеется и у человека. Если перед вашими глазами хлопнуть в ладоши, вы непременно мигнете. Если пощекотать соломинкой у вас в носу, вы чихнете. Этих автоматических, бессознательно совершаемых действий у живого существа очень много. Но может ли оно ограничиться только этими действиями?

В физиологической лаборатории я видел собаку, у которой вырезали большую часть мозга. С виду это была вполне здоровая собака. Нужно было внимательно присмотреться к ней, чтобы заметить, как странно она себя ведет.

Например, на зов эта собака не шла, но стоило ее подтолкнуть, как она начинала двигаться вперед, все прямо, как заводная, до тех пор, пока не натыкалась на что-нибудь; и тогда она останавливалась, точно не знала, куда повернуть, направо или налево. Еды эта собака тоже не замечала; нужно было сунуть кусок ей прямо в рот, чтобы она задвигала челюстями. Словом, это был живой автомат, все действия которого можно было рассчитать заранее...

Так вот, если бы мечты Фуллера когда-нибудь сбылись, и на войне в самом деле появились механические бойцы, они могли бы заменить не настоящих, разумных людей, а только людей с вырезанным мозгом.

Робот — «механический человек».

Автоматы — это работники без всякой инициативы, без мысли. Вернее — в механизм, заменяющий им мозг, изобретателем вложена всего-навсего одна мысль, способность разрешать только одну задачу, и притом всегда одним и тем же способом. Хорошо, если задача проста и решается всегда оди-

наково, как, например, у автоматов телефонной станции. У них работа изо дня в день одна и та же: и сегодня, и завтра, и через десять лет. Неожиданности тут быть не может.

А на войне каждый час — неожиданность; противник не стоит на месте, он движется, борется; задача, которая вчера решалась одним способом, сегодня, в новой обстановке, решается уже по-другому.

Вот и выходит, что одними машинами на войне не обойтись. Автоматы и радиомашины могут, конечно, очень пригодиться, они, наверное, сыграют на войне значительную роль; но вполне заменить людей они не в силах.

Машина может делать все, что угодно; на одно только она не способна и никогда не будет способна — мыслить и изобретать. А на войне нужна мысль, нужна сообразительность.

Нет, ведь, на свете такого оружия, которое бы наверняка, во всех случаях давало победу. От любого оружия можно защититься, любое оружие можно отбить другим оружием; все дело только в том, какое и когда применить.

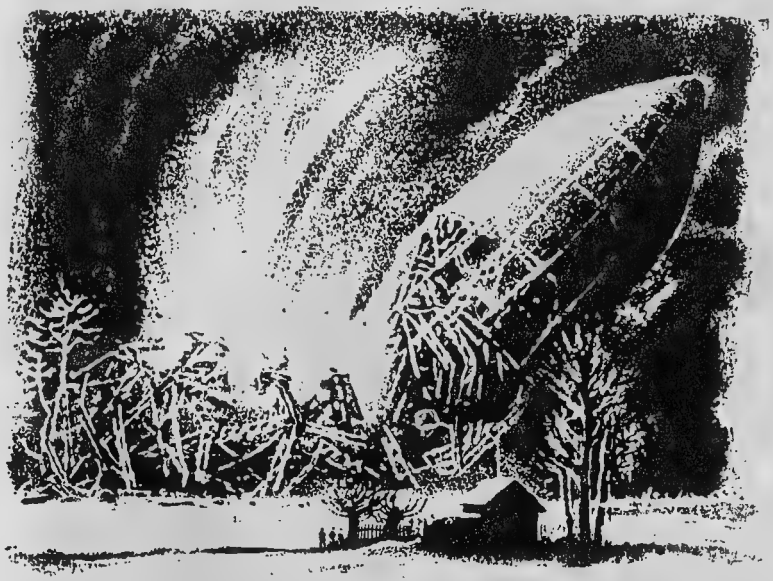
На войне нужно изобретать, выбирать, придумывать новые, неожиданные способы борьбы с противником. А на это способен только человек.

Вот решите, кто сильнее: цеппелин или самолет? Цеппелин и больше самолета, и моторы у него большей мощности, и летать он может дальше и дольше. Но когда в мировую войну начали бомбардировать города с воздуха, оказалось, что цеппелину это гораздо труднее, чем самолету. Напрасно пробовали красить цеппелины в черный цвет, чтобы они были незаметны ночью. Напрасно пытались прятать их за облаками, спуская на канате вниз под облака наблюдателя с телефоном. Ничто не помогало. Цеппелин так велик, что его сразу заме-

Наши кавалеристы.

чали и сбивали иной раз первыми же выстрелами зенитных орудий.

Кто сильнее: автомобиль или велосипед? Конечно, автомобиль и быстрее и сильнее. Но если дорога впереди пере-



Гибель цеппелина.

резана рвом и через ров перекинута узенькая дощечка, на автомобиле вы не проедете. Тут велосипед окажется полезнее автомобиля.

Кто сильнее: самолет или голубь? Вопрос этот кажется смешным. Можно ли сравнивать силы голубя с силами авиационного мотора? Бывают, однако, на войне такие обстоя-

тельства, когда голубь может совершить то, что не под силу ни цеппелину, ни самолету.

РАССКАЗ О ГОЛУБЕ «118-14-А»

С самого начала мировой войны Бельгия была захвачена германскими войсками. Германское командование устроило в завоеванной стране военные склады. Оно перевозило по бельгийским железным дорогам свои войска, использовало Бельгию как самое удобное место для подготовки наступления на Францию.

Конечно, французскому командованию было очень важно проникнуть в замыслы врага, узнать, что делается в Бельгии. Для этого нужно было послать в Бельгию французских лазутчиков. Но никакой шпион или лазутчик не мог туда пробраться. Фронт, полоса смерти, отрезал Бельгию от Франции.

А вдоль бельгийско-голландской границы немцы выстроили непрерывную ограду из колючей проволоки. Часовые с заряженными ружьями дежурили тут день и ночь. Да еще, на всякий случай, по проволоке пущен был смертельный электрический ток в пять тысяч вольт.

Ни пешком, ни на автомобиле, ни на самолете нельзя было проникнуть в Бельгию.

Тогда французам пришла в голову такая мысль: если человек не может пробраться в Бельгию, то зато туда может пролететь птица. Нельзя ли послать лазутчиком голубя?

Голубь с автоматическим фотоаппаратом.

Почтовый голубь отличается уди-

вительной способностью: его можно отвезти очень далеко, за сотню километров, и он все-таки найдет дорогу домой, самым коротким путем вернется в свою голубятню.

Но как доставить голубей в Бельгию? Решили сделать вот что: привязать ящики с голубями к небольшим воздушным шарам и отправить шары с первым попутным ветром из Франции в Бельгию. Но, ведь, шары, никем не управляемые, будут без конца носиться по небу, и голуби, заключенные в ящиках, умрут с голоду? Чтобы этого не случилось, к шару приделали особый механизм, который через несколько часов должен был перерезать веревку, связывающую ящик с шаром.

Но тут возникли новые сомнения. Не разобьется ли голубь при падении ящика на землю? Не вырвется ли он на свободу раньше времени? Не съест ли его кошка или собака? А главное — как добиться того, чтобы голубь с успехом выполнил свою роль лазутчика и благополучно вернулся домой?

Вместо того, чтобы объяснять здесь, как решили все эти задачи, я расскажу историю, которая произошла на самом деле.

Восьмого августа 1916 года Клери Ламбо, маленькая девочка-бельгийка из восточной Фландрии, работала с самого утра в огороде. Она сидела на корточках перед грядкой и полола сорную траву. Девочке было невесело: как раз сегодня исполнилось два года с того дня, как отец ее погиб в бою. После смерти отца девочка жила у брата, — других родственников у нее не было. Но и брат пропал уже больше года назад: он ушел во Францию, и с тех пор от него нет никаких известий. Наверное, и он давно убит.

«Скоро ли кончится война?» думала девочка. Слезы застилали ей глаза, и она плохо разбирала, что она выдергивает из грядки — сорную траву или овощи.

Но вот девочка подняла голову и увидела, что над землей плывет по ветру маленький воздушный шар. Он летит так

высоко, что его еле видно. И вдруг от шара что-то отделилось и полетело вниз.

Что это такое?

Сначала Клери видела только точку в небе, потом точка стала пятнышком, и наконец Клери разглядела небольшой ящик, над которым, замедляя его падение, покачивался раскрытый зонтик. Зонтик был похож на большой распустившийся цветок.

Клери Ламбо бегом бросилась туда, где опустился оторвавшийся от воздушного шара ящик. Она прыгала через грядки, перелезала через изгороди и вот наконец между двух грядок нашла решетчатый ящик, набитый конским волосом. В этой клетке, точно преступник в тюрьме, сидит большой голубь. Он испуганно смотрит на девочку своими круглыми красными глазами и воркует. На ящике надпись: «Прошу открыть!»

Клери открыла ящик и увидела в нем листок чистой бумаги, карандаш и записку.

«Сожгите сейчас же парашют, накормите и напойте голубя», так начиналась записка. Потом шел длинный перечень вопросов. А в конце крупными буквами было приписано: «Если вы хотите, чтобы война кончилась скорей и германская армия ушла с бельгийской земли, ответьте точно и правильно на все вопросы. Подписи вашей не нужно. Вложите бумагу в трубочку, которая привязана к ноге голубя, и отпустите его».

Разумеется, девочке очень хотелось, чтобы война окончилась поскорей. Осторожно осмотревшись кругом, она поднесла к парашюту зажженную спичку. Парашют вспыхнул. Через мгновенье от него осталась только горсточка пепла. Тогда Клери вытащила голубя из ящика и понесла его домой под передником, чтобы никто его не заметил. Дома она насы-

пала на пол хлебных крошек и крупы, налила в блюдце воды и, пока голубь пил и ел, уселась за стол и принялась писать ответы на все вопросы, перечисленные в записке.

Она написала, какой полк стоит в их деревне, в какую сторону уходят нагруженные снарядами поезда, много ли пушек провозили мимо их деревни.

Пока она сидела и писала, голубь клевал зерно, хлопал крыльями, чистил клюв. На ноге у него было тоненькое колечко с надписью: «118-14-А».

Часа через два Клери Ламбо тихонько открыла окошко и выпустила голубя. Он сразу взвился вверх и пропал в синем небе. Клери потеряла его из виду. А голубь летел домой во Францию, летел быстро, не сбиваясь с пути, точно в голове у него был спрятан маленький компас.

Голубь не знал, что внизу у людей идет война. Он не понимал, что значили дымки, клубившиеся в воздухе, и далекие раскаты, похожие на гром. Он спешил к себе в голубятню.

На лету он даже не слышал, как свистит от напора воздуха спрятанный в перьях его хвоста свисток. Голубь привык к этому свисту и давно не замечал его. А между тем этот свист спасал его от дрессированных соколов, которых завела германская армия специально для истребления неприятельских почтовых голубей.

Вечером 8 августа 1916 года голубь «118-14-А» прилетел наконец домой.

Пробираясь к себе в голубятню, он раздвинул качающиеся у входа прутья, и от этого внизу раздался сигнальный звонок.

— Посмотрим, какие новости, — сказал французский солдат, приставленный к почтовым голубям, и подошел к клетке. Через минуту он вернулся из голубятни, чем-то опечаленный.

— Послушай, Ламбо, — сказал он своему товарищу, — «118-14-А» придется вычеркнуть из списка: глаз у него пробит шрапнелью, вся голова в запекшейся крови. А записка цела. Смотри, вот она. Писал, наверное, ребенок. Буквы кривые, много ошибок.

Молодой солдат прочел записку и задумался.

— Из восточной Фландрии... У меня там осталась сестричка Клери, — сказал он. — Сейчас ей должно быть уже двенадцать лет. Кто знает, может быть, и к ней во двор опустился один из наших голубей, — если только дом наш уцелел и сама она еще жива...

На другое утро голубя «118-14-А» вычеркнули из списка почтовых голубей. За ночь он умер.

Подвиг голубя был отмечен французским командованием в специальном приказе. Перед тем как похоронить крылатого письмоносца, ему надели на шею маленькую медаль.

Командование объявило свою благодарность тому голубеводу, который догадался переправлять голубей из Франции в Бельгию на воздушных шарах, заставил птицу выполнить волю человека.

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОД

От пулемета до голубя, от броненосца до дымовой шашки, все может найти себе применение в войне, все может служить средством борьбы с противником. Но любое средство, любое оружие сильно только в умелых руках. Какие бы новые аппараты и машины ни применили в будущей войне, все равно за ними, в конце концов, будут стоять люди. Люди будут решать, когда и как применить эти машины, люди будут ими управлять.

Армия без людей немыслима. Ловкого и сильного бойца,

живого человека с его мозгом, нервами и мускулами, ничем не заменить на войне.

А если это так, если, действительно, основная сила армии — люди, то ясно, что каждое государство постарается во время войны призвать в свою армию как можно больше людей. И, значит, в будущей войне, — точно так же, как и в прошлой, — армии непременно будут большими, массовыми.

На фронт будут посланы не тысячи, даже не сотни тысяч, а миллионы и миллионы людей.

Понятно, почему некоторые военные специалисты буржуазных стран желали бы, чтобы в их армии было поменьше людей. Они знают, что миллионные армии — смертельная опасность для капитализма. Они хотели бы распоряжаться такой армией, которая состояла бы только из верных капитализму людей. А таких — немного.

Все это понятно. Но одно дело — их желания, а другое — то, что есть на самом деле.

На самом же деле небольшой, снабженной самым лучшим оружием — в том числе автоматами и радиомашинами — армии можно противопоставить другую армию, вооруженную так же хорошо, но только вдвое или втрое бо́льшую. Нетрудно сообразить, какая из этих армий окажется сильнее.

Небольшая армия, как бы ни была она механизирована, никогда не сможет добиться в будущей войне решительной победы. Если бы даже она и достигла на первых порах некоторых успехов, эти успехи все равно были бы недолговечны.

Самолетами, танками, артиллерией можно атаковать противника, можно засыпать его снарядами, вырвать у него кусок земли. Но, ведь, всего этого для победы мало: надо еще суметь удержать захваченную землю, закрепить ее за собой. А это невозможно без сильных отрядов пехоты.

И в наше время — так же, как всегда — основной

частью армии является пехота, миллионы стрелков. Только они могут построить укрепления, овладеть захваченным районом по-настоящему, так, чтобы уже не выпустить его из рук,—только они могут закрепить победу.

Меткий стрелок — снайпер.

Всегда и везде на войне нужен меткий стрелок.

Миллионы стрелков, это они выносят на себе главную тяжесть войны, и от них больше всего зависит исход войны, зависит окончательная победа...

Нет, как бы ни желали этого некоторые генералы, им не обойтись в будущей войне небольшой армией, усиленным полицейским отрядом. Им придется призвать под ружье миллионы рабочих и крестьян своей страны, вооружить весь народ.

КРОВАВАЯ ДОРОГА

Придет скоро день, и снова, как два десятка лет назад, капиталистические правительства призовут свои народы к войне. Снова скажут они: «наступило время драться за родину!»

Но теперь уж миллионам людей стало ясно: империалистическая война не может быть названа войной за родину.

В 1899 году началась англо-бурская война. Из-за чего она вспыхнула? Из-за того, что в южной Африке нашли алмазные россыпи, и английская «Привилегированная компания» решила во что бы то ни стало этими россыпями завладеть...

При чем же тут родина?

В 1914 году разразилась мировая война. Спор шел о колониях, о том, кому владеть Азией и Африкой, кому властвовать над всей землей.

При чем же тут родина?

В 1934 году шла война между Боливией и Парагваем. Войну эту вызвали два треста — Рокфеллера и Детердинга. Они спорили о том, кому из них торговать южноамериканской нефтью.

При чем же тут родина?

Нет, не родину защищает тот, кто сражается в армии империалистов и захватчиков, не свою страну защищает он, а только банкиров и фабрикантов своей страны, таких людей, как Дюнсберг, Крупп или Ле-Шьен, их землю, а не свою.

Империалистическая война, это война ради выгоды властелинов земли — капиталистов.

Нет и не может быть оправдания такой войне!

Сражаться за капитализм? Отдавать жизнь за то, чтобы властелины земли могли захватить себе новые богатства, могли расширить свою власть?

Их власть и так обходится человечеству слишком дорого: изо дня в день, даже и в мирное время, она убивает тысячи людей.

Вот, подсчитайте, сколько людей она уничтожила за один только прошлый год, за триста шестьдесят пять дней.

В прошлом году два миллиона людей умерло в капиталистических странах с голоду; почти столько же не выдержало постоянной борьбы с нуждой, сами наложили на себя руки; и еще больше, гораздо больше, погибло от болезней, вызванных голодом, нищетой и непосильным трудом, — таких болезней, которых давно бы уже могло не быть на земле.

Что значат по сравнению с этим все стихийные бедствия —

Боец на отдыхе.

землетрясения, наводнения, ураганы? Землетрясение губит тысячи людей, а тут гибнут миллионы. Землетрясения случаются изредка, а это истребление людей голодом идет все время, непрерывно. И в землетрясении, наконец, никто не виноват, а тут мы хорошо знаем, кто виновен.

Поистине, кровавой дорогой ведут человечество властелины земли!

Вот за их власть, за то, чтоб она могла существовать дальше, и гонят фашисты своих солдат на войну, стараются их обмануть словами о родине.

К счастью, теперь обмануть народы уже не так легко, как это было в 1914 году: ведь, у них уже есть опыт прошлой мировой войны. Теперь рабочие организованы, во главе их стоят коммунистические партии, ведущие непримиримую борьбу с капитализмом.

Нет, если уж придется воевать, если фашисты вынудят народы взяться за оружие, то стоит взять его в руки и сражаться ради одной только цели: чтобы этот жестокий и нелепый строй рухнул как можно скорее!

Чтобы настало, наконец, время, когда нигде уже не будет угнетения людей людьми, не будет ни голода, ни безработицы, ни войн!

Тех, кто твердо решил вывести человечество с кровавой дороги на новый, лучший путь, кто готов отдать этому все свои силы, а если понадобится даже жизнь, — зовут большевиками.

ЭТО БЫЛО В 1914 ГОДУ

Все политические партии — кроме партии большевиков — ответственны за мировую войну: ведь, все они поддержали правительства своих стран в 1914 году.

Нет истории позорнее, чем история «социалистических» партий во время мировой войны.

Взять к примеру хотя бы германскую социал-демократическую партию. Не раз, а десятки раз клялись ее вожди, что они не допустят империалистической войны: в решительный момент они призовут рабочих на улицу, объявят всеобщую забастовку, не дадут правительству начать войну.

Так обещали они. А что они сделали, когда действительно настал решительный момент, когда на самом деле нависла грозная опасность войны?

Они пришли тогда в рейхстаг и голосовали за войну.

Они изменили социализму, они помогли германским капиталистам обмануть народ, погнать солдат на войну.

И в награду за это им позволили в конце заседания рейхстага подойти к Вильгельму II и по очереди пожать ему руку...

Точно так же, как эти германские «социалисты», поступили в те дни и «социалисты» других стран.

Только одна партия — партия большевиков — всегда боролась против империалистической войны. Большевики боролись против империалистической войны еще тогда, когда ее только подготовляли капиталистические правительства. Они не прекратили своей борьбы и тогда, когда война уже наступила.

Царское правительство отлично знало, кто его главный враг.

Еще летом 1914 года, перед самой войной, полиция произвела по всей России аресты, бросила сотни большевиков в тюрьму, разгромила во многих городах большевистские партийные организации и закрыла большевистские газеты.

Царскому правительству казалось, что теперь-то уж большевики лишены возможности бороться против войны.

Но большевики недаром имели опыт многолетней борьбы,

опыт работы в подполье. Они устроили тайную «бродячую» типографию: каждую неделю переносили они ее на новое место, чтобы запутать следы, сбить с толку полицию. Рукописи в эту типографию приносили не в портфеле, не в папке, а в спичечном коробке: они написаны были на клочках папиросной бумаги, в случае обыска их можно было сжечь в один миг. А готовые, отпечатанные листы выносили в корзинах с грибами или овощами. Листы подбрасывали потом на заводы, на вокзалы, на мобилизационные пункты, откуда солдаты шли на фронт.

И вот, в дни, когда все газеты во всех странах звали рабочих и крестьян на войну, в эти дни раздался голос Ленина, голос большевиков.

Ленин звал народы прекратить империалистическую войну; и не просто звал, а указывал, как это сделать.

— Выход не в протестах против войны, не в просьбах, обращенных к царскому правительству, — говорили большевики русским рабочим и крестьянам. — Все это не поможет. Ведь, война помещикам и капиталистам необходима. А царское правительство — это правительство помещиков и капиталистов.

Вырвать власть из их рук — вот единственный способ уничтожить войну.

Но для этого нужно не отказываться от оружия, а повернуть это оружие против тех, кто вызвал войну, против капиталистов. Войну империалистическую, битву народов между собою, надо превратить в гражданскую войну, — в битву народов против властелинов земли!

Вот к чему звали большевики, вот к чему они готовились.

Осенью 1914 года большевики созвали совещание.

Из Иванова-Вознесенска, из Харькова, из Риги и других городов выехали в Петроград рабочие-большевики. Ехали

они окольными путями, чтобы обмануть «шпиков», полицейских шпионов. Ночью, на глухих полустанках сходили с поезда, пробирались пешком через леса и болота до другой железнодорожной ветки и пересаживались там на другой поезд.

Второго ноября в окрестностях Петрограда, в Озерках, среди заколоченных на зиму дач, открылось совещание. В нем участвовало совсем немного народу: несколько делегатов с мест да еще пятеро большевиков — депутатов Государственной думы.

Все окна в доме завесили одеялами. Дверь отворяли только на условный стук.

Два дня не выходили участники совещания из этого дома. Две ночи спали на сдвинутых стульях. В третью, последнюю ночь раздался вдруг громкий стук, а вслед за этим с грохотом слетела с петель дверь, и в комнату, держа револьверы наготове, ворвались жандармы.

— Ни с места, руки вверх! — крикнул жандармский ротмистр.

Начался обыск. Напрасно пробовали большевики отбиваться: жандармы крепко держали их за руки. Потом их повезли в тюрьму.

Щелкнула со звоном тяжелая дверь, каждый очутился в одиночной камере.

Сто дней просидели они тут.

А через сто дней двери камер отворились: конвойные повели большевиков в суд. Суд длился три дня. Наконец дали последнее слово обвиняемым.

— Нас судят, — сказали они, — за стойкую защиту прав народа; мы гибнем за то, что по мере своих знаний защищали интересы рабочих.

В полночь суд вынес приговор: девять человек сослать в Сибирь, двух заключить в крепость.

На площадке железной лестницы осужденные большевики обнялись и поцеловались друг с другом; потом их снова развели по камерам.

А потом пришел тюремный фотограф и сфотографировал их, врач осмотрел их и записал «особые приметы»; с пальцев у них сняли оттиски тушью. И скоро большевиков — бывших депутатов Думы — переодели в арестантские халаты с нашитыми на грудь номерами; вручили каждому мешок с бельем; принесли кандалы.

Закрытый тюремный автомобиль подкатил к Николаевскому вокзалу. Платформа была совсем пуста. Но когда большевики уже подходили к поезду, им встретилось несколько рабочих-железнодорожников. Рабочие узнали их и остановились.

— Не горюйте, товарищи, — крикнули они, — скоро выручим!

Паровоз загудел, вагон с железными решетками на окнах тронулся с места. Ему предстоял огромный путь, тысячи верст. Он шел на восток, в Сибирь — туда, где в это время уже находился в ссылке Сталин...

«Работа нашей партии стала во сто раз труднее, — так писал в те дни Ленин. — И все-таки мы ее поведем!»

КОГДА ПРЕКРАТЯТСЯ ВОЙНЫ?

О том, как Ленин вел великую борьбу с войной, как навсегда порвал он со всеми «социалистами», изменившими социализму и одобрившими войну, как созывал он международные съезды, подымая народы всех стран на борьбу с войной, — обо всем этом здесь невозможно рассказать.

Скажу только, к чему привела эта борьба, начатая Лениным.

Вы читали в этой книге о Верденском сражении. Вспомните, как храбро дрались французские солдаты, — пока они верили, что воюют за свою родину.

Но те же самые солдаты, которые под Верденом беспрекословно шли умирать по приказанию своих командиров, год спустя стали останавливать в пути поезда, требовать, чтобы их везли назад в Париж:

— Пора кончать войну — начинать революцию!..

Вы читали в этой книге об Амьенском сражении. Как раз во время этого сражения германские солдаты впервые отказались подчиняться своим офицерам; а через три месяца, подняв красные флаги, они пошли на Берлин.

Вы читали о Зеебрюгском сражении. Те же английские солдаты, которые в нем участвовали, восстали в момент демобилизации и чуть было не захватили здание военного министерства в Лондоне.

И, наконец, в России народы довели свою борьбу до конца. Под знаменем революции большевики вывели нашу страну из мировой войны; в революционной, гражданской войне отстояли ее от капиталистов, привели к настоящему миру.

Почему же миллионы людей пошли по указанному Лениным пути? Почему эти люди, не желавшие больше сражаться в империалистической войне, с такой готовностью жертвовали своей жизнью в войне революционной?

Потому, что теперь они действительно защищали свою родину, свою свободу.

Не за капитализм сражались они теперь, а против него, против того самого волчьего закона, который и вызывает войны. И, значит, победа в этой войне приближала то время, когда войн уже не будет.

Такой день придет: все народы освободятся наконец от

капитализма, от власти волчьего закона. Войн больше не будет — просто потому, что не будет уже той причины, которая вызывала их прежде, не будет тех людей — капиталистов, — которым война была нужна.

Все оружие, какое только есть на земле, бросим мы тогда в огромную печь, расплавим и сделаем из него новые, нужные всем вещи.

Только по одному образцу каждого вида оружия мы сохраним тогда и поставим эти образцы в музей. Пусть люди, которые будут жить после нас, знают, в какие жестокие времена жили их предшественники. Пусть они знают, какой ценой завоевана их свобода.

Так мы сделаем, когда придет время. А пока еще оружие нам нужно.

Разве не делаем мы все, что только в наших силах, чтобы отдалить войну?

Ведь, это Советский Союз предложил еще в 1927 году всем странам разоружиться, распустить армии, в один и тот же день уничтожить на всей земле все пушки, танки, военные корабли, самолеты, подводные лодки, — все, что нужно для войны, что несет людям смерть... Но это предложение было отвергнуто правительствами всех стран.

Тогда Советский Союз предложил всем странам уменьшить свои армии, хотя бы вдвое, и отказаться от самых жестоких и губительных видов оружия. Но и на это предложение капиталистические государства тоже не согласились.

Тогда Советский Союз предложил точное определение «агрессора» — зачинщика войны; если бы определение это было принято, начать войну было бы гораздо труднее: каждому сразу было бы ясно, кто в ней виноват. Но большая часть государств отвергла и это.

Наши пулеметчики у зенитного пулемета.

Наконец Советский Союз предложил всем странам подписать договор о ненападении и взаимопомощи. Вот в чем заключался этот договор: каждое государство обязано выступить против начавшего войну, обязано защищать мир. Но Германия, Япония, Польша отвергли и это предложение.

Вот сколько попыток сделали мы, чтобы укрепить мир. Но все наши усилия наталкиваются на сопротивление тех стран, которые непременно хотят войны, и прежде всего — на сопротивление фашистских государств.

Мы за мир. Фашисты за войну.

Новая империалистическая война угрожает миру.

Ее готовят фашисты. Это они хотят напасть на нас, они заранее подыскивают себе союзников, создают общий фронт войны.

Все будущее человечества — под ударом. Можно ли еще отвести этот удар, сохранить мир?

Да, еще можно. Но, чтобы теперь сохранить мир, нужно за него бороться. Как преступнику связывают руки, чтобы он никому не мог повредить, как на сумасшедшего набрасывают смирительную рубашку, так народы должны связать руки фашизму, чтобы он не начал новой войны.

«Фронту войны» надо противопоставить во всех странах единый народный «фронт мира».

Фронт против фронта: только так и возможно сейчас по-настоящему бороться за мир.

Все силы — на борьбу за мир. Эта борьба должна объединить и тех, кто против войны, и тех, кому война сейчас невыгодна.

Ведь, и среди правительств и партий капиталистических стран есть такие, которые пока еще не хотят войны, сами

Наши охотницы на лыжах.

опасаются угрозы фашизма. Но главная сила «фронта мира», конечно, не в них: сегодня они еще за мир, а завтра могут быть за войну.

Главная опора тех, кто за мир, — Советский Союз, единственное государство, которому война не нужна.

Чем сильнее будет наша родина, чем крепче будет наша армия, тем больше надежды сохранить мир.

За мир — это значит теперь: за Советский Союз. Против войны — это значит теперь: против фашизма.

Да, фашизм — это война. Теперь, после испанских событий, в этом не может быть уже никаких сомнений.

Вот как начались эти события.

В феврале 1936 года в Испании было проведено всеобщее голосование. Голосование показало: огромное большинство населения Испании поддерживает «народный фронт», верит только ему. В соответствии с таким исходом голосования в Испании было образовано новое правительство: правительство народного фронта.

И сразу встал вопрос: что же теперь будут делать испанские фашисты? Ведь, они всегда всеми силами боролись против народного фронта.

Испанские фашисты сами сейчас же ответили на этот вопрос. Они сказали: раз вся страна поддерживает новое правительство, то и они тоже подчиняются ему. Фашистские генералы и офицеры принесли торжественную присягу. И правительство поверило им.

Правда, были некоторые подозрительные факты. Так, например, испанские фашисты стали ездить в Германию и Италию, вели там какие-то секретные переговоры. Фашистские генералы что-то очень уж часто стали проводить военные

учения и маневры, перебрасывать свои войска из одних местностей в другие. Но испанское правительство смотрело на все это сквозь пальцы.

Так продолжалось пять месяцев.

А в ночь с 18 на 19 июля севильская радиостанция, которая находилась в руках фашистов, передала такую метеорологическую сводку: «Над всей Испанией безоблачное небо...» Это был условный знак к мятежу.

Фашистские мятежи вспыхнули одновременно почти во всех испанских городах. Вся надежда мятежников была на внезапность, на неподготовленность испанского народа к борьбе. Особенно важно было мятежникам захватить столицу Испании — Мадрид.

Но испанские коммунисты были бдительны, — мятеж не застал их врасплох. Сейчас же было роздано оружие рабочим. И в большей части городов мятеж сразу же был подавлен. Мадрид остался в руках законного правительства.

Казалось, мятеж не удался, и мятежным генералам остается одно: сдаться. Ведь, слишком уж неравны силы: на одной стороне кучка фашистов да обманутых ими марокканских солдат, привезенных из Африки; а на другой стороне — весь испанский народ.

Но мятежные генералы не сдались. У них, оказывается, был в запасе еще один козырь: помощь Италии и Германии.

Тут-то и обнаружилось, зачем испанские фашисты ездили заранее в Германию и Италию, о чем они вели там переговоры. Из этих стран стали теперь спешно прибывать для мятежников сотни новейших танков и самолетов. Пользуясь преимуществом в оружии, мятежники снова перешли в наступление.

Тогда английское и французское правительства, видя, что в испанские дела начинают вмешиваться чужие страны и

желая этого избежать, предложили всем государствам Европы подписать такое соглашение: все государства обещают не доставлять оружия ни испанским мятежникам, ни испанскому правительству. Конечно, это было несправедливо: нельзя ставить мятежников и законное, выбранное всем народом, правительство на одну доску. Но зато это соглашение лишило бы мятежников снабжения оружием. А главное, оно воспрепятствовало бы превращению войны в Испании в международную войну.

Поэтому Советский Союз подписал соглашение.

Пришлось подписать соглашение и правительствам Германии и Италии.

Однако германские и итальянские фашисты пошли на обман: соглашение-то они подписали, но выполнять его не стали. Они продолжали снабжать мятежников оружием.

Мятежники подошли к самому Мадриду.

Но тут выяснилось, что мало еще танков и самолетов, чтобы взять Мадрид, нужно для этого еще иметь большую армию. Бесстрашно сражались защитники Мадрида. Они отняли много самолетов и танков у мятежников; они сами строили самолеты и танки на своих заводах; они сумели закупить оружие в Америке и привезти его в Испанию.

И вот под стенами Мадрида фашистская армия потерпела поражение и дрогнула.

Но тогда германское и итальянское правительства отбросили все стеснения, все увертки: они стали посылать в Испанию на помощь мятежникам не только оружие, но еще и свои войска...

Сейчас, когда пишутся эти строки, борьба под Мадридом еще продолжается, и никому неизвестно, каков будет ее исход.

Но уже сейчас ясно одно: Германия и Италия недаром так усиленно помогают испанским мятежникам. Фашисты

стремятся завладеть Испанией для того, чтобы и ее включить в сколоченный ими «фронт войны», использовать и ее богатства и силы для будущей мировой войны, — войны, прежде всего, против Советского Союза.

РАССКАЗ О ПЕРЕКОПЕ

Не в первый раз собирается враг захватить нашу землю, не в первый раз нам грозит война.

Восемнадцать лет назад, во время разрухи и голода, когда у нас не было ни хлеба, ни металла, ни угля, ни нефти, когда почти все заводы были заброшены, а поезда двигались по железным дорогам не быстрее телеги, в это трудное время нам пришлось отстаивать с оружием в руках нашу родину.

Тогда у нас еще не было такой могучей армии, как теперь; в тяжелых боях гражданской войны и родилась наша Красная армия.

Гражданская война продолжалась три года; три года отбивались мы от белых армий, организованных иностранными и русскими капиталистами. Бои шли на Урале, в Сибири, под Петроградом, под Орлом, у Киева.

Наконец, к осени 1920 года и адмирал Колчак, и генерал Юденич, и генерал Деникин были разбиты; в руках белых — ими командовал теперь барон Врангель — оставался один Крым.

О борьбе за Крым я хочу здесь рассказать, хотя бы в нескольких словах: этого будет довольно, чтобы представить себе, как мы бились во время гражданской войны.

Третьего ноября красные войска подошли к Сивашу, полосе воды, отделяющей Крым от остальной страны.

Крым лежал рядом, совсем близко; но проникнуть в него

было невозможно: Сиваш, море-болото, преграждал войскам путь.

Самой природой превращен Крым в неприступную крепость: со всех сторон он окружен водой и только полоской земли — Перекопским перешейком — соединен с материком. Так узок этот перешеек, что наступающим здесь не развернуться. Даже небольшая армия может защитить его, запереть вход в Крым.

На это и рассчитывали белые.

У самого своего начала, возле города Перекопа, перешеек во всю ширину перегорожен построенным давным-давно земляным валом; перед ним широкий, метров в сорок, ров. Этот вал и выбрал Врангель для своих укреплений. Больше года работали здесь саперы, они изрезали вал окопами, «лисьими норами», устроили блиндажи, укрытия для орудий, пулеметные гнезда.

А за этим рядом укреплений белые возвели, на всякий случай, еще второй ряд — в конце перешейка, у Юшуни. Тут поставили они огромные, взятые с севастопольских фортов, дальнобойные пушки.

Так загородили белые доступ в Крым. Точно на двойной замок заперли полуостров, последнее свое убежище.

30 октября Врангель сам осмотрел все укрепления. «Отныне, — сказал он после осмотра, — Крым для врага неприступен!»

А ровно через неделю командующий красным фронтом товарищ Фрунзе — отважный большевик, приговоренный в царское время к смертной казни, — отдал приказ: взять Крым. И наши войска двинулись на штурм Перекопа. Но двинулись они на Крым не той дорогой, на которой ждали их белые. Они пошли таким путем, какой не обозначен ни на одной карте.

Осень в Крыму стояла тогда холодная и на редкость сухая. К тому же много дней подряд дул ветер, отгонявший воду Сиваша к востоку. Сиваш стал мелеть. Там, где, судя по карте, простиралось море, сейчас протянулось узкой полосой обнажившееся дно.

Фрунзе повел войска по морскому дну — в тыл Перекопу. В ночь на 8 ноября, когда стемнело, передовые отряды 15-й и 52-й дивизий спустились с берега и двинулись по дну. Чтобы в темноте не заблудиться, разведчики заранее расставили на протяжении всего пути вехи.

Туман клубился над обмелевшим ложем Сиваша. Красноармейцы шли, поеживаясь от сырости. Почти все они шли босые, у иных не было даже шинели, они кутались в тряпье; и на головах у них вместо шлемов накручены были полотенца, рубахи, что попало.

В темноте и тишине шли бойцы. Ни одного громкого слова. Ни разу не чиркнула во мраке спичка. Ведь, если бы враг заметил их в пути, никто бы из красноармейцев не уцелел: на голом, гладком дне не укрыться от пуль, не окопаться.

Только осторожный шорох тысяч ног, только всплески жидкой грязи. Точно армия теней переправлялась на тот берег, пересекала широкую котловину, по которой недавно еще катил свои волны Сиваш.

А оттуда, с берега, где засели враги, то и дело протягивались лучи прожекторов, разрезали над головой мрак и быстро убегали дальше. Иногда высоко в беззвездное небо взлетала ракета, повисала на миг огненным грибом и, медленно осыпаясь, погасая на лету, падала вниз. Ночь то освещалась бледным, тревожным светом, то вновь становилась совсем черной.

Люди шли и шли. Уже передние наши отряды достигли перешейка, который выдается на востоке небольшим мысом,

а задние еще только приближались к середине Сиваша, не прошли еще и половины пути.

И вдруг красноармейцы, которые шагали еще по дну, заметили слева среди густого мрака какую-то светлую полосу: она как будто росла, приближалась и становилась все шире.

Это шла вода!

Погода обманула красных бойцов: ветер изменил направление и гнал теперь воду назад, наперерез отрядам. Бесшумно и безостановочно море заливало дно.

Море догоняло бойцов. Уже ноги их хлюпали в воде, уже орудия стали увязать в грязи. То и дело люди и лошади проваливались в глубокие, незаметные под водой ямы. Ступит в нее всадник, и сразу пропадет вместе с конем, уже не вынырнуть ему из топи. И чем дальше по пути, указанному вехами, тем труднее пробираться вперед.

Ветер гнал воду назад, наперерез красноармейцам.

Сиваш возвращался в свою покинутую на время котловину.

Что было делать? Бежать от воды назад, вернуться на свой берег?

Но, ведь, там, впереди, в темноте, наши передовые отряды уже вступили на мыс, начали бой. Путь для них отрезан. А без подкрепления им на перешейке не удержаться. Нет, повернуть те-

перь обратно, это значит обречь товарищей на гибель, нарушить приказ, предать родину!

И вот бойцы двинулись дальше. Они отклонились немного от пути, обозначенного вехами, и пошли неизведанными местами, где как будто было мельче.

Быстро двигались красноармейцы: ведь, им надо было обогнать воду и выбраться на землю до рассвета, прежде чем белые их заметят.

По счастью, они нашли верное направление. И когда последний красноармеец выбрался из камышей на тот берег, позади за ним расстилалась уже ровная и широкая гладь моря.

Так 15-я и 52-я дивизии перешли Сиваш и ударили в тыл Перекопу.

В это же самое время товарищ Блюхер — в те времена командующий дивизией, а ныне маршал Советского Союза — повел 51-ю дивизию штурмовать Перекоп с суши, в лоб.

У красных на тысячу бойцов приходилось по три орудия, у белых — по двадцати, то есть почти в семь раз больше. Белые были хорошо защищены земляным валом, а наши бойцы двигались по открытой, ровной степи, на виду у противника.

И все-таки они шли вперед. Правда, добраться до вала им в этот день не удалось. Они дошли только до рва, и хотя успели уничтожить тут проволочные заграждения, но продвинуться дальше не могли, атака захлебнулась во рву.

Вечером Блюхер повел снова свои полки на приступ. Сплошная огневая завеса из снарядов и пуль встретила их. На этот раз бойцы подошли к самому валу: всего сорок шагов отделяло их от цели. Но сил для этих последних сорока шагов у красноармейцев нехватало: так велики были потери.

А в полночь Блюхер получил тревожное известие: дивизии, вступившие утром на мыс, хоть еще и продвигаются вперед, но силы их уже истощены непрерывными боями. Подвоза припасов у них нет, им нехватает продовольствия, и, что еще хуже, совсем нет пресной питьевой воды. Если 51-я дивизия не прорвется через Перекоп им на помощь, нашим войскам на мысе грозит гибель.

Тогда, глубокой ночью, Блюхер опять повел дивизию на приступ. Это была третья атака за одни сутки!

Взвилась в небо синяя ракета, и первыми ринулись на штурм наши броневики. Развив предельную скорость, вихрем пронеслись они сквозь артиллерийскую завесу белых. Бойцы бронеотряда вцепились крючьями в колючую проволоку, стали рвать ее на части, открывая проход пехоте.

Батареи белых расстреливали наши бронемашины в упор.

Один из снарядов ударил в головную машину, вывел ее из строя. Из нее, бледный от потери крови, вышел командир бронеотряда: он был ранен осколком снаряда в живот. Сейчас же пересел он на соседний броневик. Вместо того, чтобы отправиться на перевязочный пункт, он продолжал руководить боем.

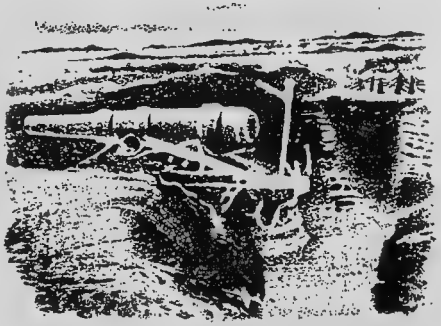
Уже пехота наша бежала к валу, карабкалась на него, засыпала белых ручными гранатами.

На этот раз белые дрогнули. Ошеломленные непрерывными атаками, зная о приближении красных войск и спереди и сзади, опасаясь окружения, они отступили от вала.

Перекоп пал. Но белые не были еще разбиты: они укрылись в Юшуни.

Юшунь была, пожалуй, еще сильнее Перекопа. Прорезанный множеством соленых озер, перешеек превращается тут в водный лабиринт. И в каждом из ходов этого лабиринта таились за своими укреплениями белые.

Все свои силы бросил Врангель на защиту Юшуни: и броневики, и танки, и самолеты, и бронепоезд; даже корабли белых подошли к берегу и стали обстреливать наши войска.



В каждом из ходов этого лабиринта таились белые.

Два дня шли тут бои. Десятого ноября красноармейцы захватили две первые линии юшунских окопов; оставалась третья, последняя.

К тому времени бригада, штурмовавшая эту линию окопов, была уже так утомлена, что красное командование предложило ей отойти на отдых в тыл, уступив место вновь подошедшим войскам.

Но красноармейцы ответили: «Мы отдохнем, когда возьмем Юшунь». И наутро они первыми прорвали юшунские укрепления. А к этому времени еще одна дивизия — тридцатая — перешла Сиваш: ночью, под обстрелом, навела она узенький, в три бревна, мост и по нему переправилась в Крым.

«Мы подошли к проволочным заграждениям. Повсюду в поле лежали трупы людей и лошадей. Валялись не взорвавшиеся мины. И много мертвых тел висело на проволоке. Проходя, мы вглядывались им в лица: здесь погибли наши товарищи красноармейцы 265-го и 266-го полков...»

Да, много красных бойцов погибло в этот день — погибло недаром: они сделали его последним днем гражданской войны.

Белая армия, потеряв надежду, бежала. Наши войска вырвались наконец из горловины узкого перешейка на простор крымских степей и там преследовали белых.

«Победа, и победа блестящая, — писал Фрунзе, — была одержана по всей линии... Революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертоносного огня».

Теперь товарища Фрунзе уже нет в живых; нет на свете и многих других героев тех времен.

Но в Красной армии попрежнему живет тот же «революционный порыв», который дал ей победу под Перекопом. Только сила этого порыва теперь удвоена, — нет, не удвоена, а удесятерена — силой «техники и смертоносного огня».

Эта армия защищает наш труд, охраняет мир, сторожит границы нашей страны.

«Ни одной пяди чужой земли не хотим, — сказал за всех нас товарищ Сталин. — Но и своей земли, — добавил он, — ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

На шлемах наших бойцов горит пятиконечная звезда; это знак того, что они друзья и защитники угнетенных всех пяти материков. Поэтому и у Красной армии есть друзья на всех материках, во всех странах.

Кто такой инвалид Бауэ? Бауэ — австрийский ремесленник, живет он в Вене. Двадцать лет назад он был призван на войну и потерял в бою обе ноги. С тех пор он понял, кому нужна война и кто против нее. Самому ему война теперь уже ничем не грозит; но он не хочет, чтобы те, кому сейчас шестнадцать и семнадцать лет, стали скоро такими же калеками, как он. И вот, услышав, что в Женеве созывается всемирный антивоенный конгресс трудящихся, Бауэ садится на свою трехколесную коляску, ручной велосипед, берется руками за его рычаги и едет в Женеву. Он едет очень долго, много-много

Наши танки.

дней трясется коляска по дорогам, — инвалид Бауэ уже стар, руки его устают работать. К тому же он останавливается во всех городах и всюду, где можно, произносит речи против новой империалистической войны. Наконец он все-таки приезжает из Вены в Женеву.

И тут он узнает, что швейцарские власти запретили конгресс, его пришлось перенести в Амстердам. От Женевы до Амстердама далеко. Но старый Бауэ садится опять в свою коляску, берется руками за рычаги и, напевая песенку, пускается снова в путь. Так колесит он по Европе, из страны в страну, у него нет ног, он одолевает километры руками. В Амстердам он приезжает измученный, но довольный: он поспел к сроку. И вместе с остальными 1199 делегатами конгресса подписывает он клятву: всегда бороться против фашизма, против империалистической войны, отстаивать Советский Союз...

Друзей, разбросанных по всей земле, у Советского Союза, у Красной армии — миллионы.

На шестидесяти пяти разных языках приветствовали Красную армию на последнем конгрессе Коминтерна представители всех народов. Приветствовали ее те, кто борются за освобождение человечества, — коммунисты.

Фашисты напрягают все силы, чтобы покончить с коммунизмом, покончить с марксизмом.

Коммунистам отсекают голову в Германии; вешают в Болгарии; замораживают под струей водокачки в Китае; удавливают на горлодавилке в Японии... Но коммунизма уничтожить не могут.

«Каждый удар по Советской стране ляжет рубцом на нашей спине», — эту песню сложили немецкие рабочие. «Война против СССР — это война против нас самих же», — так говорят японские рабочие.

На суде фашистский министр кричит болгарскому коммунисту Димитрову: «Я вас повешу!». А Димитров спокойно отвечает: «Мне кажется, господин министр, что вы меня боитесь...»

В городе Альтоне, в тюремной камере, немецкий коммунист Август Лютгенс пишет последнее письмо своим детям.

«Дорогие мои дети! — пишет он. — Когда вы получите это письмо, вашего отца больше не будет, его казнят согласно приговору, и, значит, мы больше не увидимся. Но, когда вы подрастете и изучите мировую историю, вы поймете, кто был ваш отец, за что он боролся и умер; и поймете также, почему ваш отец действовал так, а не иначе. Теперь прощайте и растите борцами. Привет вам от вашего отца».

Через два дня после того, как это письмо было написано, Лютгенса вместе с другими коммунистами вывели на тюремный двор. Их уже поджидал палач. Остальных заключенных тоже вывели на двор, чтобы они присутствовали при казни коммунистов.

Палач замахнулся топором. Но прежде, чем его топор опустился, Август Лютгенс успел крикнуть: «Умираю за пролетарскую революцию. Рот фронт!»

Следующим пошел на казнь сапожник Карл Вольф. По обычаю его спросили перед смертью о его последнем желании.

— Я хотел бы в последний раз размахнуться, — ответил Карл Вольф и, не ожидая ответа, дал палачу звонкую пощечину. Через минуту он умер так же мужественно, как Лютгенс...

В Шанхае японские войска расстреливали китайцев.

Японский офицер подозвал к себе первый попавшийся таксомотор: ему нужно было доставить в штаб срочное донесение. Что оставалось делать шоферу-китайцу? Если он откажется везти офицера, японец попросту его убьет и наймет другой автомобиль.

Автомобиль полетел прямо в воду.

И вот шоффер — фамилия его осталась неизвестной — послушно, безо всяких разговоров, повез офицера туда, куда ему было нужно. Автомобиль мчался полным ходом. Молча сидел офицер на кожаном сиденье. И молча сидел шоффер впереди него. Привычной рукой поворачивал он руль немного вправо, немного влево. Лицо его было спокойно и неподвижно. И вдруг, когда автомобиль подъехал к мосту, шоффер повернул руль так круто, что автомобиль с высокой набережной полетел прямо в воду. Всплеск воды, и обоих людей, мчавшихся в автомобиле, не стало...

«Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс, — сказал товарищ Сталин. — А уничтожить рабочий класс невозможно!»

Красная звезда светит над всем миром. Как звезда в небе указывает темной ночью путь кораблям и по ней моряки вычисляют правильный курс, так и красная звезда указывает путь народам!

Что скажут фашисты своим солдатам, когда поведут их против нас? Они не посмеют сказать им правды!

А мы знаем, за что мы будем сражаться.

Мы будем сражаться за то, чтобы поскорее настало время без войн. Мы будем сражаться против власти волчьего закона, за новый, лучший порядок жизни, — социализм, — за новый, человеческий закон.

Мы будем защищать нашу родину — надежду всего человечества.

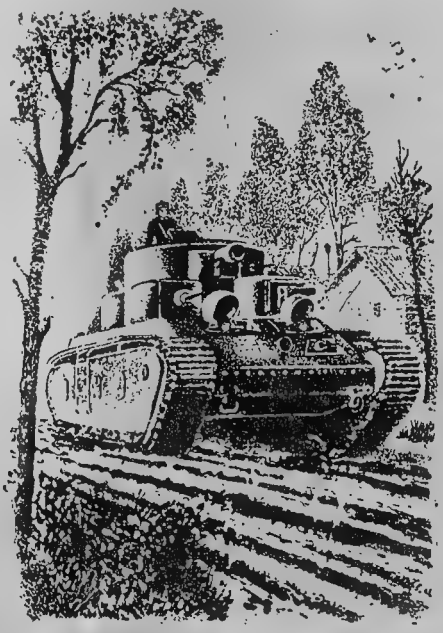
«Мы любим свою родину и готовы ее защищать потому, что она является первым социалистическим государством, где нет

«Нас поведет непобедимый маршал рабочего класса
Клим Ворошилов...»

эксплуатации человека человеком, где не торгуют человеческой жизнью и человеческим достоинством, где расцветает великая дружба миллионов трудящихся различных национальностей.

«Мы любим свою родину и готовы ее защищать потому, что она обильна и богата своими заводами, фабриками, железными дорогами, своей техникой, потому, что земли ее плодородны, ископаемые сокровища ее недр неисчислимы, реки, озера и моря могучи и многоводны, — и все это принадлежит нам...

«Мы выступим на защиту своей родины так же, как в годы гражданской войны выступали донецкие горняки и сальские партизаны, создавшие в царицынских степях «Красный Верден», преградивший путь белогвардейским полчищам, как выступали черноморские революционные моряки, променявшие простор морей на площадки самодельных бронепоездов, противопоставлявшие иноземной технике и трехгранные острия своих штыков и собственное мужество. Нас поведет во всеоружии несокрушимого сознания своих целей и мощной техники непобедимый маршал рабочего класса Клим Ворошилов...



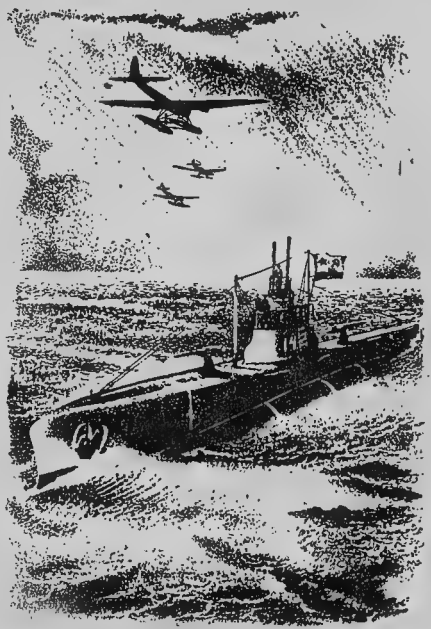
«У нас не дрогнет рука и не изменит глаз в грядущих схватках!»

«В повседневной, будничной работе мы должны закалять свою выносливость, свою силу воли. Пусть путеводным

примером для каждого комсомольца будет великий и светлый образ товарища Сталина, который сквозь строй жандармов шел под ударами с высоко поднятой головой и не проявил перед лицом врага даже малейшего признака слабости.

«Наша задача в будущих боях — побеждать!..

«Мы, молодые советские люди, не боимся смерти на поле брани и не растеряемся под огнем врага. У нас не дрогнет рука и не изменит глаз в грядущих схватках. Мы будем бороться с воодушевлением, со стойкостью, с небывалой храбростью...»



«Наша задача в будущих боях — побеждать!»

Так говорил на съезде Ленинского комсомола генеральный секретарь его Центрального комитета товарищ Косарев.

Он говорил то, что думаем и чувствуем все мы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В этой книге вам, наверное, встретились незнакомые имена и события, упоминания о таких вещах, о которых хотелось бы узнать подробнее.

Так как неудобно было бы прерывать ход рассказа примечаниями, то мы решили собрать все разъяснения и дополнения вместе и вынести их сюда, в особый отдел.

Стр. 7. **«Солдаты! — воскликнул император и указал на деревья перед своим дворцом, — не успеют пожелтеть и опасть эти листья, как вы уже вернетесь домой с победой!»**

Вильгельм II очень любил произносить речи перед войсками, и все его речи были всегда необычайно хвастливы и воинственны. Так, например, отправляя в 1900 году германских солдат в Китай, он напутствовал их такими словами: «Пощады не давать, пленных не брать! Воюйте так, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не осмелился косо взглянуть на немца!»

Несмотря на всю свою заносчивость на словах, на деле Вильгельм II был трусом. Достаточно одного примера: он очень часто говорил речи о значении воздушного флота, но сам ни разу за всю свою жизнь не решился сесть на самолет и совершить хотя бы пятиминутный полет: ему это казалось слишком опасным.

Стр. 13. **«Все время держимся. Подвергаемся очень опасной атаке огнем».**

Комендант форта Во имел в виду германские огнеметы. Огнеметы были

изобретены одним германским пожарным незадолго до мировой войны. Они выбрасывают под большим давлением струи горящего масла.

Стр. 16. **Кронпринц, прозванный своими же солдатами палачом...**

«Massenmörder» — так прозвали его германские солдаты; по-русски, если перевести буквально, — «массовый убийца».

Кронпринц командовал во время мировой войны несколькими германскими армиями; считалось, что он находится на фронте, делит с солдатами их военные труды и опасности; на самом же деле он за все время войны никогда не подъезжал к передовым позициям ближе, чем на пушечный выстрел.

Стр. 18. **На седьмой день в бой вступили сверхтяжелые орудия.**

Как дать представление о силе этих орудий? Представьте себе, что скорый поезд налетает с полного хода на стену; это будет, конечно, сокрушительный удар; но снаряд сверхтяжелого орудия ударяет с еще большей силой.

Стр. 23. **Генерал Саррайль был не из тех людей, которых можно утомить уступками.**

После мировой войны генерал Саррайль занял пост верховного комиссара в Сирии. Там он принялся за дела так же горячо и рьяно, как когда-то в Греции. Результаты его правления сказались скоро: в 1925 году против него восстали арабские племена. Генерал Саррайль послал самолеты бомбардировать с воздуха арабские города. Восстание было подавлено. Однако само имя Саррайля стало настолько ненавистно населению Сирии, что французское правительство сочло наиболее благоразумным убрать Саррайля: ему было предложено уйти в отставку.

Стр. 34. **Половина всего алюминия в мире принадлежит Меллону.**

Американский банкир Меллон — один из самых богатых людей на земле. Он был бессменным министром финансов Соединенных Штатов при трех президентах: Гардинге, Кулидже и Гувере.

Стр. 35. **Поэтому и стараются они любым способом пробиться в чужие страны.**

Вот несколько примеров.

На английских заводах изготовляют прядильные машины очень

маленького размера, как будто для карликов. На первый взгляд непонятно, кому могут пригодиться такие маленькие машины. Оказывается, их везут в Китай: там на фабриках работают дети.

На германских фабриках искусственных зубов выделывают черные зубы. Зачем? Их отправляют на Малайские острова, там некоторые племена предпочитают черные зубы.

На японских тканях часто ставится фальшивая фабричная марка: английская или французская. Зачем это делается? Японские ткацкие фабриканты стараются таким образом обойти сбор пошлины, легче ввезти свои товары за границу и продать их с большей прибылью.

Стр. 39. **«Когда мы говорим о новых землях в Европе, мы имеем в виду в первую очередь Россию».**

На происходившем недавно в Нюренберге фашистском съезде Гитлер произнес еще более наглую речь. Он открыто заявил: «Германии нужна вся Украина и Урал».

Стр. 39. **Так говорит генерал Араки.**

Генерал Араки командовал японской армией в Манчжурии; впоследствии он был японским военным министром.

Стр. 42. **Пакт Келлога.**

Пакт этот написан золотым пером на особо прочной, специально выпущенной для этой цели бумаге. Золотое перо хранится под стеклом в Парижском музее; бумага с подписями и печатями хранится в Вашингтоне. А сам пакт — обязательства, которые записаны на этой бумаге, — не выполняется ни одной из фашистских стран.

Стр. 49. **22 июля 1917 года отряд английских солдат был послан на передовую линию, чтобы установить там газометы.**

Газометами были названы вновь изобретенные орудия, выпускающие мины, начиненные ядовитыми веществами. Несколько сотен, а иногда тысяч газометов соединяли электрическим проводом и давали залп. Земля вздрагивала как при землетрясении, огненная полоса молнией пробегала по фронту — отблеск выстрелов. Тысячи мин, жужжа и оставляя за собой сверкающие следы, прорезали воздух; облако ядовитого газа расплывалось внезапно над неприятельскими окопами.

Изобрел газометы английский инженер Ливенс. Интересна причина, побудившая его к постройке газомета.

7 мая 1915 года одна из германских подводных лодок потопила на пути из Америки в Европу огромный пассажирский корабль «Лузитанию». Погибло очень много народу, в том числе ребенок Ливенса. В этот день Ливенс поклялся отомстить Германии. Изобретение газомета и было его местью.

Стр. 51. **Иприт был высшим достижением химической войны.**

Не нужно думать, что иприт и остальные отравляющие вещества были изобретены во время войны. Нет, большинство из них было известно уже давно. Иприт, например, был открыт задолго до мировой войны, фосген за сто лет до нее, а хлор еще раньше. Но именно в двадцатом веке, перед мировой войной, были найдены способы вырабатывать все эти яды в больших количествах. И именно во время мировой войны были они впервые применены против людей.

Стр. 51. **Во всех странах ученые стали исследовать иприт.**

Чтобы выяснить точно действие нового яда, установить, при какой концентрации он сравнительно безвреден и при какой — смертелен, один американский студент вызвался войти без противогаза в камеру, наполненную парами иприта. Он просидел в ней сорок пять минут. Вместе с ним впустили туда мышь, кролика и собаку. Через сорок пять минут камеру открыли. Животные вскоре издохли. Студент же почувствовал себя плохо только через шесть часов. К вечеру он ослеп. На другой день утром снова начал видеть, но глаза у него сильно болели. В продолжение тридцати шести часов он не мог заснуть ни на минуту. На третий день на коже у него проступили ожоги, вздулись пузыри. Только через семь дней ему стало немного легче, и через три недели он начал наконец поправляться.

Стр. 54. **Крупп фон Болен — король черных металлов.**

Крупп был — да и теперь остается — самым богатым человеком в Германии. Вильгельм II был шестым по своему богатству человеком в Германии.

Стр. 55. **Какой будет химическая война теперь? На этот вопрос пытается ответить английский генерал Фуллер.**

Генерал Фуллер был во время мировой войны начальником штаба танкового корпуса. После войны он был одно время помощником начальника британского генерального штаба.

Генерал Фуллер — фашист. В его книгах имеются особые отделы, посвященные колониальным и гражданским войнам. Генерал Фуллер советует разгонять рабочие демонстрации газовыми бомбами. При восстаниях в колониях он рекомендует отравлять с самолетов колодцы, которыми пользуются туземные племена.

Оба эти указания Фуллера претворены в жизнь. И в Европе и, особенно, в Америке теперь часто применяют отравляющие вещества для разгона рабочих демонстраций. А во время итало-абиссинской войны итальянские фашисты, действительно, стали отравлять абиссинские колодцы с воздуха.

Стр. 60. **Вот для чего употребляли чихательные и слезоточивые газы: чтобы проложить дорогу убивающим газам.**

Привожу здесь запись германской химической атаки от 16 июня 1918 года.

«Середина ночи. Перестрелка давно прекратилась. Солдаты спокойно спят в окопах. Внезапно их будит ураганный артиллерийский обстрел. Снаряды летят без передышки, одни с чихательными веществами, другие с фосгеном. Чихательные мешают проснувшимся людям надеть противогазы. Фосген губит тех, кто замешкался. Всего две минуты продолжается этот бешеный обстрел. Потом пушки начинают стрелять совсем по-иному: они шлют теперь снаряды гораздо реже, с ровными перерывами, как по часам. Равномерно, не торопясь, шлют они слезоточивые снаряды. Эти снаряды никого не убивают: зато они не дают возможности снять хотя бы на секунду противогаз. Так проходит четыре долгих часа. И вот небо уже начинает светлеть. И пушки вдруг смолкают. Настает торжественная тишина. Так хочется теперь снять с себя маску, вздохнуть полной грудью свежий утренний воздух. Некоторые солдаты уже решаются на это. И как раз в эту минуту проносится новый ураган снарядов, опять с чихательными веществами. Этот последний обстрел добивает неосторожных и недисциплинированных».

Стр. 61. **Науку одинаково удобно использовать и на помощь людям, и на гибель им. Все зависит от того, в чьи руки она попадет.**

Примером этого могут служить открытия знаменитого германского химика Габера, за которые он получил высшую международную награду — Нобелевскую премию. Открытия эти имеют отношение и к сельскому хозяйству и к войне.

Для того чтобы изготовить взрывчатые вещества, нужно иметь в достаточном количестве азотистые соединения — «связанный азот». Германия своего «связанного азота» до мировой войны не имела, она его получала издалека, везла через океан.

Когда в 1914 году английский флот блокировал Германию, у всех появилась надежда, что войне скоро придет конец; Германия вынуждена будет в ближайшее время сдаться: ей неоткуда достать «связанный азот». Но надежда эта не оправдалась. Проходили месяцы и годы, а Германия не испытывала никакого недостатка во взрывчатых веществах. Все чувствовали, что тут кроется какая-то тайна.

Теперь мы знаем, в чем состояла эта тайна: профессор Габер нашел способ, как создавать искусственно азотистые соединения; он научился «связывать» тот азот, который всегда имеется в воздухе. И это свое великое открытие он передал тресту «Фарбениндустри».

Так это открытие было использовано для империалистической войны. Но, ведь, его можно было использовать и иначе: «связанный азот» пригоден не только для выработки взрывчатых веществ, его также применяют на полях, как ценнейшее удобрение.

Вычислено, что того количества «связанного азота», которое было истрачено в Верденском сражении в виде взрывчатых веществ, хватило бы, — если бы использовать его как удобрение, — на то, чтобы удвоить урожай во всей Европе.

Стр. 64. **Воздушная армия не должна тратить времени на борьбу с войсками противника: она должна обрушиться прямо на неприятельский тыл.**

Мысль эту высказал впервые итальянский фашистский генерал Дуэ. Он утверждал, что у воздушного флота имеется только одна-единственная задача: бомбардировка неприятельских городов. На этой задаче нужно сосредоточить все усилия и не отвлекаться от нее ничем. Не стоит, например, ввязываться в бои с неприятельскими самолетами, гораздо

выгоднее избежать с ними встречи, постараться разминуться с ними в воздухе.

На это генералу Дуэ возражали: если неприятельские военные силы останутся в целости и сохранности, то как же в таком случае будет достигнута победа над неприятелем?

Генерал Дуэ отвечал притчей о вороньих гнездах.

— Представьте себе, — говорил Дуэ, — что в городском парке развелись вороны и вы решили этих ворон во что бы то ни стало истребить. Как вы поступите? Станете у дверей своего дома с ружьем и будете ждать, пока мимо пролетит ворона? Или начнете рыскать наугад по городу, гоняясь за первой показавшейся в воздухе вороной? Ясно, что ни тем, ни другим способом вы никогда не достигнете своей цели.

Единственный правильный способ: забраться поскорее в парк, перестрелять там ворон, разрушить все их гнезда, уничтожить их яйца.

Таким же точно способом легче всего истребить и неприятельские самолеты. Не гоняться за ними в воздухе, а, проникнув в глубь страны, разрушить бомбами их гнезда — аэродромы; уничтожить яйца, из которых они выходят, — авиационные заводы; взорвать склады горючего и тем самым лишить неприятельские самолеты необходимого им питания.

Когда все это будет достигнуто, тогда неприятельский воздушный флот перестанет существовать. Пусть даже у противника останется какое-то количество самолетов; все равно, эти самолеты, не имея ни аэродромов, ни запасов горючего, ни ремонтных мастерских, будут совершенно бессильны.

Все это относится к самолетам. Но такое же рассуждение применимо и ко всей неприятельской армии. Ведь, всякая армия нуждается в подвозе продуктов питания, в подвозе оружия и снарядов. А если железные дороги в тылу будут разрушены, подвоз прекратится. И армия окажется бессильной.

Так генерал Дуэ приходит к выводу: в будущей войне основным способом борьбы будут воздушные налеты на города противника. Иными словами: если хочешь достичь скорейшей победы, — нападай прежде всего не на армию противника, а на его города, убивай не бойцов на фронте, а безоружных жителей в тылу.

Стр. 66. **Нет, налеты не причинили Парижу большого вреда.**

Много бомб разорвалось, не задев никого. Иные ранили по одному

два человека. Только одна бомба убила действительно много народу: она упала в церковь во время богослужения и разорвалась в самой гуще толпы.

Стр. 68. **Париж подслушивал приближение воздушного врага электрическими ушами — звукоулавливателями.**

Звукоулавливатель не только улавливает издалека гудение самолета, но еще и дает возможность по этому гудению определить, где именно находится сейчас самолет. Чтобы понять, как это делается, нужно сначала объяснить, как мы вообще, в обыденной жизни, распознаем направление звука.

Каждый из нас, даже с закрытыми глазами, может обычно угадать, откуда до него донесся звук, справа или слева. Это угадывание происходит так легко и быстро, что мы сами не замечаем, чем же мы собственно тут руководствуемся. Психологи и физиологи выяснили, однако, в чем тут дело. Оказывается, когда звук доносится слева, то мы улавливаем его сначала левым ухом, а правым ухом чуть позже. Если же звук доносится справа, то происходит, конечно, обратное. Вот по этой-то ничтожной разнице во времени и судим мы о том, откуда пришел звук. И поэтому, именно, человек, оглохший на одно ухо, лишается такой способности.

Надо все же сказать, что мы судим о направлении звука очень неточно: слишком уж ничтожна разница во времени. Ведь, расстояние между обоими ушами совсем невелико: только шестнадцать сантиметров. Другое дело, если бы одно ухо отстояло от другого не на сантиметры, а на метры: тогда мы могли бы судить гораздо точнее.

Тут-то и приходит на помощь нашим ушам звукоулавливатель: его «уши» — рупоры — отстоят друг от друга на три метра.

Боец, работающий со звукоулавливателем, называется слухачом. Чтобы быть хорошим слухачом, надо иметь очень тонкий слух, причем на оба уха нужно слышать одинаково хорошо.

Стр. 68. **Париж глядел в ночное небо электрическими глазами — прожекторами.**

От обычной лампы свет расходится во все стороны и поэтому слабеет очень быстро, пройдя небольшое расстояние. В прожекторе же за лампой стоит вогнутое зеркало: свет не рассеивается, а идет узким ярким столбом. Обычную лампу можно сравнить с фонтаном, который мечет брызги

во все стороны зараз; а прожектор можно сравнить с брандспойтом, дающим узкую сильную струю.

Стр. 69. **Германский цеппелин «LZ-97» только что пытался бомбардировать Лондон...**

Мы располагаем записками одного из участников этого налета. Вот они:

«Последним быстрым взглядом прощаемся мы с нашей страной в блеске вечернего солнца. Моторы с ревом начинают свою работу. Итак, мы идем в Англию.

Быстро надвигаются сумерки. Побережье мы пересекаем уже ночью. Часами длится путь через пролив. Под нами темно-зеленое, почти черное море. Кругом черная, грозная ночь. Только на небе миллионы звезд, они отражаются внизу, в волнах.

Но вот уже не отражения звезд, а какие-то красные точки загорелись далеко внизу. Это сторожевые суда и патрульные лодки: с неба мы заглядываем в них сквозь их трубы глубоко, в самые котлы. Кроме них — ни одного огонька. Глухая тьма кругом и молчание. Мы одни на высоте нескольких тысяч метров над бесконечной водной пустыней. Гудят однообразно моторы, покачиваются, содрогаясь, гондолы и троссы.

Мы проверяем курс, мы напряженно вглядываемся в ночь. Когда же покажется английский берег? Не видно ни одного маяка. Но вот из-за туч показывается на миг луна и при ее серебристом свете выступает побережье Англии. Это Блеквотер. До Лондона еще больше двух часов.

Опять мы стоим у окон гондолы и сравниваем при свете луны очертания земли с картой. Внизу мертвая тишина. Англия искусственно погружена в полнейший мрак. Не слышно ни одного выстрела, ни один прожектор не сверкнет. Англичане не хотят выдавать раньше времени местонахождения своих зенитных батарей.

Вдали блеснул огонек, за ним другой. По нашим расчетам, мы должны плыть сейчас прямо над Лондоном. Громадный город великолепно затемнен! Но снова показывается луна и помогает нам разглядеть кварталы и улицы. Там все еще тихо.

Командир становится у распределительной доски, где производится выбрасывание бомб. Включенные им электрические лампочки вспыхивают тусклым разноцветным светом. Он протягивает руку к рычагу. На Лондон падает первая бомба,

Мы перевешиваемся через борт и ждем. Как долго, страшно долго тянется время. Наконец слышен звук разрыва.

Вторая бомба, зажигательная. Что-то вспыхнуло внизу, загорелось, и мы по этому огню на земле можем теперь вычислить направление ветра и скорость. Один из нас сбрасывает бомбы, другой следит за взрывами, а третий стоит за навигационным столом с циркулем и линейкой.

Но мы не успеваем кончить нашей работы. Вдруг внизу что-то вспыхивает бесчисленными красными огнями, летит вверх, лопается вокруг нас с таким треском, что мы слышим его даже сквозь гул пропеллеров. В тот же момент вскидываются вверх лучи прожекторов, нащупывают нас своими длинными паучьими руками справа, слева, со всех сторон. Еще минута, и мы попадаем в центр светового конуса прожектора...

Мы потеряли счет времени. Мы то убегаем от света прожекторов, обманывая их переменой направления, то натыкаемся опять на них. Дико проносятся они мимо, перекрещиваясь, останавливаются и вновь начинают метаться по небу... Мы сами не понимаем, как удается нам в конце концов уйти счастливо от обстрела.

Лондон уже далеко позади. В гондоле темно, ни зги не видать, только чуть светятся своей фосфорической окраской стрелки на измерительных приборах. А в глазах еще плывут разноцветные круги: след ослепительного света прожекторов.

Мы снова над морем. Рулевой протирает глаза, щурится, зажигает маленькую лампочку над своими инструментами. В гондоле становится светло, блестит алюминиевая отделка.

Но тут-то и начинается ад. Военные суда у устья Темзы заметили нас. Один за другим летят вверх снаряды. Гранаты, разрывные и зажигательные, свистят около нас совсем близко. Лишь спустя десять минут стрельба затихает.

Опять идем мы несколько часов темной, безмолвной ночью. Идем уже над материком, между Брюгге и Гентом, когда пулеметчик с верхней платформы докладывает вдруг о появлении двух неприятельских самолетов. Зная наш путь домой, самолеты решили нас тут подстрелить.

Трещит пулемет наверху, на нашей платформе. Светящиеся пули летят, минуя нас, в глубину. Недолет!

Командир отдает приказание: «Руль высоты!» Высота теперь наше единственное спасение. Самолеты летят быстрее нас, но скорость подъема у них

меньше нашей. Они отстают, но продолжают погоню. Вдруг наши пулеметы снова открывают стрельбу: самолеты догнали нас. Нельзя ни в коем случае допускать их выше дирижабля. Если мы пойдем сейчас вниз, мы погибли.

Мы подымаемся выше. Газ бешено вытекает из баллонов. Хватит ли у дирижабля сияы еще подняться? Трещат пулеметы. Скачут зажигательные ракеты. Вдруг один из самолетов поворачивает и скользит вниз: у него прострелен мотор. Другой, наверное, израсходовал все свои патроны: он отходит в сторону и исчезает.

Счастливо же мы отделались на этот раз!»

Стр. 71. **Дымовые аппараты заволакивают бронепоезд, танк или отряд бойцов густой темнотой.**

Не нужно думать, что эти аппараты выпускают непременно черный дым: гораздо чаще пользуются на войне белым дымом, который прикрывает войска как бы завесой тумана.

Стр. 72. **В будущей войне все изменит свой цвет и вид.**

Один из самых простых и обычных способов маскировки — пятнистая раскраска предметов (камуфляж). Камуфлированный броневик или танк издали трудно узнать: благодаря пятнистой раскраске они приобретают необычное, причудливое очертание.

Одежда серо-зеленого, «защитного» цвета, которая введена теперь в войсках всех стран, также служит целям маскировки: боец в такой одежде мало заметен среди травы и кустов.

Стр. 78. **Зенитные батареи начинают расстреливать мечущийся самолет.**

Зенитные батареи обычно связаны проводами с прожекторами, звукоулавливателями, зрительными трубами и специальными аппаратами, служащими для определения расстояния. Все эти приборы, посылая электрические токи, сообщают свои показания счетным машинам; эти машины, сами, без вмешательства человека, производят мгновенно нужные вычисления и, в свой черед, заставляют особые моторы придать стволам орудий нужный наклон и поворот. Таким образом орудия как бы сами собой нацеливаются на самолет, боец должен только внести небольшие поправки. Благодаря всему этому достигается большая быстрота и точность стрельбы.

Стр. 78. **Он атакует противника из «мертвого угла».**

И у самолета и у танка орудия не могут стрелять прямо вниз: мешают борта. Поэтому-то и получается небольшой кусок необстреливаемого пространства. Этим во время гражданской войны в Испании пользовались иногда солдаты правительственных войск при нападении на неприятельские танки. Спрятавшись, они поджидали приближения танка, и затем выскакивали внезапно из прикрытия, подбегали к танку как можно ближе и бросали ему под гусеницы связки ручных гранат. Так вывели они несколько фашистских танков из строя. Конечно, этот способ борьбы с танками требует огромной ловкости и полного бесстрашия.

Впервые такой способ борьбы с танками был применен у нас в 1920 году, во время нашей гражданской войны.

Стр. 81. **Наши летчики побивают мировые рекорды.**

За один только 1936 год советские летчики установили четырнадцать новых мировых рекордов. 1937 год еще не кончен, и поэтому подсчитывать рекорды за этот год еще рано. Но три небывалых, изумительных рекорда можно назвать уже сейчас: это — полет наших летчиков на Северный полюс, полет Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова, Белякова и Громова, Юмашева, Данилина по маршруту Москва — Америка через полюс.

Стр. 81. **Воздушные налеты будут теперь гораздо опаснее, чем они были прежде.**

Эти предположения целиком подтвердил опыт гражданской войны в Испании. Бомбами фашистских самолетов была разрушена почти четверть всего Мадрида.

Но как раз опыт этой войны показал также огромное значение истребителей для противовоздушной обороны. Как только испанское правительство приобрело большое количество истребителей, вред от воздушных бомбардировок сразу уменьшился: истребители вылетали навстречу фашистским самолетам, вступали с ними в бой, не подпускали их к городу.

Стр. 87. **Они умеют дышать в противогазе.**

Чего можно достичь в этом отношении правильной тренировкой, показывает пример одного ленинградского рабочего, члена Осоавиахима. Он научился не только работать в противогазе, но и гулять, заниматься

спортом, даже спать в противогазе. Восемь суток провел он в противогазе, снимая его только на время еды.

Стр. 88. **Это знает тот, кто изучил правила противохимической обороны.**

На всякий случай даю тут ответы на заданные в тексте вопросы. Если вам на кожу попадет капля иприта, то вы должны сейчас же снять ее осторожно ваткой, смоченной в керосине или бензине. Но помните: ни в коем случае нельзя размазывать иприт по коже, втирать его! При отравлении некоторыми чихательными веществами помогает вдыхание паров хлора в ничтожной концентрации: то же средство, которое применяют и при гриппе. О том, как производят искусственное дыхание, говорить не буду: это надо изучить не на словах, а на практике.

Стр. 91. **Воздушный флот.**

Самолеты были впервые использованы для разведки в 1912 году, во время войны Италии с Турцией. В следующем, 1913 году на английских маневрах был произведен любопытный опыт: летчики сбрасывали с неба на землю апельсины, стараясь попасть в цель. А в 1914 году началась мировая война, и летчики всех стран сбрасывали теперь уже не апельсины, а настоящие бомбы.

Стр. 96. **Батарея берет цель «в вилку».**

Если один выстрел дал небольшой перелет, а следующий — недолет, то обычно нетрудно уже установить, при каком прицеле снаряд может попасть в цель; это и называется: взять цель «в вилку».

Стр. 98. **Самолеты взмывают в небо и проделывают в высоте виражи, спирали, штопоры, восьмерки, перевороты через крыло, мертвые петли, горки.**

Все это — фигуры высшего пилотажа, так сказать, «воздушная акробатика». Летчики изучают эти фигуры не только из спортивного интереса: они очень важны при воздушном бое; они помогают летчику увернуться от выстрелов противника, быстро отступить и потом вновь броситься в атаку. Искусство высшего пилотажа и развилось как раз во время мировой войны.

Одним из первых, кто отважился во время войны на воздушный бой,

был русский летчик Нестеров. Он решился на безумно смелую попытку: протаранить в воздухе своим самолетом самолет врага. Ему, действительно, удалось таким способом сбить неприятельский самолет, но и сам он при этом погиб.

Стр. 100. **Летчику нужно научиться воздушному зрению — «аэрозрению».**

Тут на помощь глазам летчика приходит фотоаппарат: он различает такие подробности, которые взглядом никак не уловить. Так, например, с высоты пяти километров никто, будь у него даже самые зоркие глаза, не разглядит человека на земле. Но на снимке, сделанном с высоты пяти километров, можно разглядеть не только человеческие фигурки, но даже,— если рассматривать снимок через лупу, — след человеческой ноги на росистой траве.

Имеются, однако, у фотоаппарата два важных недостатка: он не различает цветов, и он дает плоскостное изображение, — глядя на фотоснимок, часто невозможно решить, что находится ближе и что дальше.

Фотоизобретатели сумели устранить оба эти недостатка.

— Почему мы различаем, что одно дерево отстоит от нас дальше, а другое ближе? — рассуждали фотоизобретатели. — Потому, что у нас два глаза и мы смотрим сразу обоими. Один глаз видит дерево со своего места так, а другой чуть иначе. По этой-то ничтожной разнице мы, сами того не замечая, и судим о расстоянии. А фотоаппарат заменяет, ведь, один глаз, а не оба.

Фотоизобретатели нашли способ, как обойти это затруднение: они решили делать с самолета два снимка подряд. Самолет все равно летит, с ним летит и фотоаппарат, — так что снимки получаются чуть-чуть различными. Теперь надо посмотреть на оба снимка так, чтобы один увидеть только правым глазом, а другой только левым. Для этого имеется простой прибор — стереоскоп: сразу на снимке все оживет, вырастут горы, углубятся впадины, все станет на свое место.

Оставалась другая задача: добиться, чтобы фотоаппарат стал различать цвета. Фотоизобретатели справились и с ней: они изобрели панхроматические пластинки. Такая пластинка различает не только цвета, но даже оттенки цветов на земле. Если, например, пушка выкрашена зеленой краской, под цвет травы, это не обманет панхроматическую пластинку:

трава на ней выйдет ясно, а зеленая краска оставит на пластинке мутные следы, по которым сразу можно будет открыть маскировку.

Так фотоаппарат догнал глаз. Но фотоизобретатели не остановились на этом. Они решили перегнать глаз. Они построили фотоаппарат, который снимает в темноте.

Это может показаться невозможным: ведь, если нет света, то на пластинке ничего не отпечатается. Это верно. Но все дело в том, что темнота-то бывает разная: есть темнота настоящая, когда никакого света нет. А есть ненастоящая, такая же черная, но пронизанная на самом деле невидимым светом. Это — ультрафиолетовая темнота или инфракрасная темнота. Для нас-то все равно, что настоящая, что ненастоящая темнота: те лучи, которые находятся за фиолетовыми, и те, что за красными, никак не действуют на наш глаз. Но пчелы, например, видят больше, чем мы: они различают еще какие-то цвета там, где для нас все сливается в черноту.

В 1933 году впервые были изготовлены такие пластинки, на которые действуют инфракрасные лучи. Впервые была произведена киносъемка в темноте, во мраке, тогда, когда ни один человек ничего не видит...

Представьте теперь: противник решил предпринять утром неожиданную атаку. Ночью, под покровом темноты, совершают его войска последние передвижения. Тысячи людей движутся бесшумно, как тени. Приказания отдаются шопотом. Никто не чиркнет спичкой. Ведь, весь успех зависит от внезапности. Вся надежда — на темноту.

Они и не подозревают, что покров темноты с них на самом деле сорван. Мощный прожектор обливает войска невидимыми инфракрасными лучами. Кто-то снимает их сверху. И на пластинке все отпечатывается ясно, как днем!

Эта задача, фотографирование в темноте, была решена научно-исследовательским кинофотоинститутом в СССР.

Стр. 101. **Пробовали ли вы когда-нибудь разбирать шифрованное письмо?**

Шифрованными письмами обычно сносятся между собой шпионы и диверсанты, проникшие в тыл противника. Чтобы их выследить и переловить, нужно уметь расшифровывать их секретную переписку.

Лучшим расшифровщиком времен мировой войны был англичанин Хетчингс. Английское военное командование очень ценило его работу

и считало, что он приносит Англии не меньшую пользу, чем четыре дивизии на фронте — сорок тысяч человек!

Германским шпионажем во время мировой войны руководили: живший в Испании капитан фон Крон, племянник генерала Людендорфа, и живший в Америке фон Папен (ныне — германский посол в Австрии). По их указаниям германские шпионы и диверсанты выведывали военные тайны противника, устраивали взрывы, поджоги и отравления.

Мы должны помнить, что капиталистические и в первую очередь фашистские страны стараются подослать в нашу страну как можно больше своих шпионов и диверсантов. Мы все должны быть бдительны, должны уметь распознавать шпионов, диверсантов, вредителей, агентов иностранных разведок — троцкистов, бухаринцев и прочих предателей нашей родины — и уничтожать их.

Стр. 104. **Танки были изобретены в 1915 году.**

Это не совсем точно. Вернее было бы сказать: в четвертый раз танк был изобретен в 1915 году.

Первый проект танка находится в архиве английского военного министерства; на нем краткая резолюция того генерала, к которому этот проект попал на отзыв: «По-моему, это бред сумасшедшего!» Проект относится к 1912 году. Почти в то же самое время один австрийский офицер также составил проект танка; и его проект был забракован, и о нем скоро забыли. Наконец, уже во время мировой войны, ничего не зная о предшествующих работах, танк одновременно изобрели английские и французские инженеры. Таким образом, за четыре года танк был изобретен четыре раза.

Это совсем не так уж удивительно. Ведь танк представляет собою как бы комбинацию автоброневика (броня и орудия) с гусеничным трактором (мотор и гусеницы). Но и автоброневик и гусеничный трактор были изобретены незадолго до мировой войны; мысль о танке, можно сказать, назрела, и нужны были только подходящие обстоятельства, чтобы ее осуществить.

Стр. 106. **Генерал Людендорф.**

С сентября 1916 года и вплоть до окончания мировой войны генерал Людендорф был фактически германским верховным главнокомандующим.

Это он в 1917 году настоял на объявлении Германией беспощадной подводной войны. Это по его указанию в 1918 году, уже после заключения Брестского мира, германские войска были брошены на Украину. Это он, совместно с Круппом и Дюнсбергом, назначал и смещал во время войны германских министров.

После поражения Германии Людендорф бежал за границу. Впоследствии он вернулся в Германию и в 1923 году пытался вместе с Гитлером произвести фашистский переворот. Недавно фашистская Германия торжественно праздновала семидесятилетие генерала Людендорфа.

Стр. 113. **У линейного корабля своя электростанция, своя радиостанция, свой водопровод, своя телефонная сеть, обсерватория, отопление, склады.**

Это не совсем точно. Вернее было бы сказать: у линейного корабля не одна, а целых четыре электростанции, четыре радиостанции, четыре независимые друг от друга водопроводные системы, четыре телефонные сети и т. д. Говоря короче — линейный корабль обладает четырехкратным запасом живучести: если в бою неприятельскими снарядами будут разрушены даже три электростанции, все равно, у него останется еще четвертая, и он сможет сражаться дальше.

Стр. 114. **Подводные снаряды называются торпедами.**

Торпеда устроена очень сложно: у нее имеются и гребные винты, и рули, и особые аппараты, заставляющие ее нестись все время прямо и на одной и той же глубине; ее нужно только вытолкнуть в воду, а дальше она пойдет уже сама силой заключенного в ней сжатого воздуха; весит каждая торпеда около тонны, а стоит десятки тысяч рублей.

Надо, впрочем, упомянуть, что сейчас в Японии пробуют строить упрощенные, дешевые торпеды без автоматического управления ходом: движением такой торпеды должен управлять находящийся в ней человек. Нечего говорить о том, что человек, севший в торпеду, обречен на верную смерть: если торпеда промахнется, он утонет, а если она попадет в неприятельский корабль, человек, сидящий в торпеде, взорвется вместе с ней.

Стр. 120. **«Скорость — 26 узлов, курс ост-зюд-ост. Прицел — 80 кабельтовых! Целик — десять влево!»**

Морской узел — количество миль, пройденных кораблем за один час. Морская миля — 1852 метра. Кабельтов — одна десятая часть морской

мили. Целик — подвижная часть прицельного прибора, служит для уточнения прицелки. Ост — восток, зюд — юг.

Стр. 122. **Адмирал Шеер посылал свои приказы по радио, англичане эти приказы перехватили и расшифровали.**

В начале войны один из германских кораблей наткнулся, неподалеку от русского побережья, на мину и потонул. Русские водолазы спустились на дно моря, обшарили затонувший корабль и нашли в одной из его кают спрятанную в стальной ящик книгу — германский шифровальный код. Русское правительство передало его английскому адмиралтейству. Пользуясь этим кодом, англичане и расшифровали радиоприказы адмирала Шеера.

Стр. 126. **Однако и этот маневр не удался Джеллико.**

После Ютландского боя Джеллико был снят с должности главнокомандующего флотом; сделано это было так, чтобы отставка не носила для него ничего обидного: его назначили сейчас же морским министром. По окончании войны его возвели в графы и выдали ему денежную награду в размере 500 000 фунтов стерлингов (около 5 000 000 рублей).

Стр. 127. **Иногда лодка всплывала вверх и, высунув из воды свой стеклянный глаз — перископ, — оглядывала море.**

Перископ подводной лодки — толстая, длинная, метров в десять, труба. Если бы труба эта была полой, то через нее можно было бы увидеть только кусок неба вверху. Но в трубе находится целая система стекол: призм и линз. Эти стекла схватывают изображение окружающего моря и, посылая его друг другу под разными углами, направляют его, в конце концов, в глаз наблюдателя. Таким образом, луч света идет в перископе не прямо, как обычно, а, меняя несколько раз свое направление, достигает глаза как бы рикошетом.

Стр. 130. **В апреле 1917 года подводные лодки потопили триста кораблей.**

Всего за мировую войну германские подводные лодки потопили шесть тысяч кораблей. Больше всех свирепствовала лодка «U-35»: она одна уничтожила 187 торгово-пассажирских кораблей и восемь военных.

Стр. 131. **Радист выстукивал фальшивый сигнал о помощи «SOS».**

Сигнал этот происходит от начальных букв английской фразы «Save

our souls» — «Спасите наши души!», или, проще, — «Спасите нас!» «SOS» подается только в случае самой крайней нужды, когда корабль тонет. Приняв такой сигнал, всякое судно, находящееся поблизости, сворачивает с пути и спешит на помощь погибающим.

Англичане не были первыми, кто стал злоупотреблять этим сигналом. Еще до них ложные сигналы «SOS» стали подавать немцы. Германский военный корабль «Мевe» уничтожил таким способом несколько английских судов: он подавал сигнал «SOS», а потом, когда к нему подходили корабли, чтобы помочь ему, он их топил.

Стр. 133. **Никогда еще английские и американские верфи не строили столько кораблей.**

В 1917 году, перед вступлением Соединенных Штатов в мировую войну, на их верфях работало двадцать пять тысяч рабочих; а через год — уже триста тысяч рабочих, в двенадцать раз больше.

Стр. 146. **В России не было людей, которые бы умели сделать перископ, подзорную трубу или даже просто бинокль.**

Все эти приборы выделываются не из простого, а из особого, оптического стекла. Секрет варки этого стекла был открыт оптиком Гинаном полтораста лет назад, и с тех пор он передавался по наследству. Перед мировой войной секрет этот знали всего-навсего три человека: Шотт (компаньон фирмы Цейсс) в Германии, Ченс в Англии и Мантуа во Франции. Эти три фирмы поделили между собой весь мир. Россия покупала все оптические приборы у Шотта. Когда началась война, Россия, конечно, не могла уже больше покупать оптические приборы у Шотта, а заводы Мантуа и Ченса были слишком малы, чтобы удовлетворить нужду русской армии в оптических приборах.

И вот в 1916 году русское правительство отправило специальную делегацию в Париж купить у Мантуа его секрет. Так как это было как раз в дни Верденского сражения и Франция особенно нуждалась тогда в помощи русской армии, то президент Франции обещал русскому правительству повлиять на Мантуа.

Но Мантуа оказался очень несговорчивым. Он не согласился выдать свой секрет даже за миллион франков. Он очень резко заявил, что эти разговоры только волнуют его, а стекловарение требует от него полного спокойствия. Он предупредил, что если его не оставят раз и навсегда в покое, то он вообще прекратит варку оптического стекла — даже для Франции.

Так, не добившись ничего, и уехала русская делегация из Франции...

Теперь же у нас в Советском Союзе имеются свои собственные заводы, которые варят оптическое стекло, и все оптические приборы мы выделываем сами.

Стр. 146. **Не раз бросалась в наступление русская армия, не раз одерживала крупные победы. Но слишком дорого стоили ей эти победы.**

В мае 1916 года французский президент и итальянский король прислали одновременно царю Николаю II телеграммы с требованием помощи: германская армия как раз в это время штурмовала Верден, а австрийская грозила Венеции. Николай II отдал приказ русским войскам спешно начать наступление.

Наступление на австрийском фронте началось 4 июня под командой генерала Брусилова. Оно дало невиданные результаты: в первые же сутки было взято почти сто тысяч пленных; значительная часть австрийских войск бросилась в ужасе бежать. Такой большой победы не было за время войны ни у одной армии.

Австрии пришлось сразу же приостановить наступление на итальянском фронте. Венеция была спасена. Мало этого: в разгар Верденских боев германское командование сняло с французского фронта одиннадцать дивизий и послало их на помощь Австрии. Благодаря этому французам удалось отстоять Верден.

Но все эти успехи русских войск были недолговечны: слишком поспешно было предпринято русское наступление. Брусилов не получил во-время необходимых подкреплений, и наступление было приостановлено.

Русская армия потеряла за время этого наступления около миллиона солдат.

Стр. 152. **Евсеев знал, что его опытом воспользуются наши летчики, которым в будущей войне придется совершать прыжки и с больших и с малых высот.**

Быть парашютистом, это значит прежде всего быть дисциплинированным человеком. Такова уже техника парашютизма, что она не допускает никакой неточности, не терпит ни спешки, ни запоздания. Ведь, если парашютист поторопится и дернет кольцо, не выждав времени, в самый момент отрыва от самолета, тогда парашют заденет за самолет, и это может кончиться для парашютиста плохо. Если же, наоборот, замешкается

и дернет кольцо слишком поздно, над самой землей, тогда парашют уже не успеет раскрыться, и парашютист разобьется насмерть.

Нужно парашют раскрывать не слишком рано и не слишком поздно.

Первый из этих сроков, начальный, уже давно был вычислен очень точно. Что же касается до другого срока, то он долгое время оставался неизвестным. Никто не мог сказать совершенно точно, когда же настанет последний миг для раскрытия парашюта, как близко от земли можно им еще пользоваться.

Не было ответа и на другой вопрос: как долго может человек выдерживать свободное падение без вреда для своего здоровья, сколько времени можно лететь вниз, не раскрывая парашюта?

На все эти вопросы и ответил своим прыжком Евсеев.

Стр. 164. **Германские уполномоченные привезли просьбу о перемирии.**

В это самое время в городе Спа происходило под председательством Вильгельма II военное совещание: нужно было решить, что дальше делать. Германские генералы, один за другим, заявляли, что бороться дальше бессмысленно, война проиграна. Пока происходило это совещание, поминутно раздавались телефонные звонки: из разных городов сообщали, что в Германии началась революция. Вильгельм II совершенно растерялся. Тогда к нему подошли его приближенные и предложили ему единственный, по их мнению, достойный выход: броситься в последнюю битву и погибнуть в ней. Вильгельм II согласился на это.

Но в последнюю минуту он, конечно, струсил. Нарушив свое слово, он бежал тайком в Голландию. Было холодное утро, шел проливной дождь, когда императорский автомобиль подкатил к голландской границе; из него вышел Вильгельм II и, подойдя к голландскому чиновнику, отдал ему свою шпагу. Несколько часов пришлось Вильгельму II прождать под дождем, пока шли телефонные переговоры между начальником пограничного поста и голландским правительством. Наконец бывшему императору разрешили остановиться в доме одного голландского помещика. И вечером Вильгельм II уже сидел за столом в жарко натопленной комнате, среди новых для него людей, жадно ел и пил и хвастливо рассказывал о своих приключениях...

Вскоре вслед за Вильгельмом II бежал в Голландию и кронпринц.

Вильгельм II вместе со своей семьей и до сих пор живет в Голландии. За ним сохранены все его поместья и дворцы, так что он является одним

из самых богатых людей в Европе. Один из сыновей Вильгельма II — член германской фашистской партии.

Стр. 164. **Германия сдалась. Это был конец войны.**

Мировая война кончилась 11 ноября, ровно в 11 часов утра. В эту минуту на фронте прекратились все военные действия. И в это же время, в знак окончания войны, начался в Париже торжественный пушечный салют в сто один холостой выстрел. По салюту и узнали жители Парижа о том, что наступил мир. Те, кто были в этот день в Париже, рассказывают, что там творилось что-то невообразимое: люди на улицах обнимали друг друга и плакали от радости.

Стр. 173. **Стрелять из такой огромной пушки было нелегко.**

«Длинную Берту» сконструировал германский профессор Раузенберг. В награду за свою работу он получил от одного из германских университетов почетное звание — доктора философии!

Стр. 186. **Войну эту вызвали два треста: Рокфеллера и Детердинга.**

В энциклопедическом словаре о Рокфеллере говорится вот что: «Американский миллиардер, путем мошеннических комбинаций, подкупов и насилий сделался самым крупным в мире нефтяным королем».

Рокфеллер умер в этом году, 97 лет от роду.

Последние годы своей жизни Рокфеллер жил очень замкнуто, почти никого не видя, окруженный специальной «медицинской охраной»: десятки врачей следили непрерывно за его здоровьем, принимали все меры к тому, чтобы в его дом не могла проникнуть никакая болезнь.

Детердинг — английский король нефти, соперник Рокфеллера. О Детердинге известно очень мало: он тщательно скрывает свою биографию и не дает о себе никаких сведений, даже для справочников и словарей. Никто до сих пор не знает точно, где и когда родился Детердинг, кто он по своему происхождению. Но о деятельности его имеются все же некоторые сведения. Известно, например, что в 1922 году Детердинг предложил советскому правительству, чтобы оно сдало ему в аренду бакинские нефтяные промыслы. Советское правительство ответило ему отказом. С тех пор особенно обострилась ненависть Детердинга к Советскому Союзу. В 1929 году выяснилась причастность Детердинга к подделке советских червонцев в Берлине. В настоящее время Детердинг поддерживает и снабжает деньгами Гитлера.

Стр. 186. **Что значат по сравнению с этим все стихийные бедствия — землетрясения, наводнения, ураганы?**

Одним из самых страшных стихийных бедствий было японское землетрясение 1923 года: оно убило двести тысяч людей. Но мировая империалистическая война убила не двести тысяч людей, а в пятьдесят раз больше: десять миллионов.

Стр. 196. **Фашисты заранее подыскивают себе союзников, создают общий фронт войны.**

В конце 1936 года Германия и Япония заключили между собой — под видом соглашения о совместной борьбе с коммунизмом — военный союз против СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Часть первая

ВОЛЧИЙ ЗАКОН

Рассказ о Верденском сражении 7
Гимназист Принцип 19
Предвестия войны 25
История короля радия 29
Причина войн 33
Топор и розга 36
Война может быть завтра 40

Часть вторая

НОКАУТ С ВОЗДУХА

Рассказ о первой газовой атаке 45
Фосген 48
Иприт 49
Король лекарств и красок 52
Рассказ о чихательной войне 55
Оса-церцерис и жук-долгоносик 62
Как Париж защищался от воздушных налетов? 66
Невидимки на войне 70
Сражение в воздухе 75
Газ и противогаз 81
Когда ядовитые газы не страшны? 82

Часть третья

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Воздушный флот 91
Как учатся летчики? 94
Что видно сверху? 98
«Черный день германской армии» 104
Глаза и уши танка 108
Морской флот 113
Рассказ о Ютландском бое 117
Война под водой 126
Рассказ о Зеебрюгской операции 133
Кто же был в выигрыше? 141
Фронт и тыл 144
Рассказ о прыжке с парашютом 150

Часть четвертая

БОЙЦЫ И ОРУЖИЕ

АТС 157
Радиокорабль «Цеpинген» 161
История «Длинной Берты» 166
Возможна ли армия без людей? 174
Рассказ о голубе «118-14-А» 179
Вооруженный народ 183
Кровавая дорога 185
Это было в 1914 году 188
Когда прекратятся войны? 192
Рассказ о Перекопе 201
Красная звезда 208

Приложение 216

Mc/Tech.